

Новгород земли Низовской

1969

Александр

Институт археологии Российской академии наук

Новгород земли Низовской

Москва
2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Н72

Ответственный редактор
О. В. Зеленцова

Рецензенты
д.и.н. А.Е. Леонтьев, к.и.н. В.Ю. Коваль

Составители
Н.Н. Грибов, С.И. Милованов

Новгород земли Низовской — М.: ИА РАН, 2024. — 212 с.
ISBN 978-5-94375-415-9

Н72

В сборник материалов Всероссийской научной конференции «Поволжские земли Северо-Восточной Руси в X–XV вв.: история освоения и материальная культура», посвящённой 800-летию Нижнего Новгорода, вошли статьи, освещающие различные аспекты средневековой истории Нижнего Новгорода и сопредельных территорий. Большинство публикуемых исследований основаны на археологических данных. В научный оборот вводятся материалы археологических раскопок 2018–2022 гг. Сборник предназначен для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-415-9

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-415-9

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2024

© Авторы статей, 2024

От редакции

В 2021 г. один из известнейших российских городов — Нижний Новгород — отмечал свое 800-летие. Этому событию была посвящена всероссийская научная конференция «Поволжские земли Северо-Восточной Руси в X–XV вв.: история освоения и материальная культура», объединившая историков и археологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Чебоксар, Иваново, изучающих разные аспекты средневекового прошлого города в устье реки Оки. Материалы этой конференции, организованной Институтом археологии РАН и Нижегородским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником, проводившейся при поддержке Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области, представлены в настоящем сборнике.

В сборник вошло 14 статей. Тематически они разделяются на два основных направления. Первые семь статей затрагивают историческую проблематику непосредственно Нижнего Новгорода, последние семь публикаций посвящены исследованию его окраинных земель и сопредельных территорий.

Сборник открывает статья, подготовленная коллективом сотрудников Поволжской экспедиции Института археологии РАН (Зеленцова О. В., Милованов С. И., Грибов Н. Н., Марьёнкина Т. А., Свиридов А. Н., Очеретина С. В., Баранов Н. А., Аникин И. С., Письмаркина А. И., Пронин А. С., Русаков П. Е., Фатьков А. М.). Она содержит обзор материалов и главных результатов охранных археологических исследований 2018–2022 гг., проведенных в исторической части Нижнего Новгорода и внесших заметный вклад в «копилку» нижегородской городской археологии. В статье В. А. Лапшина обсуждаются особенности топографии средневековой нижегородской крепости, проводятся топонимические параллели с г. Киевом. Свое видение последовательности сооружения нижегородских дерево-земляных укреплений предложил Ф. А. Селезнев. Кропотливый анализ известных письменных источников о монументальном строительстве в Нижнем Новгороде во второй половине XIV в. проведен П. В. Чеченковым, поставившим вопрос о причинах отсутствия сколь-нибудь ясных представлений об этом периоде у современных нижегородцев. Исследование А. А. Кузнецова вскрывает источник и механизм формирования ряда недостоверных представлений о ранней истории Нижнего Новгорода, проникших в отечественную историографию. В фокусе внимания историка — три недостоверных «факта»: основание Нижнего Новгорода в землях, заселенных мордвой, возведение в 1227 г. собора Михаила-Архангела, существование города — предшественника Нижнего Новгорода. Материалы раскопок в одном из районов нижегородского Верхнего посада, застройка которого с надлежащей полнотой впервые отражена только в Писцовой книге 20-х гг. XVII в., по-

зволили С. В. Очеретиной связать время возникновения торгово-ремесленного посада города со второй половиной XIII — XIV в. Статья Свиридова А.Н., Грибова Н.Н. и Милованова С.И посвящена публикации монетногоклада, обнаруженного в подполье постройки XVII в.

Блок статей второго тематического направления открывают три работы, посвященные археологическим памятникам вблизи восточных рубежей Нижегородского княжества. М. И. Федуловым намечена округа средневекового окраинного города Курмыша, введены в научный оборот материалы ряда единовременных ему недавно обнаруженных сельских поселений на правобережье р. Суры. Исследование К. А. Руденко освещает происхождение так называемой «славяноидной» гончарной керамики с примесью толченой раковины — характерной как для памятников эпохи Золотой Орды Нижнего Прикамья, так и для памятников восточной периферии нижегородских земель. В статье Н. С. Мясникова и Н. Н. Грибова представлены результаты изучения отчетной документации и коллекции раскопок селища Большое Янгильдино, одного из ключевых археологических памятников, привлекаемых для разработки проблемы происхождения чувашского народа. Статья Швецовой А. А. с соавторами вводит в научный оборот результаты новейших исследований муромского Нижневерейского могильника, который в 60-е годы прошлого столетия исследовался В. Ф. Черниковым и был известен по небольшой публикации. И. Е. Зайцевой рассмотрены металлические украшения обуви — маркеры присутствия представителей финского населения, собранные при изучении средневековых могильников и селищ Суздальского Ополя. Коллективом сотрудников Ивановской археологической экспедиции — В. А. Авериним, А. В. Авериной, В. Ю. Барышниковым, А. В. Возохиным, Д. В. Самотовинским — введены в научный оборот ранее неопубликованные результаты изучения археологических и антропологических материалов из раскопок г. Плёс. В статье двух авторов — Савосиной Т. Ю. и Сироштана И. И. — описана коллекция металлических украшений из раскопок 2017 г. подмосковного древнерусского курганного могильника Дарьино-2.

Конференция, состоявшаяся в Нижнем Новгороде, отчетливо показала существующий интерес к изучению средневекового прошлого русского поволжского города. Хочется надеяться, что данный сборник найдет своего читателя не только среди профессиональных историков и археологов, но и среди широкой аудиторией любителей отечественной истории.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 3

Зеленцова О. В., Милованов С. И., Грибов Н. Н., Марьёнкина Т. А., Свиридов А. Н., Очеретина С. В., Баранов Н. А., Аникин И. С., Письмаркина А. И., Пронин А. С., Русаков П. Е., Фатьков А. М. Археологические исследования Института археологии РАН в Нижнем Новгороде в 2018–2021 гг. 7

Лапшин В. А. К исторической топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв....30

Селезнёв Ф. А. О расположении Нижнего Новгорода во времена князя Юрия Всеволодовича.42

Чеченков П. В. Историческая судьба материального наследия Нижнего Новгорода как столицы княжества (по письменным источникам)55

Кузнецов А. А. Нижегородское летописание XVII в. — источник недостоверных представлений о ранней истории Нижнего Новгорода69

Очеретина С. В. Заселение территории восточной части Верхнего посада Нижнего Новгорода в XIV в. по итогам археологических исследований82

Свиридов А. Н., Грибов Н. Н., Милованов С. И. Подполье конца XVII в. с монетным комплексом из Нижнего Новгорода96

Федулов М. И. Сельская округа города Курмыш в XIV–XV вв. (по материалам памятников правобережья р. Сура)..... 108

Руденко К. А. Феномен славяноидной керамики Булгарской области Золотой Орды: к вопросу о взаимодействии русских, болгар, поволжских и прикамских финнов..... 121

Мясников Н. С., Грибов Н. Н. Большеянгильдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье..... 133

<i>Швецова А. А., Зеленцова О. В. Милованов С. И., Филиппов Ю.В. Новые исследования Нижневерейского могильника в Нижегородском Поочье</i>	<i>156</i>
<i>Зайцева И. Е. Металлические украшения обуви из Суздальского Ополя (X–XI вв.)</i>	<i>170</i>
<i>Аверин В. А., Аверина А. В., Барышников В. Ю., Возохин А. В., Самотовинский Д. В. Древнерусский некрополь на ул. Варваринская в г. Плѣс Ивановской области: результаты археолого-антропологических исследований</i>	<i>181</i>
<i>Савосина Т. Ю., Сироштан И. И. Металлические украшения в погребальном инвентаре курганного могильника Дарьино-2</i>	<i>197</i>
<i>Об авторах</i>	<i>208</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>210</i>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 2018–2021 ГГ.

О. В. Зеленцова, С. И. Милованов, Н. Н. Грибов, Т. А. Марьёнкина, А. Н. Свиридов,
С. В. Очеретина, Н. А. Баранов, И. С. Аникин, А. И. Письмаркина, А. С. Пронин,
П. Е. Русаков, А. М. Фатьков

Резюме: в статье представлены предварительные результаты масштабных археологических исследований, проведенных Институтом археологии РАН в историческом центре г. Нижнем Новгороде в 2018–2021 гг. Комплекс охранных работ включал в себя археологические раскопки, заложение шурфов, археологические наблюдения. Обобщения и выводы, следующие из осмысления результатов исследований 2018–2021 гг., представляют интерес, как для изучения археологии Нижнего Новгорода, так и для освещения отдельных проблемных тем его историографии.

Ключевые слова: Нижегородский кремль, стратифицированный культурный слой, археологические раскопки, церковь Святого Симеона Столпника, монастырский некрополь, средневековая застройка, Георгиевский храм, Духов монастырь, монеты, Спасо-Преображенский собор.

Начало Нижнего Новгорода уходит в средневековую эпоху — его древнейшая дерево-земляная крепость заложена за семнадцать неполных лет до монгольского нашествия. Несмотря на то, что первые археологические раскопки были проведены еще в далеком 1877 г., активные, почти ежегодные, исследования его городских культурных отложений начались только с рубежа 80–90-х годов XX века.

В 2021 г. Нижний Новгород отметил свое 800-летие. К этой дате были приурочены многочисленные новостройки, противооползневые мероприятия, прокладка новых подземных коммуникаций, благоустройство отдельных участков внутри Нижегородского кремля. Эти работы в историческом центре города сопровождались охранными исследованиями Волжской экспедиции Института археологии РАН под руководством О. В. Зеленцовой и С. И. Милованова.

Проведенные изыскания внесли заметный вклад в «копилку» нижегородской городской археологии. Суммарная площадь раскопок четырех полевых сезонов 2018–2021 гг. (7662 кв. м) составила 27% от общей площади раскопов, изученных в г. Нижнем Новгороде за всю историю его археологических

исследований. Новые материалы постепенно вводятся в научный оборот (*Грибов*, 2019; *Грибов, Марьёнкина, Иванова*, 2021). Настоящая статья носит обзорный характер. В ней содержится краткая сводка всех исследований, выполненных Институтом археологии РАН в г. Нижнем Новгороде в 2018–2021 гг., с представлением наиболее интересных результатов и предварительных выводов.

Комплекс охранных работ, выполненных Волжской экспедицией, включал в себя археологические раскопки, заложение шурфов, археологические наблюдения. Раскопки проводились преимущественно на больших строительных площадках — в зонах воссоздания культовых и некоторых иных утраченных сооружений. Шурфовка была нацелена на предварительное исследование культурных отложений в местах откопки новых коммуникационных колодцев. Наблюдения осуществлялись на тех объектах, где выемка грунта, запланированная строительным проектом, предположительно не могла нарушить культурные слои древнее конца XIX — XX в. По мере выявления более ранних отложений на отдельных участках, наблюдения переходили в полноценные раскопки, которые завершались на уровне проектных отметок. В ряде случаев археологическое сопровождение строительно-монтажных работ из-за жесткого графика последних — в преддверии юбилея города — проводилось при неблагоприятных погодных условиях, в осенне-зимний период, иногда во временных павильонах с использованием тепловых пушек для предварительного прогрева грунта.

Основные археологические раскопы заложены на следующих объектах (рис. 1):

1) в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в нижней части кремля (733 кв. м) — под руководством Т. А. Марьёнкиной, Н. Н. Грибова, А. И. Письмаркиной (*Грибов*, 2018; *Письмаркина*, 2018; *Марьёнкина*, 2019в);

2) в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора в северо-восточной части кремля на Спасской горе (303 кв. м) — под руководством А. Н. Свиридова, Т. А. Марьёнкиной (*Марьёнкина*, 2019а);

3) в зоне воссоздания верхней станции фуникулера на Часовой горе вблизи одноименной башни (436 кв. м) — под руководством А. Н. Свиридова, Т. А. Марьёнкиной (*Марьёнкина*, 2019б);

4) на участке реконструкции гостиницы «Волжский откос» (Верхне-Волжская наб., д. 2А) (5056,95 кв. м) — под руководством А. Н. Свиридова, А. И. Письмаркиной (*Письмаркина*, 2020б);

5) на участке прокладки теплотрассы в северо-восточной части кремля на Спасской горе от Дмитриевской башни к корпусу № 3 (590 кв. м) — под руководством А. Н. Свиридова, Н. Н. Грибова (*Грибов*, 2021а);

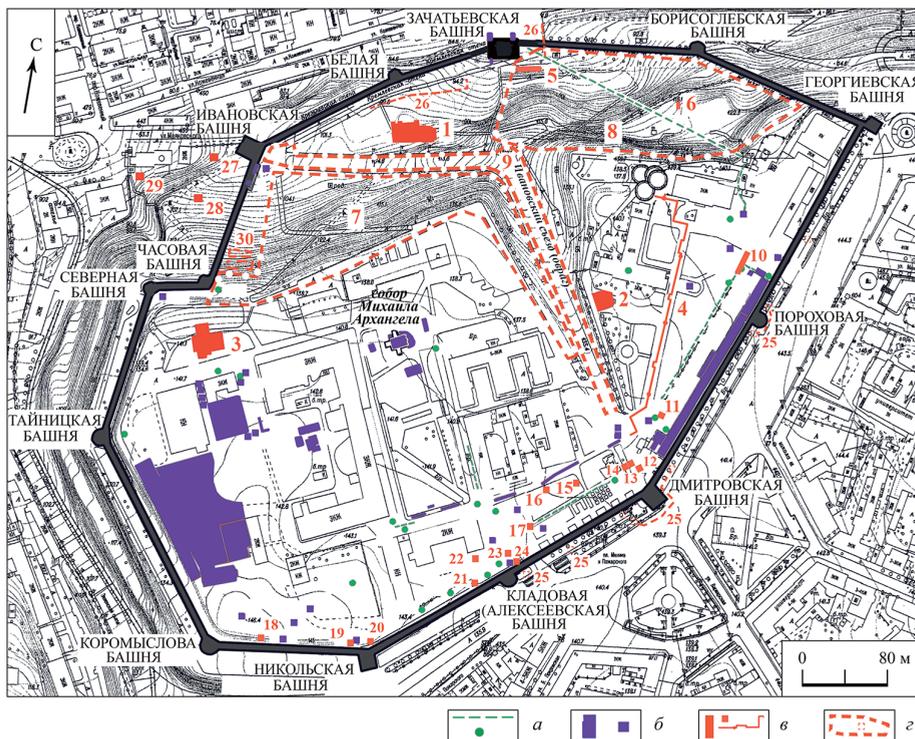

Рис. 1. План Нижегородского кремля с указанием объектов археологических исследований 2018–2021 гг.:

- 1 – раскоп в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника (2018, 2019 гг.);
- 2 – раскоп в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора (2019 г.);
- 3 – раскоп в зоне воссоздания верхней станции фуникулера (2019 г.); 4 – раскоп по месту прокладки теплотрассы (2021 г.); 5 – раскоп по месту монтажа опорной противооползневой стенки (2020 г.); 6 – раскоп по месту монтажа монолитной лестницы (2020 г.); 7 – зона археологических наблюдений у мемориала «Вечный огонь»; 8 – зона археологических наблюдений на Ивановском съезде; 9 – зона археологических наблюдений на участке укрепления Волжского откоса между Зачатьевской и Георгиевской башнями; 10–17 – шурфы по трассе водопровода (2019 г.); 18–24 – шурфы по трассе газопровода (2021 г.); 25 – объекты археологических наблюдений по трассе газопровода (2021 г.); 26 – объекты археологических наблюдений на участке прокладки электросетей от Ивановской башни до Зачатьевской (2020 г.); 27–29, 30 – шурфы и участки наблюдений в зоне противооползневых мероприятий на склоне Волжского откоса между Ивановской и Часовой башнями (2021 г.).
- а – объекты археологических наблюдений до 2019 г.; б – раскопы и шурфы до 2018 г.;
- в – раскопы и шурфы 2018–2021 гг.; г – участки и объекты археологических наблюдений 2019–2021 гг.

б) на участке монтажных работ по возведению опорной противооползневой стенки в нижней части Спасской горы вблизи Зачатьевской башни (76 кв. м) — под руководством С. В. Очеретиной, А. И. Письмаркиной (*Письмаркина, 2020а*);

7) на участке монтажа монолитной лестницы на склоне Волжского откоса в кремле, недалеко от Борисоглебской башни (24 кв. м) — под руководством С. В. Очеретиной, А. И. Письмаркиной (*Письмаркина, 2020а*).

Археологические наблюдения, как правило, сопровождаемые шурфовкой, иногда раскопками отдельных участков, проведены на землеотводах:

1) трасса газопровода вдоль Кремлёвского бульвара и кремлевской стены от середины прясла Коромыслова — Никольской башни до середины прясла Пороховая — Георгиевская; прокладывалась преимущественно методом горизонтального наклонного бурения; исследовано 8 шурфов общей площадью 32,95 кв. м — под руководством Н. А. Баранова, Н. Н. Грибова (*Грибов, 2021в*);

2) трасса водопровода в кремле от корпуса № 1 к корпусам № 6–9, 11 (1259 м); исследовано 6 шурфов, общей площадью 80,8 кв. м — под руководством Н. А. Баранова (*Баранов, 2019*);

3) участок укрепления берегового склона и благоустройства у мемориала «Вечный огонь» в кремле (2630 кв. м); исследован 1 шурф (8 кв. м) — под руководством А. М. Фатькова, Н. Н. Грибова (*Грибов, 2021б*);

4) участок реконструкции Ивановского съезда в кремле (530 кв. м) — под руководством И.А. Афонькина, Н. Н. Грибова (*Грибов, 2021г*);

5) участок прокладки электросетей вдоль северного отрезка стены кремля от Ивановской башни до Зачатьевской (187,26 кв. м) — под руководством А. Н. Свиридова, А. С. Пронина (*Пронин, 2020*);

б) участок укрепления Волжского откоса между Зачатьевской и Георгиевской башнями в кремле (4613 кв. м) — под руководством С. В. Очеретиной, А. И. Письмаркиной (*Письмаркина, 2020а*);

7) зона противооползневых мероприятий на склоне Волжского откоса между Ивановской и Часовой башнями за пределами кремля; заложены 3 шурфа (36 кв. м) — под руководством А. М. Фатькова, И. С. Аникина, П. Е. Русакова (*Русаков, 2021*).

Всего по ходу наблюдений откопано и исследовано 18 шурфов общей площадью 157,75 кв. м.

Наиболее ценная научная информация получена при изучении раскопанных площадок. Все они, кроме участка реконструкции гостиницы «Волжский откос», располагались на территории кремля. До 2018 г. в отдельных местах кремлевской территории — на Спасской горе и древней оползневой террасе в нижней части кремля — археологические исследования ограничивались еди-

ничными малометражными шурфами. Раскопки последних лет позволили существенно нарастить объем археологических данных по этим слабоизученным участкам кремлевской территории.

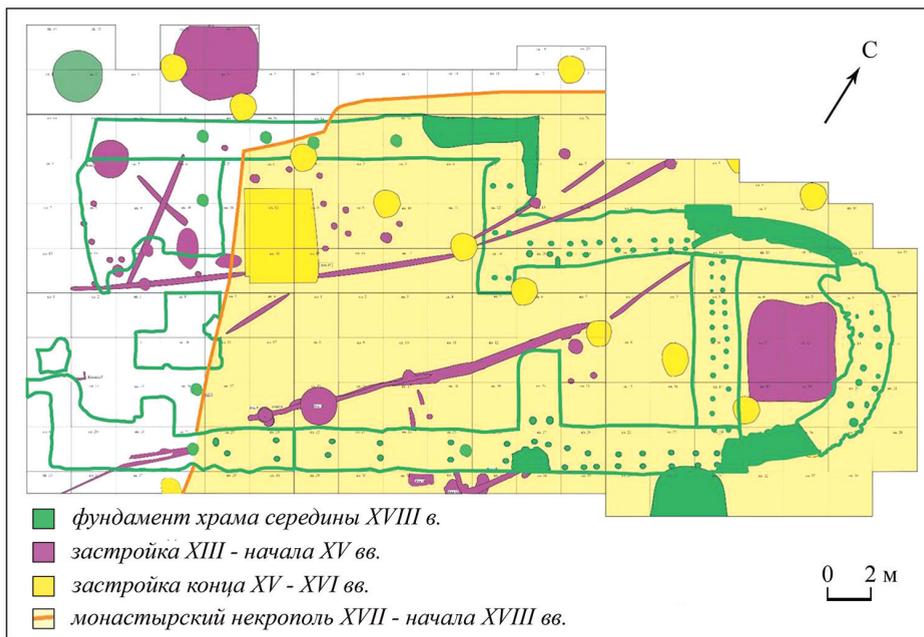
Раскопки в нижней части Нижегородского кремля

Основная раскопанная здесь площадка была приурочена к зоне воссоздания кирпичного храма Святого Симеона Столпника, освященного в 1743 г. и разрушенного в 1929 г. Первое упоминание предшествующей ему деревянной Симеоновской церкви, главного храма Симеоновского монастыря, встречается в Писцовой книге г. Нижнего Новгорода 20-х годах XVII века (Писцовая и переписная книга, 1896. Стб. 26). Местная церковная традиция связывает Симеоновскую церковь с одноименным монастырем, возникшим якобы еще в конце XIV — начале XV в. по инициативе одного из нижегородских князей, носивших имя Симеона (*Коневский*, 1891. С. 395). Какие-либо сведения в письменных источниках о монастырском или церковном кладбище не сохранились. В специальном исследовании, посвященном изучению погостов в черте Нижегородского кремля, отмечено, что при Симеоновской церкви «...погребения не совершались (или же были весьма немногочисленны)...», т.к. церковное здание располагалось в подгорной части, «...где устроить кладбище не позволял рельеф местности» (*Ерёмин*, 2002. С. 160). Результаты раскопок 2018–2019 гг. существенно изменили эти и некоторые другие бытующие представления об истории освоения этой части Нижегородского кремля.

Раскоп полностью охватил обводы стен разрушенного кирпичного храма XVIII в. Его ленточный фундамент опирался на деревянные сваи, набитые в два ряда по всему периметру стен (рис. 2: 1). Основа фундамента сложена нерегулярной кладкой известняковым плитняком, пересыпанным кирпичным боем, без связующего раствора. В отдельных местах кладка фундамента усилена крупными блоками белого камня. Глубина ее заложения варьировала от 0,3 м до 1,3 м. Наиболее глубокая часть фундаментной конструкции была приурочена к углам четверика.

Под полом кирпичного храма обнаружены тленообразные следы нижних венцов, под и неполный развал изразцового убора кирпичной печи последней деревянной Симеоновской церкви. Все эти остатки тяготели к прерывистой углисто-золистой прослойке, оставшейся, вероятно от городского пожара 1715 г., что подтверждают три монеты Петра I, расчищенные на остатках бревен церковного сруба — две медные полушки 1718–1722 гг. и серебряная копейка, изготовленная в проволочной технике (до 1719 г.).

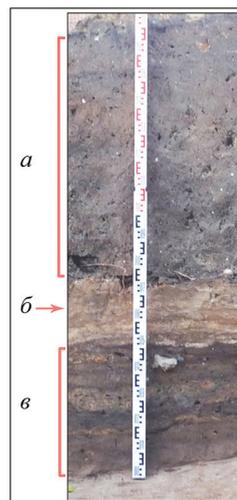
Вскрытый под нижними венцами деревянной церкви *верхний культурный горизонт* (мощностью до 1,5 м) оказался насыщенным грунтовыми погребен-

1

2

3

Рис. 2. Отдельные объекты исследований в Нижегородском кремле 2018–2021 гг.:

- 1 — сводный план раскопов в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника;
- 2 — вид раскопа на Спасской горе с частью фундамента колокольни Спасо-Преображенского собора, вид с востока;
- 3 — дополнительный разрез на раскопе 1 2018 г. в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника, передающий общую стратиграфическую ситуацию; а — отложения XVI–XVIII вв., б — стерильная прослойка делювиальных отложений, в — отложения XIII – начала XV в.

ниями, совершенными по христианскому обряду. Обнаруженный некрополь покрывал почти всю площадь храма 1748 г. за исключением западной периферии — связанной с колокольной, и только в восточном направлении связанный с ним участок выходил за периметр церковных стен. Многие погребения нарушены фундаментами кирпичной церкви, многие — расчищены в периметре церковного здания и под стенами предшествующего ему деревянного строения.

Некрополь характеризуется крайне высокой плотностью захоронений. Большинство погребений зафиксировано без следов могильных ям. Они образовывали 6–8 ярусов и расчищались по мере обнаружения костяков. На раскопанном участке некрополя (530 кв. м) зафиксировано 890 погребений. Среди 838 погребенных с определенными половозрастными характеристиками — 38% детей, 28% женщин и 34% мужчин. Преобладали погребения в досчатых ящичных гробах, в очень редких случаях (один на сто) последние были скреплены железными гвоздями-костылями. Два погребения расчищены в колодах, еще два — в кирпичных склепах, сложенных из кирпича на глиняном растворе. В одном погребении (№ 174) расчищены останки священнослужителя со следами облачения в виде рясы и наручей с вышитыми медной проволокой равносторонними крестами. Еще в одном (погребении № 30) — обнаружены две однотипные зонные бусины из желтого стекла, оставшиеся от четок. С предметами личного благочестия и их неопределимыми остатками связано 147 погребений, что составляет 16,5% от общего числа исследованных комплексов. По стратиграфии, стилистике встреченных в захоронениях нательных крестов и единственной белокаменной могильной плите некрополь датирован серединой XVI — началом XVIII в.

Верхний, насыщенный погребениями, культурный горизонт подстилался прослойкой стерильного грунта, смытого с верхней приборочной части берегового склона (рис. 2: 3). Ее мощность достигала 56 см. Все выявленные могильные ямы перерезали эту прослойку или перекрываемый ею нижний культурный горизонт (там, где она отсутствовала). С кровли стерильной прослойки или из самой нижней части верхнего культурного горизонта зафиксированы врезки двух сооружений, перекрытых погребениями.

Первое сооружение, расчищенное на западной периферии некрополя — прямоугольный котлован (яма 17) размером 3,3х4,4 м, оставшийся, вероятно, от погреба или подпола одной из ранних монастырских построек. Его борта были укреплены срубом, на дне сохранились следы деревянного настила. По набору керамики из придонной части заполнения и двум «маленьким» медным пулам московского и тверского чекана (*Гайдуков*, 1993. С. 203, № 407; 194, № 362), выпуск которых начался не ранее 90-х годов XV века, сооружение датировано концом XV — серединой XVI в.

Второе сооружение — свайное. Его следы представлены совокупностью обширных ям глубиной до 2,5 м с остатками врытых бревен диаметром около 50 см. На площадке раскопа они образовывали два параллельных ряда, разнесенных друг от друга на 9 м. Ряды вытянуты с запада на восток, восточным окончанием — на устье Ивановского оврага, где проложенный по его тальвегу Ивановский спуск сворачивает на склон Волжского откоса. Данное сооружение, очевидно, представляло собой деревянный мост, связывающий верхнюю и нижнюю части городской территории до оборудования на волжском косогоре Ивановского спуска. Очевидно, именно этот мост упоминается в Писцовой книге 20-х годов XVII века (1896. Стб. 26).

Нижний культурный горизонт мощностью до 90 см, перекрытый стерильной прослойкой смытого грунта, представлен пачкой гумусированных угленасыщенных средневековых отложений, перемежаемых светлыми прослойками делювиальных наносов без каких-либо включений. Подробному описанию стратиграфии нижнего горизонта и механизма его формирования посвящена отдельная публикация (Грибов, 2019). находки из культурных слоев нижнего горизонта обнаруживают отчетливую хронологическую дифференциацию на два основных периода. Формирование трех нижних слоев нижнего горизонта датируется промежутком от основания города (1221 г.) до середины XIV в., т.е. до присоединения города к дому суздальских князей; отложение верхнего слоя — образующего кровлю средневекового горизонта — серединой XIV — началом XV в. (Грибов, 2019. С. 255, 257).

Вскрытый раскопом фрагмент средневековой застройки имел усадебный характер. Наиболее стабильным ее элементом был уличный проезд, намеченный двумя субпараллельными линиями многократно подновляемых частотных канавок (рис. 2: 1). Проезд ориентирован вдоль линии шва древней оползневой террасы, по обеим сторонам от него зафиксированы углубленные сооружения в виде квадратных в плане подполий или отдельно стоящих погребов. Борта этих углубленных сооружений, с размерами около 4х4 м и глубиной до 1,5 м, были укреплены деревянными каркасами из угловых столбов и вертикальной обшивки, набранной из плах и горбылей.

К наиболее интересным средневековым находкам относятся предметы восточного импорта: обломок литого чугунного котла с вертикальными стенками и округлым дном, фрагменты привезенных из Болгара и Хорезма керамических сфероконусов, византийских амфор, связываемых с мастерскими из окрестностей г. Трапезунд, осколок китайского сосуда из фарфора-селадона («лун-цюань-яо»), фрагменты поливных кашинных изделий — сосудов, бус, пуговиц, — изготовленных в ремесленных центрах Ирана и Золотой Орды. Особого внимания заслуживает фрагмент каменной, оформленной прорезной

Рис. 3. Наиболее ранние средневековые находки из раскопок г. Нижнего Новгорода 2018–2021 гг.: 1, 2, 4, 5 — в зоне воссоздания верхней станции фуникулера; 6–11 — в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника; 3, 12 — по месту прокладки теплотрассы.

1 — ключ от навесного замка; 2, 3 — привески; 4 — подвеска; 5 — бусина; 6 — кресало; 7 — писало; 8–11 — фрагменты браслетов; 12 — фрагмент белокаменного блока с резьбой. Железо: 1, 6, 7. Бронза: 2–4. Стекло: 8–11. Камень: 5, 12.

резьбой накладки, выполненной на полупрозрачной пластине серого нефритоподобного кварцита¹.

О профессиональных занятиях местных жителей свидетельствуют следы функционирования косторезной мастерской в виде массовых находок фрагментов лосиного рога со следами пиления или резания. К бракованным и незавершенным изделиям относятся муфты от рукояток ножей, две напоминающие шахматные фигурки печати-матрицы. С продукцией местных косторезов, вероятно, можно связать большую часть обнаруженных изделий из кости и рога, это — гребни, копоушки, иглы, путные петли, оснастка рукояток ножей. Инструментарий литейщиков представлен керамическими льячками и каменными литейными формами; следы железоделательного производства — скоплением прокаленной болотной руды (лимонита), вскрытым в западине одной из ранних средневековых ям.

Результаты исследований в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника — многоплановы, они затрагивают разные аспекты и периоды истории города в устье р. Оки. Симеоновский монастырь вряд ли существовал до строительства Нижегородского кремля. На его месте в XIII — начале XV в. располагался уличный проезд, разделяющий городские усадьбы, многие из владельцев которых занимались разнообразным ремеслом. Наиболее ранние сооружения, возникшие после исчезновения средневековой застройки, датируется концом XV — серединой XVI в. Монастырское кладбище начало функционировать не ранее середины — второй половины XVI в. Большинство захоронений на нем было совершено в середине XVII — начале XVIII в., вероятно, в связи с эпизодическим увеличением смертности горожан во время эпидемий. Известно, что только одна из них — эпидемия чумы 1658 г. — привела к появлению целого участка погребений у стен кремлевского Михаило-Архангельского собора (*Храмцовский*, 1859. С. 47).

Вторая площадка, изученная раскопками в нижней части кремля, в зоне монтажных работ по возведению опорной противооползневой стенки в нижней части Спасской горы, имела небольшие размеры. Она примыкала ко шву древней оползневой террасы недалеко от Зачатьевской башни. Как и на южной периферии раскопа на площадке воссоздания храма Святого Симеона Столпника, вскрытый здесь культурный горизонт представлял собой переслоение отдельных маломощных культурных слоев со стерильными склоновыми отложениями. Его мощность от 40 до 240 см. Нижняя часть культурного горизонта представлена прерывистой маломощной слабо гумуссированной прослойкой с включением редких фрагментов русской красноглиняной керамики XIII —

¹ Определение породы камня выполнено геммологом к.г.-м.н. Ю. Б. Заславским.

начала XV в. с грубозернистыми отощителями. Совокупность перекрывающих ее, разделенных склоновыми отложениями, слоев с археологическим материалом датирована XVI в. С ними связаны остатки трех наземных глинобитных печей, поставленных на деревянных опечках без сопровождения под- или предпечными ямами. Среди находок — фрагменты белоглиняных горшков коломенского типа, красноощенных сосудов, медные «маленькие» московские и тверские пулы чеканки 90-х годов XV — XVI века, серебряная денга Ивана IV («мечевая копейка» 1535–1538 гг.).

В небольшом раскопе, разбитом по месту монтажа монолитной лестницы на склоне Волжского откоса вблизи Борисоглебской башни, обнаружен ранее неизвестный некрополь вблизи несохранившейся приходской церкви Сошествия Святого Духа. До 1764 г. эта церковь являлась главным храмом Духовского (Духова) монастыря — до его упразднения. В 1845 г. церковное здание было разобрано по причине частичного разрушения из-за оползания грунта. На раскопанном участке расчищено 13 грунтовых погребений второй половины XVIII — первой половины XIX в. Среди них два детских погребения. Все захоронения совершены по христианскому обряду. Отголоском одного из его древнейших элементов, очевидно, является использование кирпичей-подголовников, обнаруженных в двух захоронениях под черепами погребенных.

Раскопки в северо-восточной части Нижегородского кремля (на Спасской горе)

При проведении раскопок на участке прокладки теплотрассы от Дмитриевской башни к Дому губернатора (корпус № 3 кремля) удалось изучить и зафиксировать стратиграфический разрез культурных отложений вдоль всей северо-восточной части кремля (Спасской горы). Изучение этого объекта представляло большой интерес для выяснения характера и датировки культурных отложений в этой, пока еще слабо исследованной, части кремлевской территории. Из-за технологических требований к условиям монтажа теплотрассы и крайне сжатых сроков строительных работ на большей части длины траншеи изыскания были ограничены раскопками до уровня проектных отметок.

Длина обследованной траншеи — 280 м. На протяжении первых 100 м (от Дмитриевской башни) раскоп под острым углом пересекал ров нижегородской дерево-земляной крепости 1221 г. В заполнении рва удалось исследовать только верхние отложения, датированные преимущественно концом XVII — началом XIX в. Их особенностью являлась обводненность, способствующая сохранности находок из органических материалов. Расчищены остатки нескольких срубных построек (вероятно, погребов или бань), частично вошедших в обводы траншеи. Западный борт рва нижегородской крепости на всем зафиксиро-

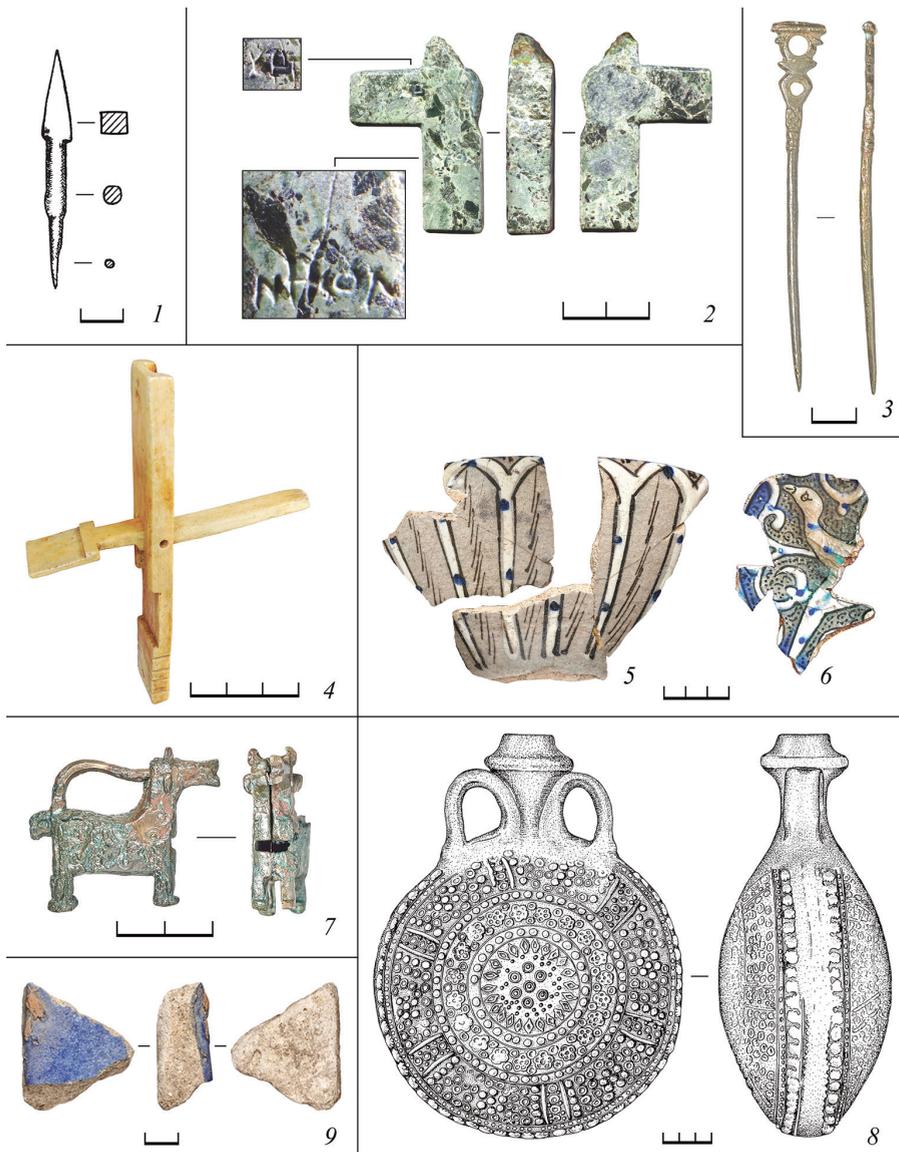

Рис. 4. Находки XIV — начала XV в. из раскопов г. Нижнего Новгорода 2018–2021 гг.: 1– в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника (2018, 2019 гг.); 2, 4 — по месту прокладки теплотрассы (2021 г.); 3 — в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора; 5–9 — в зоне воссоздания верхней станции фуникулера (2019 г.).

1 — наконечник стрелы; 2 — наперсный крест; 3 — писало; 4 — монетные веса; 5, 6 — фрагменты поливных восточных сосудов из кашина; 7 — замок; 8 — фляга; 9 — фрагмент поливной отделочной плитки. Железо: 1. Бронза: 3, 7. Кашин: 5, 6, 9. Камень: 5, 12. Кость: 4. Камень: 2.

ванном участке оказался сильно нарушен врезками углубленных сооружений XVIII–XIX вв.

Вблизи южного входа в Дом Советов (корпус № 5 кремля) траншея пересекла остатки главного нижегородского храма — Спасо-Преображенского собора, построенного в 1829–1834 гг. и разрушенного в 1929 г. Раскоп вскрыл небольшие фрагменты фундаментных траншей северной и южной стен церковной постройки. Кладка фундамента оказалась выбранной в советское время. В пространстве между фундаментными траншеями зафиксирован небольшой участок каменного пола и основание стен подземного храма-усыпальницы, в который были перенесены захоронения великих нижегородских князей, Козьмы Минина и некоторых других именитых нижегородцев.

Недалеко от восточного входа в Дом Советов, где некогда располагалась алтарная часть более раннего здания Спасо-Преображенского собора (XVII в.), раскоп вскрыл участок некрополя. Исследовано 76 погребений, датированных преимущественно XVII–XVIII вв. Изучение стратиграфического положения могильных ям единичных фрагментарно сохранившихся погребений указывает на то, что наиболее ранние из них появились, вероятно, еще до XVI в. В XVI–XVII вв. большая часть исследованной части некрополя была застроена, на что указывает серия углубленных сооружений этого времени, перерезанных могильными ямами.

На большей части северной периферии траншеи теплотрассы (вблизи западного фасада корпуса № 3) на стерильном горизонте погребенной почвы зафиксирован слой XVI — начала XVII в., включающий в себя и более ранние переотложенные средневековые материалы.

Среди средневековых объектов наибольший интерес представляет яма 1/22. В ее заполнении обнаружено пятнадцать серебряных и медных средневековых монет — преимущественно нижегородской чеканки первой четверти XV в., костяные монетные бесчашечные весы (рис. 4: 4) и крупный фрагмент привезенного, вероятно, из Византии, наперсного каменного креста со слегка вытянутой вертикальной осью (рис. 4: 2). Часть монетных находок из этого комплекса представлена денгами нижегородского князя Даниила Борисовича — впервые обнаруженные при раскопках Нижнего Новгорода. Весовой эталон монетных весов (0,85 гр.) оказался близок к нижней границе ремедиума монет Нижегородского и Московского княжеств, находившихся в обращении вблизи рубежа XIV–XV вв. (Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 135). Наперсный крест изготовлен из брекчиевидного серпентинита (змеевика) с прожилками кальцита и включением мрамора, что характерно для «фессалийского камня», раз-

рабатываемого в Греции близ г. Ларисса еще с римского времени². Изделия из него были широко распространены в Византии, он использовался для облицовки собора Святой Софии в г. Константинополе (*Ферсман*, 2003. С. 274). На сохранившейся части горизонтальной перекладины креста читаются вырезанные уставом литеры «ХРІ» (очевидно, часть надписи «ИСУСЪ ХРИСТОСЪ»), на нижней перекладине, вероятно, имя владельца: «ННКОЛ» (со слитным начертанием «Н» и «К»).

В настоящее время описанный комплекс — наиболее поздний среди известных средневековых комплексов Нижнего Новгорода. С большой степенью вероятности он сложился в завершающий период правления последнего из суверенных нижегородских князей, предшествующий запустению города в середине — второй половине XV в.

При просчете массового керамического материала было встречено несколько крупных выразительных фрагментов лепных сосудов с характерной посудой поздняяковской культуры поздней бронзы украшенной жемчужинным орнаментом. Эти находки, обнаруженные в позднейших отложениях, очевидно, свидетельствуют о существовании на территории кремля памятника середины — второй половины II тыс. до н.э., разрушенного при активной хозяйственной деятельности, наверное, еще в средневековую эпоху.

Второй раскопанный участок на Спасской горе заложен с целью локализации фундамента кирпичной колокольни Спасо-Преображенского собора. Колокольня, в виде восьмигранного столпа с шатровой крышей, была построена в 1762 г. на месте деревянной, сгоревшей при городском пожаре 1715 г. В конце 20-х годов XX века кирпичная колокольня была разобрана.

Разбивке раскопа предшествовало георадарное исследование с целью первичной локализации утраченного строения. На геофизической съемке планировка его фундамента имела форму округлой фигуры. Наилучшую сохранность имели западный и северо-западный сегменты конструкции. Ширина фундамента могла превышать 3 м. Во внутреннем пространстве фундаментной конструкции зафиксирована перегородка. Последующие раскопки подтвердили все эти геофизические данные.

Фундамент колокольни ленточный, в плане он образовывал правильный изометрический восьмигранник (рис. 2: 2). Размеры фундаментной конструкции, прослеженной на глубину до 2,6 м составили 12 x 12 м, ширина — до 2,6 м. Борта фундаментного рва были укреплены нерегулярной кладкой из крупного белого камня с «рваными» краями, середина фундаментной конструкции

² Определение породы проведено геологами к.г.-м.н. А. К. Чаусом и д.т.н. А. М. Коломийцем.

Рис. 5. Находки XVI – XVIII вв. из раскопок и мест наблюдений в г. Нижнем Новгороде 2018–2021 гг.: 1, 2, 5, 6 – раскоп по месту прокладки теплотрассы; 3, 4 – наблюдения у мемориала «Вечный огонь»; 7 – раскоп в зоне реконструкции гостиницы «Волжский откос».

1 – нож; 2 – фрагмент печного изразца; 3, 4 – печати; 5 – фрагмент церковного колокола; 6, 7 – кресты. Железо: 1. Керамика: 2. Бронза: 3–5, 7. Кость: 6.

заполнена кирпичным боем и щебнем белого камня, нерегулярно пролитыми белым известковым раствором. Прослежены следы пристроек, расчищенные с северо-запада и юго-востока от фундамента колокольни. Пространство между колокольней и Ивановским спуском было благоустроено мощением из моренного валунного камня.

На участке раскопа с наиболее ранними сохранившимися культурными отложениями стерильные горизонты погребенной почвы перекрыты прослойкой из щебня и крошки известкового туфа, образование которой, вероятно, можно связать со строительством или перестройкой самой ранней нижегородской церкви Святого Спаса. На большей части раскопанной площади эта прослойка удалена в результате позднейших работ по планировке территории или нарушена врезками разновременных углубленных сооружений. Прослойку перекрывал горизонт с материалами XIII — первой половины XVII в., который отложился, вероятно, до строительства третьего здания Спасо-Преображенского собора, освященного в середине XVII в.

Об освоении участка в средневековое время свидетельствуют четыре сравнительно небольших углубленных сооружения с материалами XIII — начала XV в. и отдельные находки, попавшие в более поздние отложения. Наиболее интересные среди них представлены бронзовым писалом с фигурной лопаточной (рис. 4: 3), двумя золотоордынскими монетами (медной и серебряной), фрагментами амфорной тары. В заполнении одной из ям XVII в. обнаружено скопление штукатурки со следами фресковой росписи, которое, скорее всего, связано с разборкой средневекового белокаменного здания Спасо-Преображенского собора в 70-х годах XVII века.

Следует отметить, что освоение раскопанного участка в средневековый период не было столь активным, как это прослеживается в других районах кремлевской территории. Последующий строительный период датируется XVI — первой половиной XVII в., с которым связаны обширные подпольные ямы и частокольные канавки, расчищенные недалеко от борта Ивановского оврага. Инвентарь этого времени, кроме многочисленных фрагментов белоглиняных горшков коломенского типа, красноощенных кувшинов и сравнительно редких черноощенных сосудов, представлен «маленькими» пулами тверской и московской чеканки, железными наконечниками стрел, игральным кубиком из кости и рядом других находок.

Засыпка котлованов подполий, наверное, была приурочена к строительству третьего здания Спасо-Преображенского собора, освященного в 1652 г. Со строительством этого храма, скорее всего, связана обширная яма для обжига извести, расчищенная на самой бровке Ивановского оврага.

Раскопки в юго-западной части Нижегородского кремля (на Часовой горе)

Раскоп в зоне воссоздания верхней станции фуникулера заложен в 2019 г. вблизи бровки Волжского откоса у Часовой башни. Руины станции, после ее разрушения в 20-е годы XX века, были перекрыты мощным (до 4 м) чехлом планировочного грунта. Вскрытые под ним на материке культурные отложения датированы преимущественно в пределах конца XVII — начала XX в. Однако углубленные сооружения, выявленные после зачистки материковой поверхности, хорошо документируют историю освоения этой, наиболее освоенной, части территории Нижегородского кремля. Обнаруженные перерезающие друг друга материковые ямы и частокольные канавки хронологически распределяются на три основные группы, отражающие три основных строительных периода: XIII — начала XV в., XVI — начала XVII в. и XVII — начала XIX в.

Наибольший интерес представляют следы освоения средневекового времени. Кроме серии подпольных и подпечных ям и, возможно, котлованов, связанных с отдельно стоящими погребями, они представлены богатой коллекцией находок. Среди них выделяется ряд предметов, вышедших из бытования еще к началу XIV в., среди владельцев которых могли быть и первопоселенцы Нижнего Новгорода. К таким находкам относятся железный ключ от навесного замка типа А (по классификации Великого Новгорода) (рис. 3: 1), проволочное перстнеобразное височное кольцо, массивная продолговатая граненая бусина из пиррофиллитового сланца (розового шифера) (рис. 3: 5), шаровидные и грушевидные бронзовые литые привески-бубенчики (рис. 3: 2), бронзовая двухсторонняя литая двуглавая прорезная подвеска с изображением двух петушиных голов, характерная для периферийных городов Северо-Восточной Руси XI–XIII вв. (рис. 3: 4) (*Рябинин*, 1981. С. 23. Тип VIII). Особый интерес представляет медная монета Монгольской империи, отчеканенная в г. Болгаре в середине XIII в. от имени каана Мунке (1251–1259 гг.). В настоящее время это самая ранняя монетная находка из Нижнего Новгорода.

Археологический инвентарь из раскопок на Часовой горе, как правило, насыщен предметами восточного импорта. Раскоп 2019 г., в этом плане, не стал исключением. Значительная часть привезенных вещей происходит из заполнения котлована обширного погреба (яма 51), датированного по набору керамики серединой XIV — началом XV в. «Восточные» вещи представлены бронзовым зооморфным замком (рис. 4: 7), фрагментом бронзового зеркала, двумя медными пулами Золотой Орды, фрагментами стеклянных перстней цвета бирюзы, стеклянными бусами. Особый интерес представляют фрагменты керамических дымоходных труб, присутствие которых может указывать на оснащение отдельных нижегородских построек элементами, характерными для жилых

сооружений городов Золотой Орды. Уникальной находкой является фрагмент поливной отделочной плитки на кашинной основе (рис. 4: 9). Коллекция фрагментов парадной поливной кашинной посуды насчитывает 93 единицы. Они представлены преимущественно образцами полуфаянсовых изделий с бесцветной или бирюзовой поливой (рис. 4: 5, 6). Найдены образцы «ладжвардина», ильханского люстра, китайского фарфора-селадона. К уникальным находкам можно отнести керамическую «штампованную» флягу, изготовленную в «калыбной» технике и привезенную в Нижний Новгород, скорее всего, из Хорезма (рис. 4: 8). Найденные предметы восточного импорта, как правило, происходят из комплексов середины — второй половины XIV в.

Раскопки в черте Верхнего городского посада (Верхне-Волжская набережная, д. 2А)

Раскопки, проведенные в зоне реконструкции гостиницы «Волжский откос», тяготели к утраченной в 30-е года XX века кирпичной Георгиевской церкви (1702 г.), располагавшейся вблизи бровки Волжского откоса в 0,16 км от Георгиевской башни Нижегородского кремля.

На большей части раскопа городской культурный слой был срезан или переотложен в XX в. при строительстве гостиницы «Волжский откос». Его максимальная мощность не превышала 60 см. Фундамент церковного здания сохранился фрагментарно.

К востоку и северо-востоку от него обнаружены следы приходского кладбища. На вошедшей в раскоп части некрополя исследовано 55 грунтовых захоронений XVII–XVIII вв., совершенных по христианскому обряду. На останках большинства погребенных обнаружены нательные кресты. Средокрестие многих из них отмечено волютой с лучами.

К юго-западу от некрополя и остатков фундамента Георгиевской церкви на материке зафиксированы следы достаточно плотной городской усадебной застройки второй половины XVI — XVII в. и второй половины XVII — XIX в. Исследовано более 20 крупных подполий. Их котлованы глубиной до 1,8 м по форме напоминали квадраты со стороной 3–4 м.

В придонном горизонте заполнения одной подпольной ямы обнаружен небольшой монетный клад конца XVII в., состоящий из 95 серебряных копеек, изготовленных в проволочной технике. Наиболее ранние монеты, выпущенные при правлении царя Михаила Фёдоровича, отличаются наихудшей сохранностью. Три из них — с пробитыми отверстиями, вероятно, в какое-то время входили в состав украшений. Наиболее поздние монеты соответствуют времени совместного правления Иоанна и Петра Алексеевичей. Они были выбиты в Москве, на что указывает литера «М» под конем всадника на их реверсах. Монеты

Петра Алексеевича (24 экз. — 27%) — все за исключением одного экземпляра — имеют дореформенный вес (больше 0,28 гр. — до реформы 1698 г.). Время сокрытия кладового комплекса, очевидно, соответствует 1682–1696 гг. В составе сопутствующего кладу керамического комплекса (5501 фр.) преобладают нижегородская кирпично-красная ангобированная керамика (45%), представленная горшками с редуцированными шейками, клювовидными окончаниями венчиков и подсыпкой мелкозернистого песка на донцах, и посуда с преднамеренным восстановительным обжигом (47%) — мореная и чернолощенная. Последняя декорирована разреженным орнаментальным (часто — сетчатым) лощением. Доли других групп незначительны: белоглиняной с примесью песка — 3%, красноглиняной нелощенной с примесью песка — 5%, фарфоровой и фаянсовой — 0,3%.

В собранной коллекции доминирует инвентарь XVI–XVIII вв. Он представлен курительными трубками, нательными и наперсными бронзовыми крестами (рис. 5: 7), редкими стеклянными бусами, накладками, топорами, столярными инструментами, ножами, проколками, светцами, рыболовными грузилами от волоковых сетей, пряслицами. Встреченные образцы печных изразцов относятся к разновременным наборам. Среди них выделяются красные рамочные — наиболее ранние и достаточно редкие изразцы для Нижнего Новгорода.

Об освоении участка в более ранний период, в XIV в., свидетельствуют отдельные находки. К ним относятся небольшая бронзовая накладка в виде дракона, железные ключи от навесных замков типов В и В1, исчезающих в первой половине — середине XV в., русская посредственно обожженная керамика с грубозернистыми отошителями.

Особый интерес представляют монеты XIV–XVI вв. (29 экз.): 2 серебряных данга Золотой Орды XIV в. (ханов Джанибека и Кульны) со следами обрезаживания, одна фальшивая, плакированная серебром, монета Золотой Орды, 8 медных «тяжелых» пул русской удельной чеканки, 11 «маленьких» московских и тверских пул 90-х годов XV — XVI века; 2 денги Ивана III конца XV в., несколько серебряных монет Ивана IV. Находка монет Ивана III — первая в Нижнем Новгороде. Изображения на обоих экземплярах сильно потерты, монетный кружок одной находки — свернут в цилиндр, что может указывать на вторичное использование. Чеканка одной денги Ивана III происходила после 1478 г. (Зайцев, 2006. С. 122, 123. № 103–108), другой — в 1485–1500 гг. (Зайцев, 2006. С. 26, 89, 90. № 13–16).

Обобщения и выводы, следующие из осмысления результатов исследований 2018–2021 гг., представляют интерес, как для изучения археологии Нижнего Новгорода, так и для освещения отдельных проблемных тем его историографии. Наиболее важными из них представляются следующие.

1. Уже в начальный период существования Нижнего Новгорода (в XIII — начале XIV в.) его усадебная застройка охватывала такие элементы волжской долины, как береговые склоны. Социальный фактор — близость к крепости, скорее всего, играл определяющую роль при заселении оползневых террас на Волжском откосе с очевидными для таких мест весьма неблагоприятными инженерно-геологическими условиями. Связанные с такими местами «сухие», но стратифицированные, средневековые культурные отложения, впервые обнаруженные в Нижнем Новгороде, весьма информативны для изучения истории освоения городской территории.

2. Изучение стратиграфии культурных отложений в двух, ранее плохо исследованных, геоморфологически обособленных частях кремлевской территории — на Спасской горе и в нижней части кремля — указывает на существование перерыва в накоплении городских культурных отложений, соответствующего большей части XV в. Это наблюдение подтверждает вывод о периоде запустения большей части территории средневекового Нижнего Новгорода в указанный временной промежуток, сделанный по материалам изучения Часовой горы и разных районов Верхнего посада.

3. Освоение территории кремля до основания Нижнего Новгорода происходило не только в мезолите и в раннем железном веке (о чем свидетельствуют отдельные материалы исследований прежних лет), но и в период поздней бронзы (в середине — второй половине II тыс. н.э.). На это указывают находки керамики поздняяковской археологической культуры на Спасской горе. Результаты работ 2018–2021 гг., в целом, не вступают в противоречие с летописной датой основания города.

4. Планировка первой нижегородской крепости предполагала охват с напольной стороны площадок двух мысов, разделенных Ивановским оврагом, — Часовой горы и Спасской горы — одной общей линией укреплений. Предположение о существовании до строительства Нижегородского кремля на его территории двух дерево-земляных крепостей, разделенных Ивановским оврагом, опровергается результатами археологических исследований. На участках вблизи бровок бортов Ивановского оврага, на раскопе в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора и в траншее 1, изученной при проведении наблюдений в зоне благоустройства мемориала «Вечный огонь» вместо следов насыпей крепостных валов зафиксированы следы застройки XIII — начала XV в. Совместный анализ материалов всех раскопанных участков и шурфов, заложенных в промежутке между Дмитриевской башней и Ивановским спуском, приводит к заключению о том, что ров первой нижегородской крепости с напольной стороны пересекал эрозионный врез Ивановского оврага вблизи отклонения его вершинной части к востоку от оси Ивановского спу-

ска (к юго-западному окончанию здания Нижегородского Арсенала — корпуса № 6 кремля).

5. Собранные при исследованиях 2018–2021 гг. монеты XIII–XVI вв. (120 экз.) существенно увеличили число известных монетных находок из Нижнего Новгорода, что позволяет сделать первые предварительные обобщения по истории местного монетного обращения.

Сколько-нибудь активное монетное обращение в городе на окском устье вряд ли имело место до 70-х годов XIV века. Заметную роль в нем кроме местных выпусков до реформы рубежа первых двух десятилетий XV в., скорее всего, играли серебряные данги Золотой Орды и их подражания со следами обреза. Кризисные явления середины — второй половины XV в. отчетливо просматриваются в составе нижегородской нумизматической коллекции по отсутствию монет Василия II чеканки 1434/35 — 1462 гг. и единичным находкам выпусков Ивана III.

Литература

- Гайдуков П. Г.*, 1993. Медные русские монеты конца XIV — XVI веков. М.: Наука. 302 с.
- Грибов Н. Н.*, 2019. Стратифицированный средневековый горизонт в Нижегородском кремле: условия формирования и предварительная характеристика // КСИА. Вып. 257. С. 247–260.
- Грибов Н. Н.*, 2021а. Отчет об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) по месту прокладки теплотрассы в кремле г. Нижнего Новгорода (от Дмитриевской башни до корпуса № 3) в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н. Н.*, 2021б. Отчет об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) в зоне благоустройства мемориала «Вечный огонь» в кремле г. Нижнего Новгорода в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н. Н.*, 2021в. Отчет об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) в зоне прокладки газопровода вдоль Кремлёвского бульвара от ул. Минина до ул. Пожарского в г. Нижнем Новгороде в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н. Н.*, 2021г. Отчет об археологических наблюдениях на участке реконструкции Ивановского съезда на территории кремля в г. Нижнем Новгороде в 2021 году / Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н. Н., Марьёнкина Т. А., Иванова Н. В.*, 2021. Археологические исследования в нижней части Нижегородского кремля (предварительные результаты работ 2018–2019 гг.) // КСИА. Вып. 262. С. 322–338.
- Зайцев В. В.*, 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III / Ред. А. С. Мельникова. Киев: Юнона Монета. 208 с.
- Ерёмин И. О.*, 2002. Средневековые погосты в Нижегородском кремле и на прилегающей территории // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитекту-

- ры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области. С. 158–163.
- Коневский М. Ф.*, 1891. Симеоновская единоверческая и Успенская, что при Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, церкви и их достопримечательности // Нижегородские епархиальные ведомости. Нижний Новгород. № 12. С. 394–401.
- Марьёнкина Т. А.*, 2019а. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора в г. Нижний Новгород, Кремль, в районе корп. 5 в 2019 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Марьёнкина Т. А.*, 2019б. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» на участке строительства фуникулера на откосе Нижегородского Кремля в г. Нижний Новгород в 2019 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Марьёнкина Т. А.*, 2019в. Научный отчет о проведении археологических раскопок в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле в 2019 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Спб.: Синодальная типография, 1896. 338 с.
- Письмаркина А. И.*, 2018. Отчет о проведении археологических раскопок в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле в 2018 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Письмаркина А. И.*, 2020а. Отчет о проведении археологических исследований (наблюдений и раскопок) на территории ОКН «Культурный слой г. Нижнего Новгорода» на объекте «Ансамбль Кремля: стены и башни» в 2020–2021 гг. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Письмаркина А. И.*, 2020б. Научный отчет о проведении археологических раскопок и наблюдений на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» по адресу: г. Нижний Новгород, Верхне-Волжская набережная, д. 2А в 2020 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Пронин А. С.*, 2020. Научный отчет о проведении археологических раскопок и наблюдений на участках прокладки электросетей вдоль северной стены Нижегородского Кремля в г. Нижний Новгород в 2020 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Русаков П. Е.*, 2021. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в связи с противооползневыми мероприятиями в районе кремля на территории ОАН «Культурный слой города» в г. Нижнем Новгороде в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л.: Наука. 124 с.

Ферсман А. Е., 2003. Очерки по истории камня: в 2-х т. Том 1. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 304 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.: изд-во МГУ. 254 с.

Храмцовский Н. И., 1859. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода в двух частях. Ч. 2. Нижний Новгород: Губернская типография. 263 с.

К исторической топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв.¹

В. А. Лапшин

Резюме. В статье обсуждаются особенности топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв., элементы деревоземляных укреплений которого (рвы) частично исследованы в нагорной части территории каменного кремля начала XVI в. Топонимические параллели с г. Киевом свидетельствуют о том, что князь Георгий Всеволодович, закладывая город в 1221 г., рассматривал его как будущий столичный центр. Автор приходит к выводу, что первоначальные укрепления XIII в. имели двухчастную структуру и были разделены Ивановским оврагом. Закладка в начале XIII в. двух каменных соборов — Спасского и Михаило-Архангельского — свидетельствует о том, что город изначально имел два центра — собственно детинец и княжеский двор. По-видимому, в домонгольское время была заселена только узкая полоса вдоль края верхней береговой террасы при слиянии Волги и Оки. Материалы раскопа 2001–2002 гг., расположенного в 180 м к юго-западу от собора Михаила Архангела XVII в. свидетельствуют, что в начале XIII в. эта территория еще не была освоена. В XIV в. мы застаем здесь комплекс усадьбы, выделяющийся помимо многочисленных золотоордынских импортов находками оружия, снаряжения коня и всадника. Время наиболее интенсивной жизни здесь приходится на середину — вторую половину XIV вв., т.е. на время существования Великого княжества Нижегородского (1341–1392 гг.). Автор предполагает, что усадьба могла принадлежать главе княжеской администрации.

Ключевые слова: средневековый город, топография и хронология города, Северо-Восточная Русь, Нижний Новгород, Золотая Орда.

Одна из главных особенностей русских городов XII–XIII вв. — их основание является плодом сознательной и целеустремленной политики князей (Егоров, 2000. С. 267). Строительство укреплений «с запасом» определялось желанием князя превратить рядовой пункт в столичный центр, что «...со-

¹ Статья подготовлена в рамках темы НИР № FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению»

проводилось строительством новых укреплений, зачастую огораживающих пустые пространства» (Куза, 1996. С. 50). При этом даже на первом этапе Нижний Новгород выделялся среди других городов, основанных во второй половине XII — начале XIII в. Закладка каменного собора в 1225 г. Георгием Всеволодовичем говорит об изначальных столичных амбициях. Для сравнения: в молодых столицах княжеств Северо-Восточной Руси — Твери и Москве первые каменные соборы были заложены соответственно в 1285 (Антипов, 2000. С. 22–25) и 1326 гг. (Антипов, 2000. С. 29–33). Строительство каменного собора в тот период — это политическая манифестация. Другое свидетельство столичных амбиций — перенос некоторых географических названий.

Перенос южнорусских названий в Северо-Восточную Русь в XII в. давно привлекал внимание историков. Он рассматривался как основное свидетельство притока населения из Поднепровья на Северо-Восток (Ключевский, 1903. С. 356; Кучкин, 1984. С. 75). Особенно выразительно дублирование пары — топонима и гидронима — «Переяславль — река Трубеж» сразу дважды: Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский — каждый на реке Трубеж (Попов, 1965. С. 59–60). Иной характер имел перенос гидронимов из-под Киева во Владимир на Клязьме. В том, что новый город окружают названия легендарных киевских речек — Ирпени (под Владимиром — Рпени), Лыбеди и Почайны — претензия на основание новой столицы. Лыбедь появляется и в Переяславле-Рязанском: кремль возведен в междуречье Трубежа и Лыбеди.

В топографии Нижнего Новгорода привлекает внимание наличие гидронима Почайна. Это небольшой правый приток Волги рядом с Кремлем. Но возникает вопрос: откуда перенесено название — из Киева или из Владимира, другими словами, который из столичных городов был для Георгия Всеволодовича образцом для подражания при закладке в 1221 г. Нижнего Новгорода. Чтобы это понять, необходимо обратиться к топографии Киева, Владимира на Клязьме и Нижнего Новгорода. Прежде всего, бросается в глаза внешнее сходство возвышенностей, на которых расположены древнейшие части этих городов, особенно если смотреть на них с противоположного низкого берега реки. Устья Почайны и Лыбеди с севера и юга окаймляли центральную часть Киева и играли в его жизни важную роль как естественные гавани, неоднократно упомянуты в летописях (Барсов, 2011. С. 91–98)². Такую же роль играла во Владимире река Лыбедь, огибавшая городские укрепления с севера и востока. Она упомянута в связи с событиями 1238 г. (Барсов, 2011. С. 35). Как и Ирпень под Киевом, Рпень находится на некотором удалении от Владимира. В рабо-

² Древнюю топографию сохранил чертеж Киева 1695 г. (Алферова, Харламов, 1982).

тах Н. Н. Воронина неоднократно упоминаются Лыбедь, Почайна, Ирпень во Владимире как отражение киевской гидронимии (*Воронин*, 1961. С. 46; 2007. С. 39). Однако исследователь не уверен в местонахождении ручья Почайна, который находился «за Серебряными воротами», «на восточном отроге владимирских высот», и ссылается на сочинение Ф. И. Буслаева о владимирских сказаниях (*Воронин*, 1946. С. 163. Прим. 6). Ручей Почайна протекал с запада на восток примерно в 2 км севернее Лыбеди, являвшейся границей средневекового города, и был правым притоком Рпени. О нем напоминают названия современных улиц Почаевская и Почаевский овраг. В черту города эта территория не была включена вплоть до XX в. (*Мазур*, 2006. С. 88–89). Не менее 1,5 км отделяло устье Почайны от Серебряных ворот. Общая топографическая ситуация разительно отличается от киевской. Нет уверенности и в связи двух гидронимов. По М. Фасмеру «пóча» — лужа, болото, старое русло реки (2003. III. С. 347), т.е. не исключено, что владимирское название могло возникнуть независимо от киевского.

Напротив, устье Почайны в Нижнем Новгороде по топографии и функции, которую оно могло выполнять (городская гавань), удивительно похоже на устье Почайны — Притыку в Киеве. Первым обратил внимание на это нижегородский краевед и первый историк города Н. И. Храмцовский, который приписал основателю города князю Георгию Всеволодовичу следующий пассаж: «Вскоре после того Юрий вздумал осмотреть новые свои владения. Дятловы горы, возвышавшиеся при впадении Оки в Волгу: до такой степени поразили его сходством своим с высокими киевскими, колыбелью христианства Руси, что он ручеек, вытекающий из ущелья, назвал Почайной и решил основать тут город, а близ него, по примеру киевского, монастырь Печерский» (*Храмцовский*, 1857. С. 6).

По имеющимся в настоящее время археологическим материалам нет достаточных оснований для утверждения о притоке населения из Поднепровья. Перенос топонимов и гидронимов — часть целенаправленной деятельности князей, связанной со строительством новых городов-крепостей на вновь осваиваемых землях.

Вернемся к древнейшей топографии Нижегородского кремля. Первая реконструкция территории детинца XIII–XIV вв. принадлежит С. Л. Агафонову (1960). Ряд более поздних наблюдений позволило уточнить конфигурацию напольной части укреплений (рвов) (*Ерёмин*, 1994; *Агафонов*, 2008. С. 98 — комментарий И. О. Еремина; *Ануфриева*, *Четвертаков*, 2012; *Грибов*, 2018. С. 427. Рис. 2), но не изменили принципиально эту реконструкцию. Первоначальные деревоземляные укрепления, по С. Л. Агафонову, занимали почти всю нагорную часть внутри каменного кремля начала XVI в. Сомнение в этой рекон-

струкции, вызывает только один момент: для возведения единой линии валов нужно было засыпать глубокий овраг Ивановского съезда: во-первых, это требует неоправданно больших трудовых затрат, во-вторых, должны были остаться хоть какие-то следы грандиозной земляной насыпи, а их нет. Наблюдения, сделанные Т. В. Гусевой (1996. С. 36; Агафонов, 2008. С. 96 — комментарий Т. В. Гусевой) позволяют предполагать двухчастность укреплений нижегородского детинца XIII–XIV вв. Проведенные позднее исследования (Ануфриева, Четвертаков, 2012), уточнили трассу южной части рва, но не позволяют в настоящее время ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу.

По мнению А. В. Кузы для древнейшего ядра русских городов характерна приречно-рядовая застройка, лишь в результате длительного развития она сменялась радиально-концентрической в том или ином ее варианте (Куза, 1985. С. 61, 62). Благодаря исследованиям М. В. Седовой настоящее время история формирования типичного города Северо-Восточной Руси лучше всего может быть прослежена на конкретных материалах г. Суздаля (Седова, 1997). Кремлевские вал и ров с напольной стороны были заложены здесь в максимально выгодном с топографической точки зрения месте — там, где берега реки сближались в излучине (Седова, 1997. С. 51). Застройка XI в. — приречно-рядовая, в северной части территории кремля, в то время как большая часть его территории пустовала (Седова, 1997. С. 51, 76–77). В XII в. рост города происходит вдоль берега реки, за пределами укреплений. Ко времени строительства укреплений окольного города приречно-рядовая застройка уже вышла за его границы (на месте будущего Ризоположенского монастыря) (Седова, 1997. С. 141–143). Очертания укреплений окольного города определялись максимально выгодным использованием рельефа местности, а не существующей застройкой. Освоение территории внутри окольного города происходило вдоль дорог, ведущих из кремля на север, восток и юго-восток. Только постепенно они превращались в улицы (Седова, 1997. С. 57). В настоящее время участки домонгольского культурного слоя с внешней стороны городских валов помимо Суздаля выявлены и в других городах Северо-Восточной Руси: во Владимире, Ярославле, Юрьеве-Польском, Городце на Волге, Гороховце, Переславле-Залесском (Макаров, 2017. С. 13). По-видимому, эта схема развития города справедлива и для более поздней Твери (Лапшин, 2009. С. 197). Впрочем, кажется, отсутствует первичная приречно-рядовая застройка в г. Москве (Панова, 2013).

Важнейшим репером древнейшей топографии древнерусского города было расположение первых храмов. Достоверность сведения о закладке Спасского собора в 1225 г. и его расположение в восточной части Нижегородского кремля ни у кого сомнений не вызывает, хотя археологически храм не исследовался (Воронин, 1962. С. 43–46). На реконструкции С. Л. Агафопова, помимо

Спасского собора, присутствует Михаило-Архангельский собор начала XIII в. С мнением С. Л. Агафонова в свое время согласился Н. Н. Воронин: непосредственно под полом храма 1359 г. им был прослежен слой известковых осколков и белого раствора толщиной 20–40 см, который автор связал со строительством храма в 1227–1229 гг. По его мнению, нижележащий слой толщиной около 40 см по находкам «датируется в основном домонгольским временем» (Воронин, 1962. С. 51). Но, по-видимому, состав слоя более сложен: находки позволяют датировать его только в широких рамках XIII–XIV вв. (Грибов, 2018. С. 23). Агафонов С. Л. посчитал, что концепция двух каменных соборов Михаила-Архангела (XIII и XIV вв.) недостаточно обеспечена археологическим материалом (Агафонов, 2008. С. 77–79).

Кроме того, историками подвергается сомнению достоверность самого летописного известия о закладке первого каменного Михаило-Архангельского собора в 1225 г. (Шайдакова, 2006. С. 51; Пудалов, 2003. С. 158–159). С Б. М. Пудаловым согласен А. А. Кузнецов (2006. С. 385). Сведения о строительстве Михаило-Архангельского собора в начале XIII в. содержатся в памятниках местного летописания середины — второй половины XVII в. — Нижегородском летописце (Гациский, 2001; Зиборов, Турилов, 1993) и Летописце о Нижнем Новгороде (Шайдакова, 2006; Турилов, 1993). «Оба памятника, возможно, являются независимыми извлечениями нижегородского материала из близких, но не идентичных летописных сводов, и их сходство носит не генетический, а тематический характер» (Зиборов, Турилов, 1993. С. 256). Для Нижегородского летописца характерны отклонения от дат общерусских сводов, в сторону удревнения. Основание Нижнего Новгорода князем Георгием Всеволодовичем датируется здесь 1212 (6720) вместо 1221 (6729) г. (Там же. С. 255). В Летописце о Нижнем Новгороде основой известий о событиях XIII–XIV вв., по-видимому, служила Типографская летопись Особой редакции (далее ТЛОР) первой половины XVI в. Ошибки в датировке событий общие для всех списков (6883 вместо 6873 г., 6825 вместо 6885 г., 6091 вместо 6891 г.), по мнению А. А. Турилова, свидетельствуют о дефектности протографа (Турилов, 1993. С. 267). Шайдакова М. Я. отмечает, что «...известие о постройке собора в ТЛОР под 6733 г., хотя и является единственным подтверждением этого факта в общерусских летописях, вызывает сомнение, поскольку в других летописях под этим годом описано возведение Спаса» (Шайдакова, 2006. С. 51). По мнению Б. М. Пудалова постройка каменного шатрового Михаило-Архангельского собора в 1631 г. могла стать побудительным мотивом для включения в местную летопись середины XVII в. записи, прославляющей древность храма (Пудалов, 2003. С. 158). Многочисленные разночтения привели исследователя к пессимистическому выводу: «Таким образом, «Нижегородский летописец» и «Лето-

писец о Нижнем Новгороде» не могут рассматриваться всерьез как источники новой информации по истории Нижегородского края в первой трети XIII в.» (Там же. С. 159).

В то же время Б. М. Пудалов считает правдоподобными записи Нижегородского летописца под 6720 г. и Летописца о Нижнем Новгороде под 6729 г., в которых известие об основании великим князем Георгием Всеволодовичем Нижнего Новгорода дополнено сообщением о закладке при основании города *деревянного* Михаило-Архангельского собора (Там же. С. 157–158). Сомнение исследователя вызывает лишь известие Нижегородского летописца под 6735 (1227) г. и Типографской летописи под 6733 (1225) г. о закладке *каменного* собора, в то время как «...все остальные общерусские летописи (в том числе и более ранние) помещают известие о закладке в Новгороде Нижнем Спасского каменного собора» (Там же. С. 158). По мнению Б. М. Пудалова «...одновременная закладка — в один и тот же год, в одном и том же городе, на средства одного и того же князя — двух каменных храмов в условиях Владимиро-Суздальской Руси первой трети XIII в. практически невероятна» (Там же. С. 158). Из этого следует вывод: «Утверждение Н. Н. Воронина о строительстве каменного Архангельского собора в Нижегородском кремле в XIII в. нуждается в дополнительной проверке: похоже, что недостоверное летописное упоминание предопределило выводы ученого, а следовало бы, напротив, проверить археологическими данными сообщение летописи» (Там же. С. 159., Прим. 199).

Не обсуждая вопрос о том, чем поздняя запись о закладке *деревянной* церкви предпочтительнее поздней же записи о закладке *каменного* собора, вновь обратимся к тексту Н. Н. Воронина. Исследователь отмечает, что сведения Нижегородского летописца о строительстве при заложении Нижнего Новгорода *деревянного* храма, а в 1227 г. *каменного* собора архистратига Михаила, не находят подтверждения в других летописных источниках. Однако «интерес к княжескому культу архистратига Михаила... заставляет прислушаться к показаниям Нижегородского летописца». Он отмечает, что строительство двух храмов в Нижнем Новгороде укладывается в промежуток между строительством собора Рождества Богородицы в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Воронин, 1962. С. 46). Именно такая последовательность каменного строительства артелью, работавшей во Владимиро-Суздальской земле, подтверждена П. А. Раппопортом (2013. С. 296).

Под 1359 г. находятся новые сведения о постройке каменной церкви Архангела Михаила, по-видимому, у княжеского двора («в своей отчине», «близ двора своего»). Н. Н. Воронин осторожно замечает, что «...никаких упоминаний о здании 1227 г. нет, что вновь заставляет сомневаться в достоверности сведений о его постройке князем Юрием» (Воронин, 1962. С. 46). Но при

раскопках в 1960 г. исследователь выделил периоды строительства трех храмов XIII, XIV и XVII вв. При этом он зафиксировал фрагменты фундамента здания предшествовавшего постройке XIV в. и отнесенного автором к 1227 г., а прилегающий слой, как уже упоминалось, он датировал «...в основном предмонгольским временем» (Воронин, 1962. С. 51. Рис. 27, 28), хотя, как уже упоминалось, судя по керамике, этот слой может быть датирован только в широких рамках XIII–XIV вв. Другое дело, какой культурный слой мог отложиться за полтора десятилетия до монгольского нашествия и насколько он мог сохраниться при последующем каменном строительстве на этом участке? Вопрос этот остается открытым. В пользу существования домонгольского храма говорит находка фрагмента резного убора собора — голова льва, выполненная в лучших традициях владими́ро-суздальской пластики домонгольского периода (Воронин, 1962. С. 53. Рис. 29). Исходя из сказанного, я не могу не согласиться с заключением Н. Н. Воронина: «Открытие остатков Михаило-Архангельского собора 1227–1229 гг. повышает доверие к Нижегородскому летописцу. Уникальность его сведений по постройке этого здания свидетельствует, что составитель Летописца располагал древними источниками особого рода, может быть, местными соборными записями» (Воронин, 1962. С. 289, Прим. 40).

Для нашей темы — топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв. — наиболее существенно то, что можно предполагать местонахождение княжеского двора вблизи Михаило-Архангельского собора уже со времени основания города. Пространственное соотношение храма и княжеского двора может быть проиллюстрировано на примере Рюрикова городища под Новгородом. Здесь группа больших построек, которая по топографии и комплексу находок интерпретирована Е. Н. Носовым как княжеский двор (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 46), расположена всего в 20 м к югу от княжеской церкви Благовещения.

Строительство практически одновременно двух храмов на самых высоких точках берега к востоку и западу от Ивановского оврага еще раз наводит на мысль об изначально двухчастной структуре укрепленной части города (см.: Бондаренко, Шумилкин, 1988. С. 4). При этом использовались преимущества естественной изрезанности оврагами возвышенного плато Волго-Окского Правобережья. Можно предположить, что собственно детинец со Спасским собором в центре занимал небольшой мыс площадью около 1,5–2 га в восточной части территории кремля. Западная его часть между Ивановским и Почайнинским оврагами составляла площадь около 8 га, но первоначально была заселена только северная ее кромка, где находилась княжеская усадьба с церковью Архангела Михаила. По-видимому, ранняя застройка была вытянута полосой вдоль северной кромки волжского берегового откоса, как, например в уже упоминавшемся г. Суздале, где первоначальная линия усадеб занима-

ла полосу шириной всего 10–15 м вдоль края береговой террасы реки Каменки (Седова, 1997. С. 78–95. Рис. 31). Возводились ли укрепления восточной и западной частей одновременно или последовательно можно выяснить лишь в результате целенаправленных полевых исследований. Остается также открытым вопрос имел ли княжеский двор первоначальные укрепления или же сразу ими было охвачено значительное пустое пространство. То, что нам известно о других древнерусских городах позволяет склоняться ко второму варианту. Но уже в XIV в. укрепленная часть города окружена быстро растущими посадками (Грибов, 2018. С. 414. Рис. 5).

Импульс к дальнейшим размышлениям дают материалы раскопа 2001–2002 гг. в западной части кремля. Он был расположен к юго-западу от собора Михаила Архангела XVII в. На исследованной территории датировка комплексов наиболее ранних построек может быть отнесена ко второй половине XIII — XIV в. и в тенденции сужается до середины — второй половины XIV в. как времени наиболее интенсивной жизни, т.е. к периоду существования Великого княжества Нижегородского (1341–1392 гг.). Основная часть находок из раскопа типична для средневекового русского города и укладывается в хронологический интервал XIII–XV вв. по наиболее разработанной новгородской шкале. Но есть и определенные особенности. Прежде всего, это относительно большое количество восточной керамики и восточного посудного стекла поступавших через Золотую Орду или производящихся в ее поволжских городах и относящихся к предметам роскоши. При этом в Нижнем Новгороде встречено относительно большое количество рядовых находок из г. Болгара и других поволжских городов Золотой Орды. Среди них: фрагменты чугунных и каменных котлов; серьги, форма литейная, петли налущья, накладки, бляхи (Латишин, 2005). Эти находки свидетельствуют о присутствии в городе ордынцев. Подтверждением служит и известие Рогожского летописца под 1366 г. об избиении и ограблении новгородскими ушкуйниками мусульман, живущих в Нижнем Новгороде, по-видимому, с семьями (ПСРЛ. XV. Стб. 81). Особенностью городской культуры Нижнего Новгорода является устойчивая встречаемость в комплексах ям стеклянных браслетов с кашинной керамикой. Это свидетельствует о том, что в отличие от большинства русских городов, в Нижнем Новгороде этот вид украшений был широко распространен в XIV в. Аналогичная картина наблюдается только в г. Твери и г. Болгаре (Латишин, 2012). При этом встречены отдельные находки, относящиеся к домонгольскому времени, в том числе фрагменты византийских амфор. Можно предположить, что первоначальная застройка кремля проходила по краю верхней береговой террасы, именно там, где расположен Михаило-Архангельский собор, а территория, на которой заложен раскоп, была обжита значительно позднее.

Комплекс больших подполий, исследованных в раскопе, является остатками богатой усадьбы XIV в., выделяющейся многочисленными золотоордынскими импортами, находками оружия, снаряжения коня и всадника (*Лапшин, 2010*). Остается сделать некоторые предположения о характере и социальной роли усадьбы на участке, раскопанном в 2001–2002 гг.³ Большие подполья составляющие ее ядро располагались в юго-западной части раскопа, в 100 м от края верхней береговой террасы и в 180 м к юго-западу от собора Михаила Архангела XVII в. По-видимому, в начале XIII в. эта территория еще не была заселена. В XIV в. мы застаем здесь комплекс усадьбы, выделяющийся помимо многочисленных золотоордынских импортов находками оружия, снаряжения коня и всадника. Особо нужно отметить находку створки квадрифолийного энколпиона, предположительно изготовленного в Киеве и находку печати-матрицы, выточенной на станке в форме шахматной пешки. Аналогичные печати в форме пешки характерны для северорусских городов (Псков, Новгород, Старая Рязань, Серенск, городище Дуна, Тверь, а также Болгар, где найдены русские печати) и особенно были характерны для XIV в. Такие печати считаются принадлежностью княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенным лицам, т.к. предназначались для опечатывания восковым оттиском не только грамот, но и любого княжеского имущества. В г. Твери находка двух аналогичных печатей связаны с богатой усадьбой (дендродата: 1364–1385 гг.) предположительно принадлежащей главе княжеской администрации (*Лапшин, 2009*. С. 119–120, 181–182). Сходный социальный статус, по-видимому, имела и исследованная усадьба в Нижегородском кремле.

Комплексов XV в. на данном участке территории кремля не встречено. Ордынцы сжигают город в 1377, 1378, 1408 гг. В 1445 г. орда Улу-Муххамеда на целый год обосновалась в городе. Поэтому отсутствие слоев XV в. в г. Нижнем Новгороде, которое наблюдают археологи (*Гусева, 1996*. С. 45–46; *Грибов, Лапшин, 2008; Грибов, 2011, 2018*), по-видимому, закономерно. Когда в 1392 г. Василий Дмитриевич московский купил в Орде ярлык на Нижний Новгород самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован, а городом стал управлять московский наместник; последний был вынужден обосноваться в небольшом осадном городке в полутора километрах от Кремля, укрепления которого, скорее всего, не

³ В 2002–2004 гг. Т. В. Гусева к юго-востоку от раскопа 2001–2002 гг. при шурфовке на месте прокладки траншей под теплотрассы и канализацию вскрыла в общей сложности около 100 кв. м. Судя по насыщенности слоя обломками импортной стеклянной и кашинной посуды здесь продолжалась территория богатой усадьбы XIV в. Т. В. Гусева интерпретировала ее в качестве «княжьего двора» (*Гусева, 2004*. С. 63; *Грибов, 2018*. С. 391. № 52. Рис. 1: 52).

было возможности восстановить (Грибов, 2018). Но, по-видимому, окончательный удар по экономике Нижнего Новгорода нанес Тимур, уничтожив в 1395–1396 гг. его основных торговых партнеров — золотордынские города. Почти все они были разрушены, ремесленники вывезены в Самарканд (Егоров, 2002. С. 82). После распада Золотой Орды из известных 110 городов, существовавших в XIII–XIV вв., в наследовавших ей ханствах, осталось 8 (Егоров, 2002. С. 83).

Если Москва и Тверь переживали татарские погромы и вновь поднимались, опираясь на свою округу, то Нижний Новгород переживает период упадка, который заканчивается лишь в начале XVI в., после строительства уже московским князем нового каменного кремля. В этот период город вновь играет роль плацдарма, на этот раз при военных столкновениях с Казанским ханством. После походов Ивана IV на Казань и Астрахань и объединения в границах единого государства всего Волжского пути Нижний Новгород приобретает значение, в первую очередь, как богатый торговый город.

Литература

- Агафонов С. Л., 1960. Новые исследования укреплений Нижегородского кремля // Архитектурное наследство. Вып. 12. М. С. 83–94.
- Агафонов С. Л., 2008. Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц. 224 с.
- Алферова Г. В., Харламов В. А., 1982. Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк. Киев: Наукова думка. 159 с.
- Антипов И. В., 2000. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб.: СПбГУ. 204 с.
- Ануфриева И. В., Четвертаков Е. В., 2012. Новые археологические материалы по топографии укреплений Нижегородского детинца // Культурный слой. Вып. 1. Нижний Новгород: ННГУ. С. 11–18.
- Барсов Н. П., 2011. Историко-географический словарь Русской земли: IX — XIV вв. М.: URSS. 220 с. (1-е изд. 1865 г.).
- Бондаренко И. А., Шумилкин С. М., 1988. Исторический путь развития Нижнего Новгорода // Архитектурное наследство. № 35. М. С. 3–13.
- Воронин Н. Н., 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «Чертеж» 1715 г. // СА. VIII. М. С. 145–173.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. XII столетие М.: АН СССР. 583 с.
- Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. II. XIII–XV столетия М.: АН СССР. 558 с.
- Гациский А. С., 2001. Нижегородский летописец. Нижний Новгород: Типография Губернского правления. 144 с. (1-е изд. — 1886).

- Грибов Н. Н.*, 2011. Нижний Новгород в XIII–XV веках // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. М.: ИА РАН. С. 19–20.
- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. 592 с.
- Грибов Н. Н., Лапшин В. А.*, 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // АВ. Вып. 15. СПб.: ИИМК РАН. С. 141–156.
- Гусева Т. В.*, 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // НИКА. Нижний Новгород: ННГУ. С. 22–48.
- Гусева Т. В.*, 2004. Нижний Новгород по результатам раскопок 2002–2004 гг. // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы 3 Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. Казань; Болгар: ИИ АН РТ. С. 61–63.
- Егоров В. Л.*, 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. — общее и особенное // Тр. ГИМ. Вып. 122. М. С. 263–272.
- Егоров В. Л.*, 2002. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. М. С. 79–84.
- Ерёмин И. О.*, 1994. Новые данные о месторасположении деревоземляных укреплений нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тезисы докладов V Всероссийской научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Нижний Новгород: НИП «Этнос». С. 128–129.
- Зиборов В. К., Турилов А. А.*, 1993. Летописец Нижегородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 254–257.
- Ключевский В. О.*, 1903. Курс русской истории. Т. I. М.: Тип. Рябушинского. 464 с.
- Куза А. В.*, 1985. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука. С. 51–66.
- Куза А. В.*, 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. М.: Христианское издательство. 256 с.
- Кузнецов А. А.*, 2006. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Нижний Новгород: ННГУ. 540 с.
- Кучкин В. А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 349 с.
- Лапшин В. А.*, 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник Нижегородского университета. С. 89–95. (История; вып. 1(4).)
- Лапшин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль–11, 1993–1997 гг.). СПб.: изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского Университета. 540 с.

- Лапшин В. А.*, 2010. Комплексы больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 178–185.
- Лапшин В. А.*, 2012. Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в Кремле в 2001/02 г.) // Культурный слой. Вып. 1. Нижний Новгород: ННГУ. С. 45–50.
- Мазур Л. Д.*, 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М.: Гриф и К. 111 с.
- Макаров Н. А.*, 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.: размеры городских территорий // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции. М.: ИА РАН. С. 11–24.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.*, 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин. 403 с.
- Панова Т. Д.*, 2013. Историческая и социальная топография Московского кремля в середине XII — первой трети XVI века. М.: ТАУС. 408 с.
- Попов А. И.*, 1965. Географические названия. М.; Л.: Наука. 181 с.
- ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
- Пудалов Б. М.*, 2003. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII — первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области. 214 с.
- Раппопорт П. А.*, 2013. Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества // Раппопорт П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. СПб.: Лики России. С. 290–302.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 236 с.
- Турилов А. А.*, 1997. Летописец о Нижнем Новгороде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 267–268.
- Фасмер М. Р.*, 2003. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Астрель; АКТ.
- Храмцовский Н. И.*, 1857. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 1 (Очерк истории). Нижний Новгород: Губернская типография. 127 с.
- Шайдакова М. Я.*, 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: ННГУ. 281 с.

О расположении Нижнего Новгорода во времена князя Юрия Всеволодовича

Ф. А. Селезнев

Резюме. Для решения вопроса о расположении города Юрия Всеволодовича автором были привлечены опубликованные результаты археологических исследований. Они вписаны им в исторический контекст. Использовался сравнительно-исторический метод. Дана оценка достоверности сообщения «Летописца о Нижнем Новгороде» о постройке Михайло-Архангельского собора при Юрии Всеволодовиче. Автор делает вывод о том, что город Юрия Всеволодовича представлял собой мысовую крепость и занимал Спасскую гору, а также ее прибрежное подножье. Укрепления на Часовой горе появились только во второй половине XIV в., вслед за появлением там княжеского двора и Михайло-Архангельского собора.

Ключевые слова: Нижний Новгород, князь Юрий Всеволодович, Владимиро-Суздальская Русь, Нижегородско-Суздальское княжество, крепости Древней Руси, деревоземляные крепости, мысовые крепости, Михайло-Архангельский собор.

Сейчас Нижегородский каменный кремль опоясывает две Дятловых горы — Спасскую (Георгиевскую) и Часовую. Их разделяет Ивановский (Кремлевский) съезд. По мнению ряда исследователей обе горы связывала общая линия укреплений и во времена Юрия Всеволодовича. В виде такого единого овального контура изображена древняя нижегородская крепость на плане С. Л. Агафонова, опубликованном в фундаментальном труде Н. Н. Воронина (1962. С. 214).

Для уточнения конфигурации крепости Юрия Всеволодовича И. А. Кирьянов привлек указание А. Я. Садовского о том, что при работах в кремле в 1890-е гг. были обнаружены «следы дубовой стены, поднимавшейся вдоль кремлевского съезда по направлению от Ивановской к Георгиевской башне». Появление названной стены Кирьянов отнес к временам Юрия Всеволодовича. Историк счел ее остатком «детинца» или «Меньшого города», выполнявшего функции кремля вплоть до его постройки в начале XVI в. (*Кирьянов*, 1961. С. 30). Однако в более поздней работе И. А. Кирьянов отказался от датировки этих остатков XIII в. и в качестве иллюстрации к рассказу о «первоначальном» Нижнем Новгороде поместил упомянутый выше план С. Л. Агафонова (*Кирьянов*, 1968. С. 22).

Комментируя схему С. Л. Агафонова, И. А. Кирьянов отметил, что на этом плане «внутри существующего кремля (параллельно его нагорному участку) показана глубокая впадина, в виде рва с изгибающимся коленом — выходом к волжскому скату». То, что это действительно был крепостной ров, И. А. Кирьянов дополнительно обосновал упоминаниями в Писцовой книге 1621–1629 гг. «бугров» (остатков вала) в этой части кремля, а также результатами археологических наблюдений за земляными работами 1963 г. На основе этих данных И. А. Кирьянов сделал вывод о наличии «глубокой выемки — рва, проходящего плавной дугой внутри кремля мимо Пороховой, Дмитриевской, Кладовой и Никольской башен» (Там же. С. 17–18).

Черников В. Ф. по итогам археологических наблюдений за работами в траншее у Дмитриевской и Кладовой башен решил, что «в систему дерево-земляного укрепления детинца, построенного в 1221 г.» входил пруд Сарка (Черников, 1973. С. 177). Этот водоем до середины XIX в. находился между одной из гарнизонных казарм — ныне кремлевский корпус № 7 — и Дмитриевской башней.

Еремин И. О. провел специальное исследование карт XVIII — начала XIX в. и счел, что остатками древних крепостных рвов являются как «копанный» пруд Сарка, так и два других удлиненных углубления на участке между Дмитриевской и Георгиевской башнями, имеющие одинаковое обозначение «сухой копанный пруд». Согласно И. О. Еремину, к укреплениям Часовой горы в районе Дмитриевской башни «примыкал сектор дуги укреплений, защищавших Георгиевскую гору» (Еремин, 1994. С. 129).

На наш взгляд этот «сектор» можно было бы охарактеризовать в качестве отдельной «дуги» и сделать вывод о двухчастной структуре дерево-земляной Нижегородской крепости. Убедительным подтверждением такой планировки средневекового Нижнего Новгорода могут служить данные охранных археологических работ 1989 г., сопровождавших прокладку теплотрассы на участке рядом со зданием военной комендатуры (Кремль, корпус № 7). Их результаты были опубликованы Т. В. Гусевой, которая пишет, что в траншее теплотрассы была выявлена «насыпь вала». Внутри нее археологи зафиксировали остатки «отдельных клетей, заполненных глиной». Деревянные конструкции полностью сгнили и читались только «по тонким полоскам тлена». При этом полоса клетей «была сориентирована по линии север-юг» (Гусева, 1996. С. 22). Между тем, согласно схеме С. Л. Агафонова, стена крепости должна была идти по направлению «юго-запад — северо-восток».

Таким образом, от идеи об общем контуре укреплений, опоясывающем с запада на восток Часовую и Георгиевскую горы, теперь можно было отказаться-

ся. Тем более с восточной стороны от вала в границах исследуемой траншеи были «выявлены признаки рва». Это позволило Т. В. Гусевой сделать вывод о том, что укрепления «по всей видимости» не пересекали овраг современного Ивановского съезда, а шли вдоль него и «по кромке кремлевского холма поворачивали к берегу Почайны». А поскольку в восточной части кремля остатки крепости XIII в. тогда еще не были найдены археологами, Т. В. Гусева предположила, что там была «посадская земля», и она, а также находившийся на ней Спасский собор, не были защищены стенами. Крепость же Юрия Всеволодовича занимала только Часовую гору (*Гусева*, 1996. С. 23).

Николаенко Т. Д. согласилась с этим, но высказала догадку о том, что не позднее 1225 г. «территория детинца расширилась, включив в себя восточную часть мыса», т.е. Спасскую гору (*Николаенко*, 2005. С. 102–103; 2008. С. 84).

В 2001–2002 гг. в западной части кремля в связи со строительством пристроя к зданию федерального казначейства под руководством В. А. Лапшина были проведены спасательные раскопки. По их итогам В. А. Лапшин сделал важный вывод о том, что на обследованном участке слоя домонгольского времени нет. Отсутствовали и комплексы XIII в. (*Лапшин*, 2005. С. 92). Тем не менее крепость времен Юрия Всеволодовича в западной части кремля, по мнению ученого, была. Ее укрепления по версии В. А. Лапшина охватывали «значительную и еще не заселенную территорию, которая в полной мере застраивается только в период расцвета Нижегородского великого княжения в 40–90-е гг. XIV в.». Небольшая деревоземляная крепость 1221 года постройки по В. А. Лапшину имелась и в восточной части современного кремля (*Лапшин*, 2005. С. 92).

В работе, написанной чуть позже, совместно с Н. Н. Грибовым, В. А. Лапшиным была подтверждена мысль «об изначально двухчастной структуре города» (*Грибов, Лапшин*, 2008. С. 147).

В 2007–2008 гг. масштабные раскопки под руководством И. О. Еремина и Е. М. Пигарева проводились в юго-западной части кремля. Как написал И. О. Еремин в комментарии к переизданию книги С. Л. Агафонова, выяснилось, что здесь «...в качестве рва крепости XIII века использовался отвершек (ответвление) Почайнского оврага» (*Агафонов*, 2008. С. 98).

По сообщению И. О. Еремина, изложенному в статье И. В. Ануфриевой и Е. В. Четвертакова, на северном берегу этого отвершка были выявлены остатки насыпи вала в высоту до 1,2 м. В насыпи прослежены остатки клеток шириной около 1 м. Под валом находилась «стерильная погребенная почва». Это означает, что крепостную стену ставили на еще не обжитой площадке.

Та часть укреплений Часовой горы, которая исследовалась в ходе этих раскопок, проходила дугой от корпуса № 11 до бровки откоса основной части

Почайнского оврага «несколько южнее Тайницкой башни кремля» (Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 14).

Продолжение этой линии (от корпуса № 11 до Ивановского оврага) в обозначенный период также активно исследовалось. Так в 2005 г. Ю. В. Зарубиным были выявлены остатки средневекового вала в бортах водопроводного колодца, вырытого «на восточной стороне асфальтированного проезда напротив северо-восточного угла здания штаба военного гарнизона (корпус № 10)» (Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 14). Рядом, в сквере напротив здания Арбитражного суда (корпус № 9) в 2010 г. внутри насыпи древнего вала Е. В. Четвертаковым были прослежены (в виде тонких прослоек тлена) следы деревянного каркаса, состоящего из линии заполненных грунтом прямоугольных клеток шириной около 1 м каждая. Этим же археологом в 2009 г. в шурфе, располагавшемся в начале Ивановского оврага (в районе его склона), были вскрыты «видимо переотложенные напластования», «содержащие в основном средневековый материал». В отчете об охранных археологических работах у здания Арсенала ученый не исключает, что они были связаны «с разрушением вала линии укреплений детинца XIII в.» (Четвертаков, 2010)¹.

В 2007 г. началось археологическое исследование восточной части Нижегородского кремля. Под руководством сотрудников Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН Татарстана А. М. Губайдуллина и З. Г. Шакирова были проведены охранно-спасательные раскопки внутри здания нижегородского Арсенала. В ходе работ в левой (северной) части здания были выявлены закрытые комплексы второй половины XIII — первой половины XIV в., представленные сооружениями, «предположительно являющимися хозяйственными и жилыми объектами посада». В 2008 г. З. Г. Шакировым исследовался раскоп в центральной части Арсенала и его правом (южном) крыле. Обнаружились остатки погоста XV в., а под ними «посадские сооружения XIII–XIV вв.» (Шакиров, 2009. С. 62).

Все эти объекты находились вне города Юрия Всеволодовича, за линией деревоземляных укреплений. Остатки их рва были впервые археологически локализованы Е. В. Четвертаковым в 2009–2010 гг. Край рва был выявлен внутри левого крыла Арсенала. Древний ров проходил параллельно зданию. (Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 15–17). Внешние следы рва и вала исчезли при планировке, прилегающей к стене каменного кремля, территории в период второй половины XVIII — начала XIX в. В качестве засыпки рва, «по всей

¹ Автор приносит глубокую благодарность Е. В. Четвертакову за возможность ознакомиться с текстом отчета.

видимости, был использован грунт сnivelированных остатков вала средневекового детинца» (*Четвертаков, 2010*).

Общий вывод по конфигурации города Юрия Всеволодовича И. В. Ануфриева и Е. В. Четвертаков сформулировали так: «детинец ... предположительно занимал ... Часовую и Спасскую (Георгиевскую) горы, разделенные оврагом, по которому, вероятно, протекал ручей, и проходила дорога к реке». Сама «линия укреплений имела форму вытянутого вдоль волжского берега овала». Таким образом, исследователи вернулись к концепции С. Л. Агафонова. Однако, учтя результаты работ Т. В. Гусевой, они допустили возможность того, что «... город был разделен внутренней линией укреплений, шедшей вдоль берега Ивановского оврага, на две части» (*Ануфриева, Четвертаков, 2012*).

В 2014 г. И. О. Еремин и И. В. Ануфриева представили новую, скорректированную с учетом состоявшихся к этому времени археологических исследований, карту-схему «нижегородского детинца XIII–XV веков». Согласно их реконструкции, функцию рва для юго-западной части «детинца XIII–XV веков» выполнял уходящий на восток отвершек Почайнского оврага (*Еремин, Ануфриева, 2014. С. 252*).

С юго-восточной стороны подобную роль играл Ивановский овраг, в представлении о средневековой конфигурации которого И. О. Еремин и И. В. Ануфриева внесли важные уточнения. Основываясь на данных раскопок З. Г. Шакирова (2008) и И. С. Аникина (2012), они показали на своей схеме, что Ивановский овраг выходил за пределы современного каменного кремля, продолжаясь в южном направлении и, занимая часть площади Минина и Пожарского. При этом пруд Сарка был изображен в границах Ивановского оврага по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток, т.е. под углом к стене каменного кремля (*Еремин, Ануфриева, 2014. С. 252, 254*).

Несколько иной вариант расположения средневековых укреплений Нижнего Новгорода предложил Н. Н. Грибов. На своих схемах он изобразил бровку обрыва Ивановского оврага на основе плана 1802 г. То есть она соответствовала современному рельефу и не выходила на площадь Минина и Пожарского. Отвершек Почайнского оврага на картах Н. Н. Грибова продолжается в виде рва деревоземляной крепости. Ров идет параллельно стене каменного кремля и завершается прудом Сарка. Иначе говоря, по версии Н. Н. Грибова, пруд Сарка не имеет отношения к Ивановскому оврагу, а является окончанием средневекового рва. Вал крепости на картах Н. Н. Грибова, как и у С. Л. Агафонова, изображен в виде непрерывной линии (*Грибов, 2018. С. 427; Грибов, 2022. С. 116*). Что касается оборонительной линии вдоль Ивановского оврага, о которой писала Т. В. Гусева, то ее наличие, по мнению Н. Н. Грибова, «достоверно не установлено» (*Грибов, 2018. С. 24*).

Конечно, трудно принять гипотезу Т. В. Гусевой о том, что средневековые укрепления вкруговую опоясывали Часовую гору, по кромке кремлевского холма идя от Ивановского оврага к берегу Почайны (Гусева, 1996. С. 23). Анализ планировки русских оборонительных сооружений XII – начала XIII в. показывает, что у мысовых крепостей, занимавших стрелку двух рек (в нашем случае — Почайнского и Ивановского оврагов) стеной часто защищалась только напольная сторона (Раппопорт, 1961. С. 9–11). Именно такой вид, на наш взгляд, имели и укрепления на Часовой горе, как это показано на схеме И. О. Еремина и И. В. Ануфриевой (2014. С. 252).

На этой карте учтен поворот средневекового вала у корпуса № 7 к Ивановскому оврагу, выявленный Т. В. Гусевой. Еще раз подчеркнем, что уже одно только наличие указанного поворота заставляет отказаться от идеи С. Л. Агафонова о единой для Спасской и Часовой гор линии крепостных стен. Но есть и другие соображения, побуждающие к этому. Речь, прежде всего, идет о выявленном З. Г. Шакировым и И. С. Аникиным выходе Ивановского оврага, причем с расширением русла, под южное крыло Арсенала и за стены современного каменного кремля на площадь Минина и Пожарского (Там же. С. 252, 254).

Русло оврага не было сухим. Его заполняла вода вплоть до начала XVI в. — более ранних материалов в его вершине не найдено.

Недавно было точно установлено местоположение водного источника, питавшего Ивановский овраг. В 2010 г. недалеко от Дмитриевской башни на газоне в районе бывшего пруда Сарка был откопан колодец. На его участке был очень высок уровень грунтовых вод. По мнению И. В. Ануфриевой и Е. В. Четвертакова, «...пруд, по-видимому, находился на месте водного источника, имевшего в древности сток по Ивановскому оврагу» (Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 15). Вода из этого подземного ключа должна была заполнять не только сток Ивановского оврага, но и его южный верх, образуя в районе Дмитриевской башни что-то вроде озера. Не случайно З. Г. Шакиров предпочел назвать Сарку именно «озером», а не «прудом» (Шакиров, 2009. С. 59). Об этом «озере» и сегодня напоминает понижение рельефа в южной части площади Минина и Пожарского между Дмитриевской башней, сквером у фонтана и подземным переходом. Археологами там выявлен «мощный слой переотложенного материкового грунта (60–180 см), связанный с засыпкой низины» во время земляных работ начала XVI в. при строительстве кремля (Ануфриева, 2010. С. 15).

Можно уверенно полагать, что в ходе этих работ, проходивших под руководством Петра Фрязина, не только завалили указанную низину, но и изменили сток воды из ключей, находившихся на месте пруда Сарка. Только тогда и был специально выкопан сам пруд — иначе бы его не назвали «копаным». Это позволило осушить и вымостить Ивановский овраг.

Поскольку, как мы выяснили, до XVI в. овраг, в том числе его вершина, были заполнены водой, это исключает строительство единой линии укреплений, опоясывающей и Часовую, и Спасскую горы, как это изображено на схеме С. Л. Агафонова. Поэтому на сегодняшний день наиболее адекватной представляется схема нижегородской средневековой крепости XIII–XV вв., опубликованная в статье И. О. Еремина и И. А. Ануфриевой (2014. С. 252).

На ней в западной части Кремля — между крутым берегом Почайны и Ивановским оврагом — прослеживается особая дуга древних укреплений.

Другая линия укреплений, располагавшаяся в восточной половине нынешнего Кремля, опиралась слева на склон Ивановского оврага, а справа на волжский скат. Иначе говоря, древний Нижний Новгород состоял из двух отдельных мысовых крепостей, с напольной стороны защищенных стенами. Одна, со Спасо-Преображенским собором — стояла на Спасской горе, другая, с храмом Михаила Архангела — на Часовой горе. «Городской план имел двуцентричную структуру, — отмечает в этой связи Н. Н. Грибов — впадина Ивановского оврага разделяла город на две части — западную, большую (5,5 га) и восточную, меньшую (2 га)» (Грибов, 2022. С. 114).

Когда же возникла эту двуцентричность? В цитированной выше литературе господствует мнение о том, что Нижний Новгород уже во времена Юрия Всеволодовича занимал верхние площадки и Часовой, и Спасской гор. Но так ли это?

Плановые схемы древнерусских городов отличались необычайным разнообразием: известны города с одной, двумя или несколькими укрепленными частями (Куза, 1985. С. 65.). Но эти части никогда не появлялись одновременно.

Почему так происходило? На наш взгляд, дело в том, что укрепления X–XIII вв. чаще всего строил князь, руководствуясь своей логикой и потребностями. Наблюдения показывают, что, заняв престол, он не жил в доме своего предшественника, а строил новый. Так во Владимире к построенному ранее двору Юрия Долгорукого добавляется княжеский дворец Андрея Боголюбского и великого князя Всеволода (Зуева, 2012. С. 39).

Иногда князь возводил не только новый двор, но и новую крепость (город). Причем предпочитал огораживать пустое или малозаселенное место. Это пространство князь мог без помех использовать для осуществления своих замыслов. Он мог возвести здесь храм или хозяйственные постройки. Мог дать место для усадеб своим боярам или искусным мастерам. Так в Киеве рядом с «Городом Владимира» встал «Город Ярослава». Во Владимире-на-Клязьме с «городом Владимира Мономаха» соседствовал «город Андрея Боголюбского», появившийся за счет возведения новых стен с напольной стороны (Селезнев, 2019. С. 52–53).

В Нижнем Новгороде подобная потребность для князя возникла только в середине XIV в. Тогда из Суздаля приехал князь Константин Васильевич. Он, естественно, поставил свой двор не на плотно застроенной Спасской горе, а с другой стороны Ивановского оврага, на Часовой горе (*Селезнев*, 2014. С. 46). Только с указанного времени это место в полной мере стало застраиваться (*Лапшин*, 2005. С. 92). И лишь во второй половине XIV в. оно было защищено укреплениями. По нашему мнению, именно о начале их строительства говорит сообщение Рогожского летописца (1363 г.) о том, что «князь Борис заложи город сыпати» (ПСРЛ. Т. 15. Стб.74 (Рог.)).

Правда, И. А. Кирьянов полагал, что речь в упомянутом летописном тексте идет о той крепости, вал которой сохранился на улице Пискунова, напротив Речного училища (*Кирьянов*, 1961. С. 31–32). Соответствующую информацию (о том, что на этом месте находились деревоземляные укрепления, предположительно возведенные во второй половине XIV в.) можно прочесть на табличке, прикрепленной к бревнам, вбитым в гребень вала и представляющим собой современную реконструкцию фрагмента средневекового острога. Однако этот частокол средневековый книжник вряд ли назвал бы городом, а необходимых элементов русской средневековой крепости, именуемой «город» — городней (клетей, заполненных грунтом), в этом месте не выявлено (*Кирьянов*, 1961. С. 31–32).

К тому же маловероятно, чтобы Борис, захвативший тогда Нижний Новгород и ожидавший в скором времени нападения со стороны брата-соперника Дмитрия, мог затеять такое большое строительство. Осуществить его за то краткое время, что он владел Нижним Новгородом, Борис тем более не мог. Да и не располагали нижегородские земли сразу после эпидемии чумы и опустошительных пожаров достаточными ресурсами для проведения столь крупных фортификационных работ. Поэтому, как думает автор, князь Борис «заложи город сыпати» не по линии современной улицы Пискунова, а на Часовой горе, стремясь защитить княжеский дворец, Михайло-Архангельский собор и дворы своих дружинников (*Селезнев*, 2013. С. 44–49).

Косвенным доказательством отсутствия в XIII в. стен на Часовой горе служат, на наш взгляд, и результаты исследований З. Г. Шакирова. Они показывают, что в XIII в. существовала жилая застройка за пределами укреплений на Спасской горе, рядом с ними (*Шакиров*, 2009. С. 62). Люди селились здесь, конечно, из-за того, что внутри крепости на Спасской горе места просто не было. Почему же они не построили дома на Часовой горе? Если бы там имелось пустое пространство, защищенное стеной, они бы, естественно, так и поступили. А коль скоро они подобным образом не сделали, мы вправе предположить, что в XIII в. Часовая гора не имела укреплений и безопаснее было жить рядом со

стенной на Спасской горе, пусть даже и вне города, либо в максимальной удаленности от поля, у северного склона Часовой горы, где обнаружены сооружения, датированные до середины XIV в. (Грибов, 2022. С. 113).

Теперь разберем, на чем же основывается мнение о том, что город Юрия Всеволодовича все-таки занимал Часовую гору. Анализ литературы показывает, что эта точка зрения покоится только на уверенности в том, что во времена названного князя на этой горе был поставлен Михайло-Архангельский собор.

Между тем сообщение о том, что указанный храм был возведен при Юрии Всеволодовиче, имеется только в одном общерусском памятнике — Типографской летописи Особой редакции. Там говорится о том, что Юрий Всеволодович заложил каменную церковь Архангела Михаила в 6733 (1225) г. (Шайдакова, 2006. С. 51; Пудалов, 2003. С. 158–159). Однако Б. М. Пудалов полагает, что «...данную запись нельзя принимать на веру и использовать в научных построениях» (Пудалов, 2003. С. 159). Дело в том, что в основном варианте Типографской летописи, как и в прочих летописях, под указанным годом сообщается о закладке не Михайло-Архангельского, а Спасо-Преображенского собора.

Как выяснила М. Я. Шайдакова, нижегородский материал XIII–XIV вв. Типографской летописи Особой редакции отразился в памятнике середины XVII в. — Летописце о Нижнем Новгороде и созданном на его основе Нижегородском летописце (Шайдакова, 2006. С. 50). При этом автор Летописца о Нижнем Новгороде внес в него некоторые добавления и поправки. Особенно важны те из них, которые изложены в начале текста. В первой статье Летописца о Нижнем Новгороде сказано, что одновременно с закладкой Нижнего Новгорода в 1221 г. Юрий Всеволодович «церковь постави соборную Архангела Михаила деревянную». В следующей статье сообщается о закладке в 1227 г. (а не в 1225 г., как в Типографской летописи Особой редакции) каменной церкви Архангела Михаила. В третьей же статье «Летописца о Нижнем Новгороде» создание Спасо-Преображенского собора приписано Константину Васильевичу Суздальскому и датировано 1352 г. (Шайдакова, 2006. С. 127).

Таким образом, Спасо-Преображенский собор, согласно тексту «Летописца о Нижнем Новгороде» возник на сто с лишним лет позднее, чем Михайло-Архангельский. Как видим, налицо имеется явная попытка представить храм Михаила Архангела древнейшим в Нижнем Новгороде.

Служба в Михайло-Архангельском храме долго не велась. Но в 1631 г. эта церковь была заново отстроена и обзавелась новым клиром. Именно он был заинтересован в том, чтобы создать у нижегородцев уверенность в том, что Михайло-Архангельский собор с самого основания Нижнего Новгорода являлся главным соборным храмом города. Поэтому существующее в историографии

предположение о близости автора Летописца о Нижнем Новгороде к служителям Михайло-Архангельского собора, представляется весьма основательным (Пудалов, 2003. С. 158).

Это заставляет взглянуть на три первые статьи «Летописца о Нижнем Новгороде» как на единый тенденциозный комплекс информации. А коль скоро сведения, содержащиеся в третьей его статье, явно искажают последовательность исторических событий, зафиксированную в прочих летописях, то и имеющиеся в первых двух статьях даты о возведении деревянного (в 1221 г.) и каменного (в 1227 г.) Михайло-Архангельского соборов доверия не вызывают.

Между тем именно на них опирался Н. Н. Воронин, обосновывая свой вывод о строительстве белокаменного Архангельского собора в XIII в. Причем, по мнению Б. М. Пудалова, «недостовверное летописное упоминание предопределило выводы ученого», которые поэтому нуждаются «в дополнительной проверке» (Пудалов, 2003. С. 159).

И вот недавно Т. В. Гусева и Н. Н. Грибов действительно поставили вопрос о пересмотре датировки постройки первого Михайло-Архангельского собора, сделанной Н. Н. Ворониным.

Гусева Т. В. в комментарии к переизданию книги С. Л. Агафонова сообщила, что раскопки, проводившиеся Археологической службой в 2004–2005 гг. около Михайло-Архангельского собора, не выявили культурного слоя XIII в. Это обстоятельство заставило Т. В. Гусеву тщательно проанализировать отчеты Н. Н. Воронина о раскопках и выяснить на чем была основана его датировка. После этого исследовательница сделала вывод о том, что знания о культурном слое Нижегородского кремля, накопленные в последние десятилетия, позволяют утверждать, что приводимые в отчетах данные «не дают оснований» датировать ранние из обнаруженных Н. Н. Ворониным слоев XIII веком. «А это в свою очередь ставит под сомнение и датировку фрагмента фундамента древнего храма, которую Н. Н. Воронин связывал со временем существования слоя» (Агафонов, 2008. С. 72).

Результаты археологического обследования, проведенного Н. Н. Ворониным, «требуют переосмысления» и по мнению Н. Н. Грибова. Этот исследователь считает, что концепция белокаменного Михайло-Архангельского собора XIII в. «недостаточно обеспечена археологическим материалом и входит в противоречие с историко-архитектурными представлениями». Правда, «переданная церковной традицией историческая связь данного собора с городом Юрия Всеволодовича» Н. Н. Грибову все-таки «представляется вполне вероятной» (Грибов, 2018. С. 23–24). Но, как мы уже видели, эта традиция, скорее всего, возникла не ранее XVII в. и не может быть аргументом в определении древности Михайло-Архангельского собора.

Сокращенный летописный свод 1493 г. однозначно свидетельствует о том, что «церковь каменую святого архистратига Михаила» в Нижнем Новгороде «постави» князь Андрей Константинович в лето [68]67 г. (1359 г.) (ПСРЛ. Т. 27. С. 241). Это подтверждается и археологическими данными (Грибов, 2018. С. 23).

Перенесение даты постройки первого каменного Михайло-Архангельского собора требует пересмотра и времени возведения деревоземляных укреплений на Часовой горе и нового взгляда на планировку Нижнего Новгорода в первой трети XIII в. По мнению автора, город Юрия Всеволодовича занимал только Спасскую гору и ее прибрежное подножье, думается от правого берега р. Почайны — и дальше на восток.

Литература

- Агафонов С. Л., 2008. Нижегородский кремль / Под ред. И. С. Агафоновой, А. И. Давыдова. Нижний Новгород: Кварц, 224 с.
- Ануфриева И. В., 2010. Памятник археологии культурный слой Нижнего Новгорода. Краткое описание // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник науч. и метод. статей. Вып. 12. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета. С. 12–18.
- Ануфриева И. В., Четвертаков Е. В., 2012. Новые археологические материалы по топографии укреплений Нижегородского детинца // Культурный слой. Сборник научных статей. Вып. 1. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 11–18.
- Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV вв. В 2х т. Т. II. XIII–XV столетия. М.: изд-во АН СССР. 560 с.
- Грибов Н. Н., Лапшин В. А., 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // АВ. № 15. С. 141–156.
- Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24).
- Грибов Н. Н., 2022. Нижний Новгород в XIII – начале XIV вв.: город и округа до образования великого Нижегородско-Суздальского княжества // РА. № 1. С. 107–121.
- Гусева Т. В., 1996. Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. Материалы истор.-краевед. конф., посвящ. 775-летию Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Управление культуры Администрации города Н. Новгорода. С. 16–23.
- Еремин И. О., 1994. Новые данные о месторасположении древо-земляных укреплений Нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тезисы докладов V Всероссийской науч. конф. «Проблемы иссле-

- дования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Нижний Новгород: тип. ННГУ. С. 128–129.
- Еремин И. О., Ануфриева И. В.*, 2014. Новые данные об укреплениях Нижегородского детинца XIII–XV вв. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань. С. 251–254.
- Зуева Л. Е.*, 2012. Социально-топографическая структура городов Владимиро-Суздальской земли // Уваровские чтения–VIII: древнерусские города: история и судьбы: материалы всерос. науч. конф. Муром. 26–28 апреля 2011 г. Владимир: ВИТ-принт. С. 35–41.
- Кирьянов И. А.*, 1961. Старинные крепости Нижегородского Поволжья: Очерк о старинных русских дерево-земляных крепостях. Горький: Горьковское книжное издательство. 107 с.
- Кирьянов И. А.*, 1968. Нижегородский кремль. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. 120 с.
- Куза А. В.*, 1985. Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука. С. 51–66.
- Лапшин В. А.*, 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. С. 89–95. (История; вып. 1 (4).)
- Николаенко Т. Д.*, 2005. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник науч. и метод. статей. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 87–129.
- Николаенко Т. Д.*, 2008. Правобережье Оки по археологическим данным // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник науч. и метод. статей. Вып. 11. Нижний Новгород: из-во Нижегородского университета. С. 69–93.
- Пудалов Б. М.*, 2003. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII — первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области. 216 с.
- Раппопорт П. А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л. 242 с.
- Селезнев Ф. А.*, 2013. Нижегородское княжество и Золотая Орда в начале «великой замятни» (1357–1370 гг.) // История в подробностях. № 8 (38). С. 44–49.
- Селезнев Ф. А.*, 2014. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. 198 с.
- Селезнев Ф. А.*, 2019. Планировка и названия городов Юрия Долгорукого // Novogardia. № 1. С. 47–67.

- Черников В. Ф.*, 1974. Исследования в г. Горьком и области // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука. С. 177.
- Четвертаков Е. В.*, 2009. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля у здания Арсенала в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 46735, 46736.
- Шайдакова М. Я.*, 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. / Под ред. В. А. Кучкина. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. 281 с.
- Шакиров З. Г.*, 2009. Археологические исследования в здании арсенала Нижегородского кремля в 2007–2008 гг. (предварительное сообщение) // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей. Вып. 1. Казань: РИЦ «Школа». С. 59–65.

Историческая судьба материального наследия Нижнего Новгорода как столицы княжества (по письменным источникам)

П. В. Чеченков

Резюме. Статья посвящена анализу известных письменных источников о монументальном строительстве в Нижнем Новгороде второй половины XIV в. — периода существования Нижегородского великого княжества. Поставлен вопрос о причинах отсутствия у современных нижегородцев сколь-нибудь ясных представлений об этом периоде. Сделан вывод о том, что, с одной стороны, отсутствуют зримые символы, однозначно ассоциирующиеся с эпохой, с другой стороны, даже к имеющимся раритетам у общественности нет доступа.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Нижегородское великое княжество, Спасо-Преображенский собор, Михайло-Архангельский собор, нижегородский кремль, Благовещенский монастырь, Вознесенский Печерский монастырь.

Период существования Нижегородского великого княжества (середина XIV — первая половина XV в.) — интереснейшая страница истории региона¹. В это время Нижний Новгород был не просто одной из многих удельных столиц, а входил в число важнейших политических центров Северо-Восточной Руси наряду с Москвой, Тверью и Рязанью. Княжество обладало обширной территорией, имело выход к важнейшим транспортным артериям. Его правители претендовали на ведущие роли в процессе объединения русских земель, а также достигли серьезных внешнеполитических успехов в деле борьбы за обретение национальной независимости. В частности, в битве на реке Пьяне в 1367 г. была одержана одна из первых побед над ордынскими войсками в открытом полевом сражении, а в 1377 г., в результате совместной с московскими отрядами экспедиции в булгарские земли, был установлен протекторат над ча-

¹ Княжество, объединившее суздальские и нижегородско-городецкие земли, было создано в 1341 г. В конце 1340-х – начале 1350-х гг. столица была перенесена из Суздаля в Нижний Новгород. Самостоятельное существование княжества продолжалось до 1392 г., когда оно попало под контроль Москвы. В первой половине XV в. происходили неоднократные попытки восстановления независимости. Подробнее см.: Восемь столетий, 2022. С. 54–125.

стью ордынской территории. Нижний Новгород являлся центром международной торговли. Здесь осуществлялось монументальное каменное строительство, чеканилась серебряная монета, велось летописание, был создан единственный дошедший до нас список знаменитой Лаврентьевской летописи.

Казалось бы, потомкам жителей великокняжеской столицы есть чем гордиться. Однако в исторической памяти современных нижегородцев данный период почти не запечатлелся. Прошедшее с большим размахом празднование юбилея города показало, что организаторами мероприятий, создателями визуального оформления и жителями события и герои того времени не воспринимаются как значимые или вовсе им неизвестны. Вероятно, основная причина данного феномена заключается в отсутствии зримых свидетельств эпохи, на которые могло бы опереться массовое сознание.

Систематизируем в настоящей работе сведения письменных источников о масштабных объектах, рассчитанных на длительный период существования, создававшихся в Нижнем Новгороде в бытность его великокняжеской столицей, а также о последующей их судьбе. Иными словами, попытаемся ответить на вопрос: были ли такие объекты и почему мы их не видим сегодня. Естественно, речь пойдет о монументальных строениях — храмовых и крепостных сооружениях. Иное в поле зрения письменных источников, а это летописи, просто не попадало.

В качестве основных источников использованы летописи максимально близкие по времени составления к описываемым событиям, т.е. адекватно осведомленные — это Рогожский летописец и Симеоновская летопись. Они отразили общерусский летописный свод начала XV в. в тверской обработке. Помимо своей древности данный свод также привлекает относительной независимостью в трактовке событий (*Лурье*, 1976. С. 36–39, 49–55).

Первый известный нам акт каменного строительства в Нижнем Новгороде XIV в. относится к 1350–1352 гг., когда по распоряжению первого нижегородско-суздальского князя Константина Васильевича был возведен Спасский собор, главный городской храм, вместо старого, заложенного еще в 1225 г. Это был не ремонт, не поновление, а создание нового сооружения. В 1350 г. князь «поручалъ церковь камену старую и ветшаную святого Спаса, а новую заложиль». К октябрю 1352 г. она уже была готова и освящена, поскольку в этом месяце состоялось венчание сына Константина Бориса с дочерью великого князя литовского Ольгерда Агриппиной (Аграфеной) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 60, 61). Высказывалось мнение о том, что причиной замены здания храма явились повреждения, полученные им во время монгольского нашествия (*Воронин*, 1962. С. 43; *Агафонов*, 1987. С. 23). Однако, скорее всего, своими размерами и внешним видом собор не соответствовал новой роли главной святыни вели-

кокняжеской столицы. К тому же в скором времени ему суждено было стать усыпальницей князей суздальского дома². О том, что князю Константину важно было демонстрировать свою заботу о благолепии городского собора еще до его замены можно судить по известию 1347 г., когда был отлит «колоколь болши святому Спасу» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 58)³. Сообщение о нападении татар на Нижний Новгород в 1378 г. свидетельствует о наличии у храма «чудных» дверей, выполненных с использованием позолоченной меди, погибших в тот год в пламени пожара (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134 (Рог.); ПСРЛ. Т. 18. С. 126).

Судьба этого сооружения такова: на рубеже 40–50-х гг. XVII в. ему на смену пришла новая постройка, после чего в 1670-х гг. храм XIV в. был разобран. Она, в свою очередь, была заменена в 1830-х гг. зданием, разрушенным перед строительством Дома Советов в 1929 г. О местонахождении Спасского собора XIV в. известно, что он располагался южнее сменившего его в XVII в. нового здания (Воронин, 1962. С. 45).

В первых трудах по истории Нижнего Новгорода 50-х гг. XIX в. указывалось — будто бы гробницы нижегородских князей и княгинь были перенесены в здание XVII в., а из него в последний Спасо-Преображенский собор (Макарий, 1857. С. 6, 9; Храмцовский, 1859. С. 38, 42). Эта информация стала основанием для встречающейся до сих пор версии об уничтожении княжеских останков в конце 1920-х гг. Однако в описании княжеских захоронений, читающемся в соборном синодике середины XVII в. указано: «гробы великих князей и княгинь поставлены в сем соборе токмо для знака, а тела их погребены не в сем соборе, но в преждебывшем...» (НГОУНБ. Ф. 1. Оп. 2. № 26 (Р/1028). Л. 1). Следовательно, сами останки были утрачены еще в XVII в., а описанные «гробы» были лишь кенотафами.

Относительно типа, к которому можно отнести постройки XIII и XIV вв., высказывались разные точки зрения. С. Л. Агафонов полагал, что все каменные храмы Нижнего Новгорода этого периода были одноглавыми четы-

² В Юрьеве-Польском замена собора 1152 г. упомянутым ниже храмом 1230-х гг. произошла без какого-то ни было внешнего воздействия, но с 1212 г. город являлся удельной столицей. То есть мы сталкиваемся с ситуацией, когда главный городской храм заменяли после перемещения в город княжеской резиденции, не по причине разрушений, а в силу того, что он своим внешним видом (оформлением или размерами) переставал соответствовать запросам правителя.

³ В Симеоновской летописи соответствующие известия отсутствуют. За период с 1328 по 1375 г. сходство ее текста с Рогожским летописцем не полное. На этом отрезке Рогожский летописец обнаруживает следы влияния Тверской летописи третьей четверти XIV в. (Муравьева, 1991. С. 72).

рехстолпными, а сооружения XIV в. отличались лишь более грубой кладкой (Агафонов, 1986. С. 23). Я. Л. Шаболдиным высказано мнение, согласно которому оба Спасских собора были подобны Рождественскому собору Суздаля (1222–1225 гг.), т.е. являлись трехглавыми шестистолпными (Шаболдин, 2001. С. 58–59).

Применительно к XIII в. вряд ли последняя точка зрения справедлива. Сомнительно, что в совсем молодом городе на окраине Владимиро-Суздальской земли, пусть даже ему и предуготовлялось большое будущее, был возведен такой же обширный храм, как и в одном из старейших и центральных городов Волго-Окского междуречья. Скорее, собор XIII в. мог напоминать второй из ближайших по времени создания к нижегородскому храмов Северо-Восточной Руси — Георгиевский собор Юрьева-Польского (1230–1234 гг.), представляющий собой одноглавый четырехстолпный храм с тремя притворами и трехапсидным алтарем. Его отличала уникальная резьба по белому камню, сплошным ковром покрывавшая стены от основания до главы.

На основании сходства отдельных деталей всех трех храмов (от нижегородского сохранились угол орнаментированного пояса и капитель колонны) исследователи полагают, что они строились одними мастерами. С. В. Загравский считает их зодчим удельного юрьевского князя Святослава Всеволодовича, чье личное участие в возведении Георгиевского собора зафиксировано Тверской летописью (Тверским сборником) XVI в. во фразе «сзда ю Святославъ чюдну, резнымъ каменемъ, а самъ бе мастеръ» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 355 (Тв.); Воронин, 1962. С. 46; Агафонов, 1986. С. 16; Агафонов, 2008. С. 75; Загравский, 2019. С. 229–237). Действительно, все три храма объединяет не только архитектурный стиль, но и исторические обстоятельства. Все они возникли в скором времени после успешного похода войск князей Владимиро-Суздальской земли против Волжской Булгарии 1220 г. Победа имела для них большое политическое значение. Непосредственным ее результатом стало основание Нижнего Новгорода. Возглавлял поход по приказу владимирского князя Юрия Всеволодовича не кто иной, как его младший брат Святослав. В его биографии данное событие стало одним из самых заметных. Зимой 1226–1227 гг. он же был поставлен во главе рати посланной на мордву. Поход был также успешен и должен был обезопасить новый город на устье Оки от недовольных его появлением соседей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444–445, 448–449). Таким образом, возникновение всех трех храмов можно связать с восточной политикой Владимиро-Суздальского княжества.

Схожа последующая судьба сооружений. Собор в Нижнем Новгороде, как отмечалось, по официальной версии был демонтирован за ветхостью. В начале — середине XV в. обрушились своды и большая часть стен Георгиевского

собора. В 1471 г., насколько это было возможно, храм был восстановлен известным строителем В. Д. Ермолиным и дошел до нас в искаженном виде. У Рождественского собора в 1445 г. обрушилась верхняя часть, которую в 1528–1530 гг. от колончатого пояса надстроили из кирпича (*Воронин*, 1962. С. 19, 68; *Заграевский*, 2019. С. 229–237). Напрашивается мысль об общей конструктивной ошибке, допущенной одним зодчим. Однако для утверждения, что им был князь Святослав слишком мало оснований. Нижний Новгород и территориально, и политически находился далеко от сферы его интересов. Возведение каменного собора в только что основанном городе, который должен был стать опорой в освоении нового региона на стыке с иноязычным и иноверным миром, было слишком важной символической акцией. В условиях постоянной конкуренции и борьбы за власть, характерных для удельного периода, Юрий Всеволодович не мог допустить, чтобы она ассоциировалась с младшим братом.

В отношении внешнего вида Спасского собора XIII в. можно высказать следующее предположение. Несмотря на общие черты, вряд ли его убранство было столь же великолепным как у Георгиевского собора. Все-таки Юрьев-Польский был столицей пусть и небольшого удельного княжества, а Нижний Новгород одним из многих городов подвластных князю владимирскому и управлявшихся его наместниками. Возможно активное творческое участие князя Святослава в возведении собственного храма, ставшего его усыпальницей, и сделало Георгиевский собор непохожим на все прочие. Иными словами, даже если в Нижнем Новгороде и Юрьеве работала одна артель, это не означает, что постройки были одинаковыми.

О внешнем виде Спасского собора 1350-х гг. известно еще меньше. Предположение Я. Л. Шаболдина о крупном шестистолпном храме выглядит заманчиво, поскольку совпадает с ходом наших мыслей о мотивах князя Константина. Логично и то, что, будучи выходцем из Суздаля, он мог рассматривать Рождественский собор как образец. Однако осторожность заставляет обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, за 125 лет, прошедших с момента возведения собора в Суздале, архитектурные вкусы могли поменяться. То есть мы не можем быть уверены, что князь Константин мечтал о реплике Рождественского собора в Нижнем Новгороде. Во-вторых, чем масштабнее сооружение, тем больше вероятность сохранения его остатков, пусть даже оно было разобрано. Однако ни одной детали собора XIV в. до сих пор не найдено. Третье обстоятельство, обращающее на себя внимание. К сожалению, на территории Северо-Восточной Руси не сохранилось ни одного храмового сооружения второй половины XIV в., и ближайшими по времени возведения храмами являются произведения раннемосковского зодчества конца XIV — первой четверти XV в.: Успенский собор Звенигорода, Рождественский собор

Саввино-Сторожевского монастыря, Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры и Спасский собор Андроникова монастыря. Все они являются четырехстопными одноглавыми.

Второй акт каменного строительства в Нижнем Новгороде относится к 1359 г., когда следующий глава княжества Андрей Константинович заложил храм Архангела Михаила. Это сообщение хорошо известно в краеведческой литературе благодаря памятнику местного летописания второй половины XVII в. Нижегородскому летописцу. В Рогожском летописце и Симоновской летописи данное известие отсутствует. Нет его и в известных выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи, отразившей более ранний вариант свода начала XV в. Это могло бы породить сомнения в достоверности данного сообщения, поскольку поздний компилятивный Нижегородский летописец отличается неточностью и искажением ряда дат. Однако М. Я. Шайдакова обратила внимание на почти дословное совпадение сообщения с текстом Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. под той же датой. Добавим, что аналогичное с этими сводами сообщения читается в Устюжской летописи начала XVI в. По всей видимости, известие восходит к их общему протографу — независимому от великокняжеской власти своду 1492 г., возможно составленному на Русском Севере (*Шайдакова*, 2006. С. 69; ПСРЛ. Т. 27. С. 243, 326; ПСРЛ. Т. 37. С. 32, 72; *Лурье*, 1976. С. 168–209). Эти данные заставляют относиться с доверием к указанной дате. Само же существование Архангельского храма в XIV в. было подтверждено раскопками В. В. Воронина, проводившимися в 1960 г. (*Воронин*, 1962. С. 208–213).

По сравнению с Сокращенными сводами и Устюжской летописью сообщение Нижегородского летописца расширено завершающей фразой «близь двора своего» (*Шайдакова*, 2006. С. 137). Придворный характер церкви Михаила Архангела подтвердили археологические исследования последних лет (*Агафонов*, 2008. С. 24⁴).

Храм возводился впервые в камне. В краеведческой литературе долгое время воспроизводилась информация о строительстве первого каменного Архангельского собора в 1227 г. (*Макарий*, 1857. С. 67; *Храмцовский*, 1859. С. 46–47; *История*, 1971. С. 18; *Агафонов*, 1986. С. 15; *Агафонов*, 2008. С. 23; *Филатов*, 1994. С. 15). Извлечена она была опять же из Нижегородского летописца. Однако, как показали исследования М. Я. Шайдаковой, соответствующее известие в произведениях нижегородского летописания XVII в., восходит к активно привлекавшийся их составителями Типографской летописи Особой редакции — общерусского летописного свода первой половины XVI в. (*Шайдакова*, 2006. С. 50–51). Там оно читается под 1225 г. и заменяет собой известие

⁴ См. комментарий Т. В. Гусевой.

остальных летописей, в том числе более ранних, о строительстве в этом году первого Спасского собора. Следовательно, в данном случае Особая редакция Типографской летописи дает явно ошибочное чтение.

Опубликованные исследовательницей тексты нижегородских летописных памятников XVII в. свидетельствуют о том, что их составители заимствовали это искаженное сообщение и поместили его под 1227 г. Летописец о Нижнем Новгороде, который был, по-видимому, создан несколько ранее первоначальной редакции Нижегородского летописца и отличается от последнего лаконичностью и простотой замысла, дает начальные известия в следующей последовательности: 6729 (1221) г. — князь Юрий Всеволодович заложил Нижний Новгород и поставил деревянную соборную церковь Архангела Михаила (фрагмент о церкви отсутствует в Типографской Особой редакции, как и во всех остальных летописях), 6735 (1227) г. — он же заложил каменную церковь Архангела Михаила, 6860 (1352) г. — князь Константин Васильевич создал каменную соборную церковь Спаса (*Шайдакова*, 2006. С. 127). В результате этих манипуляций с текстом Архангельский собор стал намного древнее Спасского, а последний исчез из XIII в.

В тексте Нижегородского летописца эта комбинация повторена с некоторыми дополнениями и искажением дат. Так, основание города и сооружение деревянной церкви во всех списках датировано 6720 (1212) г., закладка каменной Михайло-Архангельской церкви — 6735 (1327) г. (лишь в одном из списков — 6725 (1217) г.)⁵, возведение Спасского собора князем Константином, который из Васильевича превратился во Всеволодовича, т.е. брата Юрия⁶ — в большинстве случаев 6760 (1252) г., но также 6700 (1192) г., 6720 (1212) г., 6725 (1217) г., 6765 (1257) г. Кроме того, в Нижегородском летописце за 6867 (1359) г. добавлено вышеуказанное сообщение о строительстве церкви Михаила Архангела князем Андреем (*Шайдакова*, 2006. С. 136–137, 143–144, 148–150, 169–170, 183–184, 197–198, 212–213, 225–226, 249–250, 258–259).

Таким образом, видна явная тенденциозность составителей нижегородских летописных произведений XVII в., проявляющаяся в стремлении прославить собор Михаила Архангела, удревнить его историю за счет другого старейшего храма. Не случайно А. Н. Насонов считал, что Нижегородский летописец

⁵ Грибов Н. Н. ошибочно указал, что «Возведение первого каменного Михайло-Архангельского собора Нижегородский летописец также связывает с домонгольской эпохой, датируя это событие 6733 г. (1225 г.)». Шайдакова М. Я. использовала при издании текста источника 12 списков. Ни в одном из них нет даты 6733 (*Грибов*, 2018. С. 23).

⁶ О причинах этого искажения см.: *Шайдакова*, 2006. С. 100.

был составлен в кругах клириков собора Михаила Архангела (*Насонов*, 1969. С. 170–173, 188–191). Некритическое использование летописных данных исследователями XIX в. привело к удвоению храмов XIII в. в Нижнем Новгороде. Под влиянием местной краеведческой традиции, по-видимому, попал и Н. Н. Воронин, проводивший в 1960 г. раскопки и датировавший фрагменты фундамента древнего храма XIII в. (*Воронин*, 1962. С. 46–54). Современные археологи, обращаясь к тем материалам, с которыми работал исследователь, не находят оснований для подобной датировки и вывода о двух каменных соборах на одном месте (XIII и XIV вв.) (*Агафонов*, 2008. С. 72⁷; *Грибов*, 2018. С. 23, Прим. 19). Тем не менее в местной литературе данные о каменном Архангельском соборе 20-х гг. XIII в. продолжают циркулировать (Нижний Новгород. Каталог, 2017. С. 11).

Судьба церкви Андрея Константиновича также достаточно ясна. Писцовая книга по Нижнему Новгороду 1620-х гг. сообщает, что «Соборная церковь архангела Михаила каменная ветха, развалилась, а службы в ней неть давно» (ППКНН, 1898. Стб. 20). В 1628–1631 гг. она была демонтирована и на том же месте с небольшим смещением к востоку выстроен сохранившийся поныне шатровый храм. Его план почти полностью повторил план предыдущего сооружения. Соответственно, церковь 1359 г. являлась одноглавой, четырехстолпной постройкой с тремя притворами и трехчастным алтарем. Н. Н. Воронин на основе проведенных им раскопок пришел к выводу, что храм сильно пострадал еще во время пожара 1378 г. и больше не восстанавливался.

От древнего Архангельского собора сохранились фундаменты трех алтарных апсид (вне стен храма XVII в.) и основания западной пары внутренних столбов, оставшиеся под полом существующего здания. Кроме того, были обнаружены остатки пола, не имеющего аналогов в древнерусской архитектуре: он был выложен красными керамическими плитами с белыми гипсовыми швами и узорами из повторяющихся в различных комбинациях шестиугольных звезд (*Воронин*, 1962. С. 208–213).

В правление Андрея Константиновича кроме каменной Михайло-Архангельской церкви в Нижнем Новгороде появился женский Зачатский монастырь. На это есть указание в повести житийного характера, восходящей, по-видимому, к летописному своду начала XV в., посвященной жене Андрея и основательнице обители Василисе (Феодоре) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 132–133 (Рог.); ПСРЛ. Т. 18. С. 125–126). Однако о каменных сооружениях в нем ничего не известно.

Следующее сообщение о масштабных работах в Нижнем Новгороде Рогожский летописец относит к 1363 г., когда город на время оказался в руках брата

⁷ Комментарий Т. В. Гусевой.

Андрея Бориса Константиновича: «Тое же осени князь Борисъ заложи город сыпати» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 74 (Рог.)). Составитель Нижегородского летописца, стремясь увязать событие с другими известными ему данными, искажил дату, перенеся его на 1365 г., и по-своему домыслил: «почал ровъ копть, где быть городской каменной стене и башням». Это стало основанием для утверждений в краеведческой литературе о начале в 1365 г. строительства каменного кремля⁸. Опять-таки в плену у местной историографии оказался Н. Н. Воронин, который воспринял эту точку зрения и, даже ссылаясь на Рогожский летописец, указал на 1365 г., которого на указанной странице нет (*Воронин*, 1962. С. 213).

По-видимому, речь идет о строительстве или обновлении деревоземляных укреплений. И. А. Кирьянов считал фразу Рогожского летописца указанием на создание острога, который был восстановлен в начале XVII в. и получил название «Новый острог» (остатки его вала сохранились на ул. Пискунова). Исследователь, видимо, исходил из той логики, что все этапы градостроительной деятельности обязательно отражаются в летописании: детинец должен был появиться еще в момент основания города, значит, методом исключения в указанном случае подразумеваются укрепления посада (*Кирьянов*, 1961. С. 31–32). Однако данных для такого вывода недостаточно. Соответствующее летописное упоминание расположено в ряду описания событий, связанных с противостоянием князя Дмитрия Константиновича суздальско-нижегородского сначала с Дмитрием Ивановичем московским, а потом с братом Борисом. То есть составителя летописного текста интересовали княжеские распри, а вовсе не история крепостного строительства в Нижнем Новгороде. Сообщение, вероятно, включено как свидетельство готовности Бориса к дальнейшему вооруженному противостоянию. Следовательно, вовсе не обязательно оно отражает эпохальное событие в жизни нижегородцев. Осуществлявшиеся работы могли быть реконструкцией старых укреплений или их достройкой, а не возведением чего-то принципиально нового. Другой довод И. А. Кирьянова о том, что, согласно Писцовой книге, в XVII в. укрепления ставились «ново по старинной осыпи», не позволяет однозначно увязать эту «осыпь» с 1363 г. Поэтому данная версия сохраняет свое значение, но на уровне гипотезы. Если будут найдены однозначные археологические доказательства, демонстрирующие наличие в основе остатков вала конструкций XIV в., ее позиции укрепятся.

Еще одно событие, заслуживающее упоминания: согласно повести о Василисе (Феодоре), через 4 года после смерти мужа, т.е. в 1369 г., она приняла постриг у Дионисия, архимандрита Печерского. Это первое достоверное свидетельство о существовании Вознесенского Печерского монастыря. Возможно,

⁸ Подробнее см.: *Чеченков*, 2010. С. 13–15.

он был основан при князе Константине Васильевиче, т.е. в 1340-х — первой половине 1350-х гг.⁹

В «Сказании» о катастрофическом оползне 18 июня 1597 г., разрушившем монастырский комплекс и приведшем к его переносу, которое встречается в нижегородских летописных произведениях XVII в., упоминаются Вознесенский собор, колокольня и, возможно, иные каменные сооружения (*Шайдакова*, 2006. С. 157, 175, 189, 203, 218, 231, 244, 254, 264). Если учесть, что XV — первая половина XVI в. были очень тяжелым временем для всего региона, а монастырские вотчины долгое время находились в запустении (*Чеченков*, 2005), то можно осторожно предполагать, что какая-то часть каменных строений могла восходить еще к великокняжескому периоду. Однако полной уверенности в этом быть не может, поскольку они могли относиться и ко второй половине XVI в.

Аналогичное катастрофическое событие, но произошедшее зимой 1370/71 г., известно в наиболее раннем варианте по летописям, отразившим свод начала XV в. «оуползе многъ снегъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовещениемъ и засыпа и покры дворы и съ людми» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 95 (Рог.); ПСРЛ. Т. 18. С. 102–103)¹⁰. Это первое достоверное упоминание Благовещенского монастыря. Традиционно он считается ровесником города. Однако остается открытым вопрос о преемственности между «монастырем святой Богородицы», разоренным мордовским князем Пургасом в 1229 г., и монастырем, сведения о котором начинаются с XIV в. Во-первых, их разделяет почти полтора столетия. Во-вторых, доподлинно неизвестно, на том ли месте находился монастырь XIII в., что и более поздний.

Легенда, отразившаяся в местных летописцах XVII в., связывает его возрождение с именем митрополита вся Руси Алексея, который будто бы в 1370 г. по пути из Орды восстановил обитель и построил каменную церковь Благовещения. Однако исследования Д. Ю. Кривцова показали, что митрополит в том году не был в Орде, а само известие, происходящее из житийной литературы, носит поздний и тенденциозный характер. Он же отметил необоснованность встречающегося привлечения в качестве источника для решения вопросов о монастырском строительстве рисунка середины XIX в., копирующего изображение храма на створе несохранившегося киота иконы митрополита Алексея (*Кривцов*, 2005, 2009). Таким образом, никакой подтвержденной достоверными

⁹ Некоторые доводы в пользу этого времени основания см.: *Лудалов*, 2001. С. 20–21.

¹⁰ Событие приводится под 6878 г. Поскольку в протографе Рогожского летописца и Симоновской летописи использовался мартовский стиль, это должно соответствовать зиме 1370/1371 г.

источниками связи между Богородичной обителью XIII в. и Благовещенским монастырем XIV в. нет.

Обращаясь к летописному сообщению об оползне, следует обратить внимание на указание о пострадавших дворах рядом с монастырем. Речь, по-видимому, идет о монастырской слободе. Следовательно, обитель уже сложилась как значительный хозяйственный комплекс, т.е. существовала в течение ряда лет до 1370 г. В своем исследовании о синодиках-«помянниках» нижегородских князей Б. М. Пудалов показал, что редакция «помянника», возникшая в Благовещенском монастыре, явно была составлена в интересах Бориса Константиновича и его потомков (Пудалов, 2001. С. 16). Возможно, это является свидетельством о появлении Благовещенского монастыря XIV в. в то время, когда Нижний Новгород контролировал князь Борис, т.е. в 1364–1365 гг.

Писцовая книга 1620-х гг. упоминает в монастыре каменную церковь Благовещения Богородицы и отмечает, что она ветха (ППКНН, 1898. Стб. 346). На тех же основаниях, что и в отношении Печерского монастыря, можно отнести ее строительство к великокняжескому периоду. В отношении Благовещенского монастыря такое предположение будет более весомым, поскольку если церковь ветха, следовательно, приурочить ее возведение ко второй половине XVI в. нельзя. Напомним, что в том же источнике ветхим назван Архангельский собор 1359 г.

Судьба и этого строения ясна: в середине XVII в. в ходе реконструкции монастырского комплекса ветхий храм Благовещенского монастыря был заменен новым собором (Агафонов, 1986. С. 43, 166–170).

Следующий точно датированный случай каменного строительства после Архангельского собора относится к 1371 г., когда князь Дмитрий Константинович «постави церковь камену въ имя святого Николы» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 97 (Рог.); ПСРЛ. Т. 18. С. 111). Поскольку некоторые летописи, отразившие более поздние, чем протограф Рогожского летописца и Симеоновской летописи, своды содержат уточнение «на бечеве», а Нижегородский летописец — «на Почаине» (Муравьева, 1991. С. 82; Шайдакова, 2006. С. 138, 145, 152, 171, 185, 199, 214, 227, 240, 251, 260), исследователи единодушно отождествляли ее с одноименным храмом на Нижнем посаде. Это вполне логично, если учесть, что город был развернут к рекам, и торг играл огромную роль в его жизни. Церковь на этом месте должна была существовать задолго до 1371 г. Возможно, именно она без имени фигурирует в сообщении 1229 г. о нападении мордвы на Нижний Новгород: «зашегше манастырь святое Богородици и церковь иже бе вне града» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

Однако Писцовая книга 1620-х гг. каменного храма в этом месте не упоминает, а называет обычную деревянную клетскую церковь (ППКНН, 1898. Стб. 38). По-видимому, из трех каменных храмов, заложенных нижегородски-

ми князьями, этот оказался наименее долговечным. Обстоятельства его замены деревянным остаются неизвестны. В 1520 г. церковь Николы на Почайне пострадала от пожара, но к какому времени относилось погоревшее сооружение — не ясно (Чеченков, 2012. С. 12).

На следующий год князь Дмитрий Константинович начал строительство каменного кремля (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100 (Рог.); ПСРЛ. Т.18. С. 112; Чеченков, 2010. С. 15–16). Традиционно считается, что сооружение не было достроено, поскольку об этом нет известий в письменных источниках. Данный аргумент сам по себе трудно считать убедительным. Подобное молчание характерно для летописей. О нижегородском кремле XVI в. они тоже сообщают лишь о его закладке и никаких сведений о продолжении строительства не имеется. Другое дело, что в 1377 и 1378 г. татары без труда брали Нижний Новгород. В то же время Ольгерд в 1368 и 1370 гг. каменный кремль Москвы, который был заложен в 1368 г., взять не смог.

Судьба каменного кремля, является одной из загадок нижегородской истории. До сих пор не найдены остатки этой крепости. Исследования, проводившиеся в связи с реставрацией сохранившегося кремля, позволили отменить бытовавшую версию об использовании фрагментов сооружения XIV столетия в качестве строительных материалов при возведении кремля в XVI веке (Агафонов, 2008. С. 27).

Иных достоверных сведений о масштабном строительстве в Нижнем Новгороде интересующей нас эпохи в письменных источниках не имеется. Подведем итоги. Несмотря на наличие определенных спадов, город всегда оставался важным административным центром. Жизнь здесь порой замедлялась, но не останавливалась. Поэтому на смену старым постройкам приходили новые. В результате от великокняжеского периода остались одни воспоминания и археологические находки, которые сейчас известны в основном лишь специалистам. Но тем больше нужно ценить то, что осталось. Фрагменты декоративного убранства соборов XIII–XIV вв. являются важнейшими раритетами истории города. Они по праву могли бы войти в число его символов.

Литература

- Агафонов С. Л., 1986. Горький. Балахна. Макарьев. 2-е изд. М.: Искусство. 327 с.
- Агафонов С. Л., 2008. Нижегородский кремль / Под. ред. И. С. Агафоновой, А. И. Давыдова. Нижний Новгород: Кварц. 224 с.
- Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2. 559 с.
- Восемь столетий нижегородской истории, 2021. Т. 1. / Отв. ред. П. В. Чеченков. Нижний Новгород: Научно-издательский центр НГТУ. 608 с.

- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. 592 с.
- Заграевский С. В.*, 2019. Зодчие домонгольской Северо-Восточной Руси // Материалы XXIV Межрегиональной краеведческой конференции. Владимир. С. 229–237.
- История города Горького. Краткий очерк, 1971. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. 576 с.
- Кривцов Д. Ю.*, 2005. Два волжских предания о митрополите Алексее // Лествица: Материалы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. С. 106–129.
- Кривцов Д. Ю.*, 2009. Предание о возобновлении Нижегородского Благовещенского монастыря митрополитом Алексеем и иконописные памятники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. С. 57–59.
- Лурье Я. С.*, 1976. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука. 284 с.
- Макарий (Миролюбов Н. К.)*, 1857. Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии. СПб. 514 с.
- Муравьева Л. Л.*, 1991. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М.: Наука. 224 с.
- Насонов А. Н.*, 1969. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука. 555 с.
- Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода / Отв. ред. А. Л. Гельфонд. Нижний Новгород, 2017. Кн. 1. 376 с.
- Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Русская историческая библиотека. Т. 17. Стб. 1–464. СПб., 1898.
- Пудалов Б. М.*, 2001. Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы науч. конф. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации губернатора Нижегородской области. С. 8–22.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 289–488. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л.: изд-во АН СССР, 1927.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Пг.: АН СССР, 1927. 488 с.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.: Языки русской культуры, 2007. 436 с.

- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжская и Вологодская летописи. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 235 с.
- Филатов Н. Ф.*, 1994. Нижний Новгород. Архитектура XIV — начала XX в. Нижний Новгород: РИЦ «Нижегородские новости». 256 с.
- Храмцовский Н. И.*, 1859. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 2. Нижний Новгород: издание В. К. Мичурина. С. 5, 7, 30, 224.
- Шаболдин Я. Л.*, 2001. Архитектура храмов Нижегородского кремля в XVII веке // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости памятника XVI века: Материалы науч. конф. Н. Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области. С. 57–68.
- Шайдакова М. Я.*, 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. 281 с.
- Чеченков П. В.*, 2012. «Град» и «посад» в Нижнем Новгороде XIV–XVI веков (по письменным источникам) // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века: Материалы Всерос. науч. конф. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. С. 12–23.
- Чеченков П. В.*, 2005. К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV — первой половине XVI вв. // Нижегородский краеведческий сборник. Нижний Новгород. Т. 1. С. 156–180.
- Чеченков П. В.*, 2010. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV — начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святые земли нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. С. 13–25.

Нижегородское летописание XVII в. — источник недостоверных представлений о ранней истории Нижнего Новгорода

А. А. Кузнецов

Резюме. Статья посвящена выяснению источника и механизма формирования недостоверных представлений об обстоятельствах основания г. Нижнего Новгорода и его ранней истории. Эти недостоверные сведения предопределили направление многих исторических исследований, основанных на местном материале. Рассмотрены три недостоверных «факта»: расселение мордвы в местности, где в 1221 г. был заложен Нижний Новгород; возведение в 1227 г. собора Михаила-Архангела, существование русского Городка — предшественника Нижнего Новгорода. Источник этих представлений — Нижегородский летописец XVII в. В ходе интерпретации этих сведений в нижегородском краеведении XIX в. возникли мистификации о мордовском, болгарском предшественнике Нижнего Новгорода. Мистификации предопределили внеисточниковые представления о неправомерно большой площади раннего Нижнего Новгорода, о болгарской зоне влияния в районе устья Оки и ряд других представлений — не подтверждаемых ни аутентичными летописными памятниками, ни материалами археологических исследований.

Ключевые слова: текстология, Нижний Новгород, предшественник, мордва, болгары, Нижегородский летописец, Летописец о Нижнем Новгороде, Старый Городок, Михаило-Архангельский собор.

Данная статья построена по методическому принципу, обратному тому, что был использован в книге Н. Н. Грибова о «потерянном» Нижнем Новгороде. Если в ней результаты археологических исследований проецировались на штудии источниковедов-текстологов (Грибов, 2018. С. 10) по истории Нижнего Новгорода, то здесь в качестве исследовательской презумпции по текстологии предпосланы — иногда по умолчанию — современные выводы археологов. Это не означает потребительского отношения к ним: речь идет о последующей стадии «притирки» результатов археологических обобщений с источниковедением текстов, преимущественно нарративных. При такой постановке проблемы из современных археологических выводов важными являются следующие: 1) нет системной совокупности свидетельств в пользу того, что на месте Нижнего Новгорода на правом берегу Оки и Волги до 1221 г. было предшествующее

щее поселение; 2) мордва непосредственно на месте Нижнего Новгорода не жила (*Грибов*, 2020).

Археология сегодня наряду с традиционной историей, покоящейся на исследовании письменных источников, становится полноправным исследователем средневековой истории Нижнего Новгорода. Но на этом поприще археологи сталкиваются с инерцией устоявшейся традиции приоритета письменного источниковедения. История основания Нижнего Новгорода и его существования в первые 18 лет (до 1239 г.) реконструируется на основе общерусского летописания. Достоверными для изучения этого вопроса являются (по убыванию доверия) Лаврентьевская летопись, Симеоновская летопись (здесь же Рогожский летописец) и отдельные сведения ростовского летописания по событиям 1219–1220 гг. (прежде всего из Ермолинской летописи). В более позднем летописании их сведения компилировались, сокращались/распространялись, интерпретировались, а потому не могут быть использованы как источник по истории основания Нижнего Новгорода и его ранней истории. Между тем господствует презумпция доверия к любому летописному тексту независимо от его происхождения, что иногда распространяется и на археологов.

Уже из относительно позднего пласта общерусского летописания черпались материалы для местного нижегородского летописания XVII в. Разбору его трех уникальных, оригинальных сюжетов и посвящена данная статья.

Нижегородское летописание XVII в. представлено, большим семейством списков и редакций «Нижегородского летописца» (далее НЛ) XVII–XVIII вв., изученном М. Я. Шайдаковой. В основе НЛ лежит «Летописец о Нижнем Новгороде» (далее ЛНН). Последний представляет собой выборку известий о Нижнем Новгороде до XV–XVI вв. из общерусских летописей (*Шайдакова*, 2006. С. 43–55). Исследователям, некритично использующим сведения нижегородского летописания по нижегородской истории XIII–XIV вв., существование ЛНН в расчет не принимается из-за многочисленности бытования списков редакций НЛ. Не все свидетельства о Нижнем Новгороде до XVI в., известные по общерусским летописям, включались в выборку ЛНН. Его составители использовали в основном сведения, в которых упоминались нижегородско-суздальские князья и восходившая к ним династия Шуйских.

Ее представитель Василий Шуйский в 1606 г. стал царем. К тому же году относится и его грамота в Нижний Новгород, разрешающая памятные службы по его предкам — основателю Нижнего Новгорода князю Георгию (Юрию) Всеволодовичу и его «сыну» Константину ЮРЬЕВИЧУ (Действия НГУАК, 1913).

Как известно, великий владимирский князь, основатель Нижнего Новгорода Георгий (Юрий) Всеволодович (1188–1238) был убит на р. Сити в марте

1238 г. Вся его семья погибла еще раньше — во Владимире в феврале 1238 г. Поэтому Константин ЮРЬЕВИЧ — сын Георгия (Юрия) Всеволодовича — не существовал в истории. Однако этот Константин Юрьевич фигурирует не только в грамоте Василия Шуйского, но в последующем появляется и на страницах НЛ (*Шайдакова*, 2006. С. 136, 143), созданном на основе ЛНН.

В НЛ Константин ЮРЬЕВИЧ является не только сыном погибшего владимирского князя, но подразумевается и как родоначальник реальных исторических деятелей — нижегородских князей Константиновичей XIV в. (Андрея, Дмитрия Константиновича и тезки Дмитрия Ногтя, Бориса). Только *в реальности* они были потомками *Константина ВАСИЛЬЕВИЧА* (1295/1303–1355). Именно Константин Васильевич стал первым нижегородско-суздальским князем в 1340-е гг. А вот Константин «ЮРЬЕВИЧ», у которого 49-летний «отец» погиб в 1238 г., должен был действовать столетием раньше. Получается, что мифический Константин ЮРЬЕВИЧ не только прожил больше ста лет, но и его активная деятельность заняла больше столетия. Константин Юрьевич — лишь персонаж нижегородской литературы XVII в., но не реальное историческое лицо. Признание его предком Шуйских позволяло возвести родословную царя Василия не к Ярославу Всеволодовичу, а к его старшему брату Георгию (Юрию) (*Кузнецов*, 2020б. С. 205–206). К тому же последний основал Нижний Новгород, где в XIV–XV вв. правили реальные предки Шуйских.

Тенденция удревнения рода Шуйских последовательно проявилась в Строгановской и Титовской редакциях НЛ (поэтому в дальнейшем ссылки в статье делаются на эти редакции). Шайдакова М. Я., считая их самыми ранними текстами НЛ, датирует их на основании внешней критики серединой XVII в. Однако внутренняя критика текста позволяет отнести его сложение к 1606–1610 гг. Отсюда такое настойчивое подчеркивание того, что место под город (будущий Нижний Новгород) искали суздальские князья (*Шайдакова*, 2006. С. 140, 147), а нейтральная фраза для XIV в., что Нижегородское и Городецкое «великое княжение бысть от Суздаля» (*Шайдакова*, 2006. С. 136, 143) в НЛ наполняется новым смыслом. Не владимирские князья, а суздальские — основали Нижний Новгород, обосновались в нем и, в конечном итоге, дали царя. Этой деформацией прошлого не исчерпываются недостоверные сведения НЛ, искажающие историю града «на устье Оки» и исследовательскую оптику.

Мордва на месте будущего Нижнего Новгорода

В первой статье НЛ (6720 г.), где говорится об основании Нижнего Новгорода, читается: «А преж сего владели землею погани — мордва» (*Шайдакова*, 2006. С. 136, 143) (обозначим сведение № 1). Данной фразы нет в ЛНН (*Шайдакова*, 2006. С. 127) и общерусском летописании. Оригинальность этого

сведения НЛ меркнет, если рассмотреть его в контексте всей композиции литературного памятника.

В следующей статье НЛ под 6735 г., кроме прочего, сообщается, что князь Георгий Всеволодович «и поганую мордву отогнал, и жилища их и зимницы разорил» (фрагмент № 2), а князь Константин Юрьевич «повеле руским людемъ селитя по Оке и по Волге, и по Кудме реках, и на мордовскихъ селищахъ» (фрагмент № 3). Сведений № 2 и 3 о XIII–XIV вв. (времени деятельности Константина Юрьевича) нет в общерусском летописании применительно к Оке и Волге, не говоря о Кудьме — реалии исключительно нижегородской, но не общероссийской истории. И № 1, 2, 3 надо считать достоянием исключительно НЛ XVII в. (в ЛНН их нет).

Фрагменты № 1, 2, 3, если убрать известия между ними, образуют в НЛ своеобразный нарратив: № 1 первоначальная власть мордвы над землями, где потом возник Нижний Новгород — № 2 (спустя 15 лет после основания Нижнего Новгорода) мордва отогнана, а места ее обитания разорены — № 3 началось славянское освоение края по Волге, Оке и Кудьме, в том числе и на былых мордовских селищах. Такой «мордовской» истории нет в общерусском летописании и в ЛНН. Не проявилась она и в синхронных НЛ, и в более поздних источниках. Данные обстоятельства вынуждают считать нарратив № 1–3 порождением автора НЛ и сомневаться в его достоверности. В пользу этого предположения свидетельствуют факты, выявленные в ходе текстологии НЛ.

Ключом здесь является фраза № 2: «и поганую мордву отогнал, и жилища их и зимницы разорил». Похожие обороты используются еще дважды в НЛ. В следующей после сообщения 6735 (1227) г. статье (под 6811 г. (1303 г.)) читается рассказ о походе мордвы на Нижний Новгород и ответном походе нижегородско-московской рати (*Шайдакова*, 2006. С. 136, 143). В реальности это событие происходило зимой 6685 (1377/1378) гг. и более полно описано в общерусских летописях после рассказа о Пьянском побоище августа 1377 г.: «взяша землю Мордовскую и повоеваша всю, и села и погосты ихъ, и зимницы пограбиша...» (Симеоновская летопись. С. 119). Оттуда оно попало в ЛНН (*Шайдакова*, 2006. С. 131) — исходный источник для НЛ. В этих памятниках есть одинаковые слова: «и мордву посекоша...», и *жилища ихъ и зимницы разориша* — похоже на оборот в НЛ. То есть устойчивый оборот о разорении жилищ и зимниц мордвы попал в сведение 6811 г. НЛ из общерусского летописания под 6685 г.

Еще раз подобная фраза встречается в знаменитом рассказе НЛ «шестые тысящи» о предшественнике Нижнего Новгорода: «А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнял. А от Оки и от Волги леса были большие, а мордва жили в лесахъ» (*Шайдакова*, 2006. С. 140, 147). И источник ее тот же — общерусское летописное сообщение 1377/1378 гг.

Примечательно, что в основе всех упоминаний погрома мордвы в НЛ лежит не известие о походе владимирских князей на Пургаса в январе 1229 г. из общерусского летописания (исходный вариант читается в Лаврентьевской летописи), вопреки М. Я. Шайдаковой (2006. С. 67), но сообщение о погроме мордвы зимой 1377/1378 гг. Сравнение известий 1229 и 1377/1378 гг., вообще, показывает совершенно разные средства и цели данных текстов в представлении информации.

Еще одним важным маркером источника заимствования и расширения известий о мордве в НЛ является прилагательное «поганая». В самом полном корпусе сообщений в Лаврентьевской летописи о мордве в 1220–1230-е гг., т.е. после основания Нижнего Новгорода и в связи с ним, такой характеристики мордвы нет. В статьях 1220–1230-х гг. Симеоновской летописи набор известий о мордве повторен с сокращениями, но и там мордва не названа поганой (ПСРЛ. Т. 18. С. 52, 53, 54). Зато в повествовании Симеоновской летописи о страшных для Нижнего Новгорода событиях 1377/1378 гг. мордва именуется *поганой* и даже *нечестивой*. И в этих сведениях Симеоновской летописи, Рогожского летописца угадывается текстовый источник сообщений НЛ о мордве в XIII–XIV вв. Именно там встречается и слово «зимницы». А «села и погосты» Симеоновской летописи оказались невостребованными в НЛ. Видимо, для людей XVII в., к которым относился автор НЛ, погосты уже мыслились как административно-территориальные единицы, а села — соотносились с населенными пунктами определенного типа, и использовать их для обозначения проживания мордвы было непривычно. Поэтому вместо погостов и сел в НЛ появились жилища.

И еще один важный момент: летописцы XI — первой трети XIII в. не имели четкого представления о расселении мордвы по отношению к границам Руси. Этногеографическое введение Повести временных лет (далее ПВЛ) помещает мордву между мерей, муромой, весью и заволочскою чудью, пермью, «а по Оце реце, где потече в Волгу» — после муромы и черемиси. То есть для киевского наблюдателя мордва жила где-то там, далеко, где Ока впадает в Волгу (в том районе, где возникнет Нижний Новгород). Следующее упоминание мордвы в ПВЛ (и в Новгородской первой летописи) под 1103 г. — с ней бился рязанский князь Ярослав Святославич — это рязанские пределы. В 1183/1184 г. Всеволод Большое Гнездо, возвращаясь из похода на Булгарию «пусти коней на мордву». Где это произошло, неясно. Упоминания мордвы в 1220-е — 1232 гг. в Лаврентьевской летописи так или иначе связаны с округой Нижнего Новгорода. В 1239 г. монголы воевали Мордовскую землю и Муром «пожгоша». Данные окказиональные упоминания мордвы показывают, что жителям Руси она была интересна лишь в связи с какими-то конкретными обстоятельст

ми (Кузнецов, 2012б). А потому общерусское летописание не было источником сведений НЛ о проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода. И, вероятнее всего, в НЛ оно появилось благодаря автору-составителю. Этот сочинительский произвол НЛ дискредитируется результатами археологических исследований (Грибов, 2020. С. 26–28).

Сведения НЛ о проживании на месте будущего Нижнего Новгорода, в непосредственной близости от него мордвы и силовых действий против нее, являются результатом прописывания представлений людей XVI–XVII в. о прошлом локуса устья Оки в истории региона до того, как туда пришли насельники Владимирского княжества.

Это представление, почерпнутое из НЛ, повлияло на складывание убеждения о проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода. П. И. Мельников (Андрей Печерский) при создании легенд об Абрамовом городке и Дятловых горах, как о само собой разумеющимся, писал о проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода. Об этом он должен был узнать из НЛ. Эти легенды являются плодом сочинительства самого П. И. Мельникова, что текстологическими приемами доказал автор этих строк. Самым же непреодолимым аргументом в пользу признания легенды об Абрамовом городке литературной мистификацией является откровение самого П. И. Мельникова. Он писал А. С. Гацискому: «Легенда эта подозрительного свойства, относительно подлинности ее. Может ли быть, чтобы в ней сохранилось имя Мстислава? Состряпать-то сочинители хорошенько легенду не умели» (Гацицкий, 2001. С. 44. Прим.).

Псевдолегенды П. И. Мельникова были развиты в трудах творцов нижегородского прошлого — Н. И. Храмцовского и А. С. Гациского, с приращением их еще «булгарским потенциалом» (Кузнецов, 2016). Образовался второй, наряду с НЛ, псевдоисточник — комплекс текстов, выдаваемых за предания (об Абрамовом городке, Скворце и Дятле), — о проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода.

Все эти тексты, порожденные интерпретацией в XIX в. сведений НЛ, и поныне определяют место будущего Нижнего Новгорода как стационарного поселения мордвы.

И еще один принципиальный момент. НЛ подает борьбу с мордвой как способ расчистки территории князем *Константином «Юрьевичем»* для дальнейшего повеления о расселении русским людям. А вот Лаврентьевская летопись, отражающая реалии 1220-х–1230-х гг., повествует о походах на мордву как проявлениях военной экономики — грабеж, разорения, полон, потрава (Кузнецов, 2013). Последнее более свойственно домонгольскому периоду политической раздробленности Руси (Кузнецов, 2020а. С. 25–26), когда был основан Нижний Новгород.

Михаило-Архангельский собор — первый храм Нижего Новгорода?

Второй оригинальный сюжет НЛ: сооружение первого храма — деревянного собора Михаила Архангела — в лето 6720-го князем Георгием Всеволодовичем одновременно с основанием Нижнего Новгорода, а в 6735 г. — каменного (*Шайдакова*, 2006. С. 136, 143); еще одна каменная церковь Михаила Архангела была возведена на месте обветшавшей в 6867 г. Андреем Константиновичем (повторено сведение общерусских сокращенных сводов 1493 и 1495 г.) (*Шайдакова*, 2006. С. 137, 144). На протяжении НЛ отслеживается судьба этого храма. И на этот раз исходное чтение сведений НЛ 6720 и 6735 гг. обнаруживается в ЛНН: князь Юрий (Георгий) Всеволодович одновременно с основанием Нижнего Новгорода выстроил церковь Михаила Архангела — только на этот раз в 6729 г. — деревянную, а в 6735 — каменную (*Шайдакова*, 2006. С. 127). Насонов А. Н. и Шайдакова М. Я. объяснили такое настойчивое внимание к истории Михайло-Архангельского храма: центром летописания был Михайло-Архангельский собор (вопрос о месте составления ЛНН — не был решен, но вероятно там же) (*Насонов*, 1969. С. 170–173, 188–191; *Шайдакова*, 2006. С. 11).

Доверие к сведению НЛ о первичности Михайло-Архангельского собора в Нижнем Новгороде при наличии достоверного сообщения общерусского летописания о первоначальном сооружении в Нижнем Новгороде каменной церкви Спаса (см., например: ПСРЛ. Т. 18. С. 52) порождает различные версии. Наиболее очевидным является компромиссный вариант: через несколько лет после основания Нижнего Новгорода были выстроены оба храма. С учетом традиции возобновления обветшавших храмов на их прежнем месте проводится локализация — Михайло-Архангельский собор, там, где он стоит сейчас, и Спасо-Преображенский собор находился в восточной части Нижегородского кремля (уничтожен в 1929 г.). В результате происходит «кабинетное» конструирование площади первоначального Нижнего Новгорода 1220-х гг. Она покрывает нагорную часть нынешнего кремля. Исключение же из этой площади храма Михаила Архангела позволяет сузить ее — собственно град в восточной части современного кремля с каменным храмом, и западнее через овраг церковь «вне града» и Богородичный монастырь (нет оснований в нем видеть Благовещенский монастырь — идентификация, идущая от П. М. Строева (*Кузнецов*, 2012а. С. 143–148)), которые сожгла мордва Пургаса в апреле 1229 г. В свою очередь, такая локализация древнего Нижнего Новгорода и его объектов делается на основе изучения письменных источников, что не исключает возможности ее корректировки (изменения или расширения) в ходе археологических изысканий.

В контексте данного сюжета наблюдается замыкание в круг двух ветвей источниковедения — археологического и текстологического.

В исторической науке, в том числе и в ее нижегородском сегменте, с конца XVIII в. и до появления текстологического исследования М. Я. Шайдаковой, НЛ использовался как достоверный источник. Под обаянием этой традиции оказался и Н. Н. Воронин. Еще в 1945 г. в книге об Андрее Боголюбском он писал о белокаменной резной архитектуре Нижнего Новгорода 1220-х гг. (*Воронин*, 2011. С. 156). Книга увидела свет лишь в 2011 г., поскольку во второй половине 1940-х гг. вокруг нее сложилась конфликтная ситуация, и автор отказался от намерения издать труд. Важную роль в этой истории сыграл принципиальный отзыв на книгу историка В. Т. Пашуто.

Откуда Н. Н. Воронин взял сведения о белокаменной архитектуре домонгольского Нижнего Новгорода, основанного только-только в 1221 г.? Если он подразумевал белокаменный Михаило-Архангельский собор, то история получается следующая. В 1938 г. Воронин провел первые шурфовочные работы у стен собора Михаила Архангела в Кремле г. Горького. В 1960 г. исследования были продолжены заложением нескольких раскопов и шурфов. В результате осмысления полученных результатов Н. Н. Воронин пришел к выводу, что первым (1221 г.) был деревянный храм Михаила-Архангела, а после гибели в пожаре на его месте в 1227 (6735) г. был выстроен каменный храм (*Воронин*, 1961. С. 52–53). Последняя дата сигнализирует о потребительском использовании Н. Н. Ворониным НЛ как достоверного источника и подгонкой археологических данных под его хронологию.

На некритическое использование Н. Н. Ворониным «удобных» сведений поздних письменных источников обратил внимание В. Т. Пашуто в отзыве на книгу об Андрее Боголюбском (*Кривошеев*, 2003. С. 197–203). Недовольный этой рецензией Д. С. Лихачёв писал Н. Н. Воронину, что в ней проявилась «приселковщина» (*Кривошеев*, 2003. С. 205–207). На самом деле, имя М. Д. Приселкова символизирует текстологическое источниковедение и «источниковедение фактов», а его-то Н. Н. Воронин проигнорировал. Причину этого указал В. Т. Пашуто: «Н. Н. Воронин легко создает гипотезы, основанные больше на внутренней убежденности их автора, чем на фактах». В случае же Михаило-Архангельского собора Н. Н. Воронину и не надо было создавать гипотезу. У него был «факт», почерпнутый из НЛ (читается также в ЛНН).

Новое прочтение отчета Н. Н. Воронина 1960 г. археологом Т. В. Гусевой — с учетом результатов новых шурфовочных работ (2000 г.), проведенных вблизи храма, и исследователем Б. М. Пудаловым (благодарю их обоих за консультации и предоставленные материалы), показало, что Н. Н. Воронин стремился подтвердить сведения НЛ. Например, он утверждал, что фундамент

храма XIV в. поставлен в фундаментных траншеях XIII в., но фактического обоснования этого не привел. Археологические исследования, проведенные вблизи собора Михаила Архангела (после 1960 г.) В. Ф. Черниковым, Т. В. Гусевой и Ю. В. Зарубиным не обнаружили ни культурного слоя, ни следов строительства храма домонгольской эпохи. «Найденная Н. Н. Ворониным архитектурная белокаменная деталь в виде головки льва, на которую часто ссылаются как на неопровержимое доказательство существования храма в XIII веке, происходит из позднего (переотложенного) слоя и не может быть с полной уверенностью соотнесена с храмом» — вывод Т. В. Гусевой после изучения отчета Н. Н. Воронина. Обнаруженные при раскопках 1960 г. напольные плитки с декором в виде шестиконечных звезд, оказались остатками пола XIV в. Ворониным Н. Н. эти находки, по целому ряду допущений, датированы XIII в. (*Гусева, Зарубин, 2019*). С выводами Т. В. Гусевой и Ю. В. Зарубина соотносятся и наблюдения Н. Н. Грибова (*Грибов, 2018. С. 23–24*). В силу текстологии НЛ, сопрягающейся с археологическими изысканиями, надо отказаться от предложенной Н. Н. Ворониным версии о первом белокаменном храме только что основанного в 1221 г. Нижнего Новгорода — Михаило-Архангельском соборе.

Тем не менее результаты археологических работ Н. Н. Воронина у храма Михаила Архангела, опубликованные в фундаментальном труде по истории зодчества Северо-Восточной Руси, до сих пор сильно влияют на историков. Даже М. Я. Шайдакова, автор текстологического исследования НЛ, считает, что рассказ о первичности Михаило-Архангельского собора в Нижнем Новгороде НЛ и ЛНН подтверждается раскопками Н. Н. Воронина (*Шайдакова, 2006. С. 15. Прим. 13*). Достаточно полно версия Н. Н. Воронина была воспроизведена в книге С. Л. Агафонова «Нижегородский кремль» (1976) (*Агафонов, 2019. С. 23, 73, 75, 77*). В популярной литературе рассказывается о строительстве Михаило-Архангельского собора в 1227 г., а это неправомерно формирует представление о размерах первого града, за стенами которого находились безымянная церковь и Благовещенский монастырь. Такое предубеждение подкрепляется и текстами Н. И. Храмцовского — А. С. Гациского XIX в. о размерах Абрамова/Ибрагимова городка.

Городок, поставленный до основания Нижнего Новгорода

Городок фигурирует в сведении из «шестой тысячи» в НЛ: в Нижнем Новгороде под старым городком вверх по Оке была слобода на берегу реки. Опозла гора сверху на слободу. Засыпало 159 дворов с людьми и скотиной. Городок был поставлен великими суздальскими князьями, когда они ходили на взыскание града. «А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнял» (*Шайдакова, 2006. С. 140, 147*). Это сведение НЛ — результат заме-

ны сообщения ЛНН под 6874 г.: «в Нове городе Нижнем уползе горы на Благовещеньев день пресвятые Богородцы, и много посаду и с людьми подави» (*Шайдакова*, 2006. С. 129), на сведение, читаемое в «Мазуринском летописце» (Грибов, 2018. С. 57); строки о мордовском погроме взяты из известия ЛНН 6825 г. и приписаны воеводе Федору Андреевич [С]виблову (*Шайдакова*, 2006. С. 129). В свою очередь, источником ЛНН в данном случае выступали сведения, читаемые в Симеоновской летописи (и Рогожском летописце) под 6878 г. и 6884 г.: «Тое же зимы в Новегороде в Нижнем уползе много снег и упаде с горы высокие и великие, еже над Волгою за святым Благовещением, и засыпа и покры дворы с людьми» (ПСРЛ. Т. 18. С. 110) и разорение мордвы зимой 1377/1378 г. в связи с Федором Андреевичем Свиблом (ПСРЛ. Т. 18. С. 119).

Указанные выше источники позволяют дать характеристику НЛ. Он не является памятником, генетически и напрямую связанным с предшествующим летописанием. Составитель НЛ выбирал, не всегда разборчиво, из разнородных летописей актуальные для него «нижегородские сведения». Поэтому классический летописеведческий анализ — через учет текстового конвоя — сведения о Городке в ЛНН и НЛ, предпринятый Н. Н. Грибовым (*Грибов*, 2018. С. 60–65), здесь не дает адекватных результатов. В ЛНН сведения, взятые из общерусского летописания (прежде всего из источника близкого к Симеоновской летописи и Рогожскому летописцу), приведены хаотично. За статьей 6883 г. следуют статья 6874 г. (оползень), 6878, 6882 гг., а потом опять читается статья 6683 г. (с другими сведениями). Затем обнаруживается описка, унаследованная НЛ, — статья 6825 г. (должна быть 6885 г. — известие об Арапше и Пьяне) (*Шайдакова*, 2006. С. 128–131). Все это — выписки из разных источников, собранные сводчиком ЛНН. В свою очередь, сводчик НЛ работал, преимущественно с ЛНН, соотнося его данные со своими источниками. И работал весьма бесцеремонно. Например, он соединил сведение об оползне и дублированный рассказ об отгоне мордвы и разорении зимниц. Потом сводчик распространил на результат этой контаминации указание на то, что Нижегородское и Городецкое княжества идут от суздальских князей (6735). Последнее потом было сопряжено со вставным сообщением о походе суздальских князей на взыскание града. Рассказ об оползне в НЛ предваряется фразой «в летописце пишеть шестой тысящи». Рассказ идет после сообщения 6930 г., а затем начинается изложение 7000 и начинается с фразы «Выписано из летописца седмые тысящи». НЛ либо не определил даты, кроме того, что она относится к шестой тысяче, либо старательно увел в конец шестой тысящи, чтобы не было связи с известием из общерусских летописей. Но в любом случае он делал выписки.

Все эти замысловатые процедуры соотносились с решением главной задачи: доказать, что суздальские князья есть родоначальники Шуйских. Для этого

и создавался НЛ и велся отбор сведений в него.

Вывод о недостоверности сведения НЛ о находившемся на Оке Городке-предшественнике Нижнего Новгорода соотносится и с археологическими изысканиями (Грибов, 2018. С. 258–263).

Три представленных выше сюжета НЛ сплетаются в один текст о ранней истории Нижнего Новгорода. Он получил развитие и попал в историографию. Нарратив включал в себя противоречивое с точки зрения рациональной эпистемологии «положение» о проживании мордвы и о русском предшественнике Нижнего Новгорода вверх по Оке, заложенном суздальскими князьями. Но Нижний Новгород был заложен великим Юрием (Георгием). Это противоречие разрешил П. И. Мельников в «Очерках мордвы»: привлекая другое сведение НЛ — проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода, он создал «легенду» об Абрамовом Городке и Городце русских (Предание об Абрамовом городке). Так возникли мордовское поселение Абрамки на территории (проживание мордвы), близкой к нынешнему кремлю, приход туда некоего русского князя, разбившего Абрамку и основавшего град вверх по Оке (интерпретация суздальских князей и града предшественника в НЛ), изгнание собравшейся мордвой этого князя и приход князя-основателя Нижнего Новгорода. Результатом этого стало появление псевдоисточника и псевдофакта нижегородской истории: легенда о мордовском поселении — Абрамовом городке, существовавшем на рубеже XII–XIII вв. на месте будущего Нижнего Новгорода.

У Н. И. Храмцовского *Абрамов городок* получил дополнительный формант *Ибрагимов* (отголоски похода Андрея Боголюбского на г. *Бряхимов* в 1164 г.?; ведь сложное по составу «предание» у Н. И. Храмцовского соотносится с началом 1170 гг., поскольку там действует сын Андрея Боголюбского Мстислав, совершивший, по сведению Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, поход на болгар зимой 1172 г., а до похода простоявший на устье Оки) (Храмцовский, 1998. С. 21–23). Появление форманта *Ибрагимов* объясняло неподтвержденное уникальное сведение В. Н. Татищева о болгарском предшественнике Нижнего Новгорода (Татищев, 1954. Т. III. С. 212; Т. IV. С. 360), снимало вопрос о странном для мордвы имени *Абрам(ка)* и предпосылало тезис о болгарском влиянии в регионе устья Оки. Объяснение последнего «факта» стало предпосылкой для рассуждений о болгарской зоне влияния и о расположении границы с булгарами в районе устья Оки. С академической точки зрения имеется предпосылаемый основанию Нижнего Новгорода пункт, что русские князья бились с булгарами, чтобы отвоевать место будущего града. Отсутствие источникового обоснования придает этому выводу умозрительный характер.

Вот такие последствия НЛ — мордва, размеры города, возникновение псевдоисточников, «факты» мордовского, болгарского и русского предшественника — до сих пор живут в историописании Нижнего Новгорода и искажают исследовательскую оптику. Результаты текстологии нижегородского летописания и производных от него опусов нижегородской любительской литературы, лишаящих «фактов» раннюю нижегородскую историю, получают подкрепление результатами археологических изысканий.

Литература

- Агафонов С. Л.*, 2019. Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц. 240 с.
- Воронин Н. Н.*, 2011. Андрей Боголюбский. Владимир: Транзит-Икс. 204 с.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. В 2-х т. Т.1. М.: Искусство. 280 с.
- Гациский А. С.*, 2001. Нижегородский летописец. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка. 720 с.
- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. 592 с.
- Грибов Н. Н.*, 2020. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4. С. 23–34.
- Гусева Т. В., Зарубин Ю. В.*, 2019. Обеспечение сохранности объекта археологического наследия — культурного слоя г. Нижнего Новгорода: раздел, разработанный для земельного участка вокруг собора Михаила Архангела в Кремле в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/history/archeology/publications/guseva-t-v-zarubin-ju-v-obespechenie-sohrannosti-obekta-arheologicheskogo-nasledija-kulturnogo-sloja-g-nizhnego-novgoroda-razdel-razrabotannij-dlja-zemelnogo-uchastka-vokrug-sobora-mihaila-arhangel/>.
- Действия НГУАК, 1913. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1. (1498–1613 года). Нижний Новгород. С. 113–116.
- Кривошеев Ю. В.*, 2003. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета. 240 с.
- Кузнецов А. А.*, 2012а. К вопросу о дате основания Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде // Святыни земли Нижегородской. Монастыри. Материалы II региональной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. С. 143–148.
- Кузнецов А. А.*, 2012б. О расселении мордвы в X–XIV вв по данным летописей (постановка проблемы) // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции,

- расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения Памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М.: ИВИ РАН. С. 157–161.
- Кузнецов А. А.*, 2013. Элементы военной экономики в отношениях владимирских князей с мордвой и емью в 1220-е годы // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл. корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. М.: ИВИ РАН. С. 164–169.
- Кузнецов А. А.*, 2016. Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 14. Нижний Новгород: изд-во Pixel-print. С. 68–80.
- Кузнецов А. А.*, 2020а. Имперские особенности дипломатии Владимирского княжества среди неславянских народов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 19–41.
- Кузнецов А. А.*, 2020б. Недостоверные оригинальные сведения в Нижегородском летописце XVII века // Источниковедение в современной медиевистике: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Москва, 2020–2021 гг. М.: ИВИ РАН. С. 204–207.
- Насонов А. Н.*, 1969. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука. 556 с.
- Предание об Абрамовом городке // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Полное собрание сочинений П. И. Мельникова-Печерского. Т. VII. СПб.: Издание Товарищества А. Ф. Маркс, 1909. С. 414–415.
- ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Татищев В. Н.*, 1964. История Российская. Т. III. М., Л.: Наука. 340 с.
- Татищев В. Н.*, 1964. История Российская. Т. IV. М., Л.: Наука. 556 с.
- Храмцовский Н. И.*, 1998. История и описание нижнего Новгорода. Нижний Новгород: «Нижегородская ярмарка». 608 с.
- Шайдакова М. Я.*, 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. 281 с.

Заселение территории восточной части Верхнего посада Нижнего Новгорода в XIV в. по итогам археологических исследований¹

С. В. Очеретина

Резюме. В статье представлены итоги археологического изучения участков, расположенных в 150–170 м к юго-востоку от прясла кремлевской стены между Дмитриевской и Пороховой башнями, в восточной части Верхнего посада. В письменных источниках отсутствуют сведения о средневековых нижегородских посадах, поэтому для решения вопроса о процессе формирования городской территории в этот период наибольшую важность приобретают археологические материалы. Исследования последних лет позволили вплотную подойти к решению вопросов о времени возникновения торгово-ремесленного посада и характере его застройки. В настоящий момент важно вводить в научный оборот результаты археологических работ разных лет для создания наиболее полной картины развития территории города. В ходе археологических работ 2007 г. и 2015 г. установлено, что территория, расположенная к юго-востоку от укрепленного детинца Нижнего Новгорода, начала осваиваться во второй половине XIII — XIV в. К этому хронологическому периоду относятся крупные, углубленные в материк, ямы, обладающие определенным набором отличительных черт, интерпретированные как подполья жилых построек. В ходе исследований зафиксированы следы ремесленной и, возможно, торговой деятельности жителей. Полученные данные подтвердили высказанные ранее предположения о существовании торгово-ремесленного посада за пределами укреплений детинца Нижнего Новгорода. Таким образом, получена новая информация о начальных этапах заселения восточной части Верхнего посада Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: Нижний Новгород, детинец и торгово-ремесленный посад, археологические исследования, заселение восточной части Верхнего посада, подполья наземных жилых построек, следы ремесленной деятельности.

¹ Автор выражает благодарность Е. Э. Ешан (Лебедевой), Ю. В. Зарубину, Т. В. Гусевой за возможность использовать неопубликованные материалы.

Неотъемлемой частью древнерусских городов являются торгово-ремесленные посады, располагавшиеся за пределами городских укреплений. Для средневекового Нижнего Новгорода также характерно было деление на «город» (детинец, административный и религиозный центр) и «посад» (торгово-ремесленное поселение у стен крепости) (Чеченков, 2013. С. 12). В исторических трудах различных исследователей существование нижегородского посада в XIII–XIV вв., как правило, не подвергается сомнению (Грибов, 2018. С. 25). Однако какие-либо сведения о средневековых нижегородских посадах в письменных источниках указанного периода отсутствуют.

В данной ситуации для решения вопроса о процессе формирования городской территории в период средневековья наибольшую важность приобретают археологические материалы. В Археологической карте России по Нижегородской области при описании Нижнего Новгорода отмечено, что «данные, полученные при археологических исследованиях к северо-западу и югу от детинца, свидетельствуют о том, что там, за пределами городской стены существовали торгово-ремесленные посады» (Николаенко, 2006. С. 120–121). Локализируются известные в более позднее время Нижний и Верхний посады.

Историческое ядро Верхнего посада окончательно складывается в начале XVI в., когда был построен Нижегородский кремль и укрепления Большого острога. Эта территория получила свое дальнейшее развитие в 20-е годы XVII века, когда было решено обновить обветшавшие городские укрепления Нижнего Новгорода, но экономические трудности того времени привели к тому, что вместо огромных укреплений Большого острога, были построены укрепления Малого (Нового) острога. О строительстве этих укреплений Писцовая книга 1621–1622 г. сообщает, что острог был «...поставлен ново по старинной осыпи» (Писцовая и переписная книги ... 1896. Стб. 78). Из этого сообщения следует, что с большой долей вероятности укрепления XVII в. в целом повторяли очертания средневековых укреплений Верхнего посада.

В последние десятилетия территория Верхнего посада достаточно активно исследуется в рамках охранной археологии. Анализируя степень изученности городской территории к середине второго десятилетия XXI в, Н. Н. Грибов отмечает, что среднее расстояние между двумя ближайшими раскопанными площадками на Верхнем посаде в черте Нового острога ограничивается 150–180 м (Грибов, 2018. С. 18).

Исследования последних лет на Верхнем посаде дали много новой информации и позволили подойти к решению вопросов о времени его возникновения и характере застройки. В настоящий момент важно вводить в научный оборот результаты исследований разных лет для создания наиболее полной картины развития территории города.

Ниже представлены некоторые итоги археологического исследования участков, расположенных в 150–170 м к юго-востоку от прясла кремлевской стены между Дмитриевской и Пороховой башнями. Несмотря на то, что работы проведены в разные годы различными нижегородскими исследовательскими организациями, их результаты можно обобщить и рассматривать вместе для реконструкции начальных этапов заселения восточной части Верхнего посада.

Исследования проведены в зонах будущего строительства, находящихся внутри одного квартала, ограниченного площадью Минина и Пожарского, улицами Минина, Пискунова, Ульянова. Расстояние между исследованными участками составляет около 120 м.

Планировка этой части городской территории представляет собой радиально-концентрическую систему, в которой ранее отчетливо прослеживалась взаимосвязь линий укреплений и трассировки главных улиц.

Современное направление улиц задано первым регулярным генеральным планом Нижнего Новгорода, составленным архитектором А. Квасовым и высочайше утвержденным в апреле 1770 г. Екатериной II. Основные улицы были пробиты в ходе Генерального межевания Нижнего Новгорода в 1784–1787 гг., впоследствии их красные линии несколько раз корректировались.

Ранее этот квартал был ограничен Благовещенской площадью, улицами Жуковской, Малой Печерской, Тихоновской. На планах города конца XVIII — XIX в. зафиксирована застройка по красным линиям улиц, значительная часть внутреннего пространства квартала оставалась незастроенной. Здесь со стороны Малой Печерской (Осыпной) улицы находился Архиерейский сад, а также огороды, некоторые из которых непосредственно выходили на красную линию Жуковской улицы. Со стороны ул. Тихоновской располагалась городская усадьба И. П. Арбекова. Со стороны Благовещенской площади за зданием Духовной семинарии находился семинарский сад, в котором стояла церковь Иоанна Дамаскина (рис. 1).

Археологические работы в указанном квартале проводились неоднократно, начиная с 1962 г., когда В. Ф. Черниковым осуществлены наблюдения в траншее при прокладке водопровода между домами № 1 и 3 по ул. Минина (*Очеретина, Очеретин, 2005. С. 133*). В 1993 г. Т. В. Гусевой обследован небольшой котлован на участке строительства гаража во дворе дома № 6 по ул. Ульянова (*Гусева, 1993*). В 1997 г. Н. Н. Грибовым исследован котлован на месте дома № 6В по ул. Ульянова (*Грибов, 1997*). В 1999 г. Т. В. Гусевой обследован колодец на участке ремонта теплотрассы у дома № 7А на пл. Минина и Пожарского (*Гусева, 1999*).

ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ПОСАДА НИЖНЕГО НОВГОРОДА В XIV В.
ПО ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

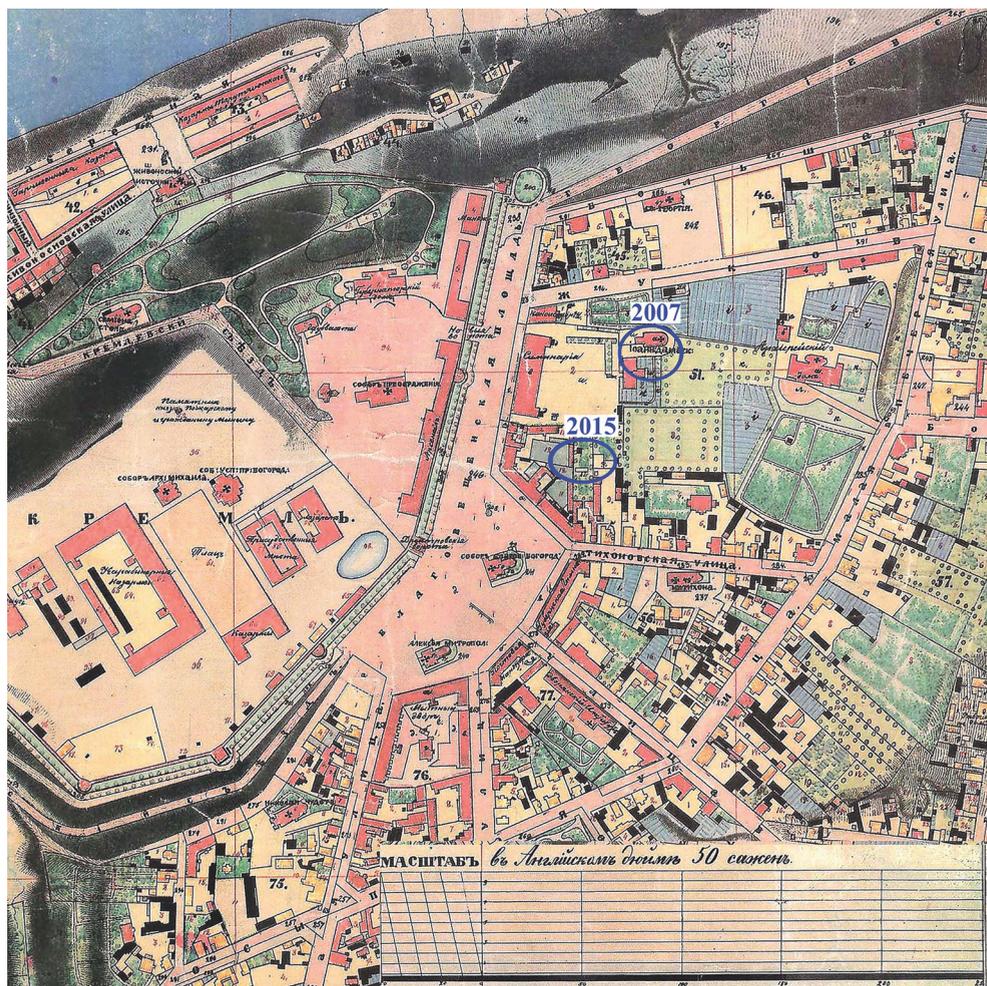

Рис. 1. Лист фиксационного генерального плана Нижнего Новгорода 1852–1853 гг. с указанием местоположения участков исследования 2007 г. и 2015 г.

При проведении археологических наблюдений практически на всех упомянутых выше участках были зафиксированы углубленные в материк ямы, содержащие керамический материал XIII–XIV вв., интерпретированные исследователями как «материковая яма земляночного типа» (Гусева, 1993), «подпольная яма жилой наземной постройки» (Грибов, 1997). Кроме того, средневековая русская керамика встречена в более поздних культурных напластованиях в переротложенном виде. Данные результаты исследований еще в 90-е годы XX века позволили предположить, что этот участок Верхнего посада осваивался, начиная со второй половины XIII — XIV в.

Впервые значительный по площади участок, расположенный в данном квартале, исследован в 2007 г. Он располагался во дворе дома № 1А по ул. Минина. Археологические работы включали в себя раскопки на участке площадью 440 кв.м, расположенном в центральной части будущего строительного котлована, и наблюдения на остальной территории, общей площадью около 1000 кв.м.

В 2015 г. исследован еще один участок, расположенный по адресу: площадь Минина и Пожарского, на месте дома № 4. Археологические раскопки проведены на шести участках общей площадью 330 кв.м. На площади 400 кв.м осуществлены археологические наблюдения.

В результате проведенных работ на этих объектах зафиксированы значительные разрушения культурных напластований при возведении жилых и хозяйственных построек с подвалами и погребями, а также при прокладке многочисленных коммуникаций в XX — начале XXI в.

Исследованные участки были значительно освоены и в XIX в.: в 2007 г. работы проводились на месте расположения церкви Иоанна Дамаскина, в 2015 г. — на месте двора усадьбы И. П. Арбекова с хозяйственными постройками.

Тем не менее были выявлены непотревоженные культурные напластования, сохранившиеся локально, и следы застройки, относящиеся к различным хронологическим периодам.

Наиболее ранние объекты относятся к периоду конца XIII — XIV в. Среди них выделяются крупные углубленные в материк ямы, исследованные на обоих участках. Данные объекты, несмотря на своеобразие, имеют общие отличительные черты:

- подпрямоугольная форма и значительные размеры (например, яма 15/2007 г. — 340х240 см, глубина 150 см; яма 19/2015 г. — 460х380 см, глубина 190 см; яма 33/2015 г. — 430х400 см, глубина 140 см);
- вертикальные стенки, плоское дно, иногда изрезанное столбовыми ямами;
- на дне по периметру проходят канавки шириной 5–20 см, глубиной до 20 см, по углам могут располагаться столбовые ямы;
- в нижней части ямы часто фиксируются остатки деревянной обшивки в виде древесного тлена, отпечатавшегося на поверхности забутовки, заполняющей пазухи между материковыми бортами котлована и деревянным каркасом;
- в вертикальном разрезе ямы остатки деревянной обшивки прослеживаются в виде тонких полосок древесного тлена, наклоненных к центру котлована;
- ямы имеют сложную стратиграфию заполнения (выделяются несколько слоев и тонких прослоек);
- часто фиксируются остатки печей в виде обожженного суглинка с печинной (рис. 2, 3);

Рис. 2. Разрез ямы 13/2007 г. — подполья наземной жилой постройки. Вид с востока

— ямы содержат значительное количество индивидуальных находок и массового керамического материала (например, яма 19/2015 г. — 203 находки, 2662 фрагментов керамики).

По форме, конструктивным особенностям и характеру заполнения данные сооружения были интерпретированы как подполья наземных жилых построек.

Деревянные конструкции подполий состояли из вертикально поставленных плах или горбылей, нижние части которых вкопаны в канавки. По углам ям располагались столбы, к которым крепились горизонтальные жерди. Последние поддерживали вертикальные плахи. Это один из распространенных типов деревянных пристенных конструкций, встречаемый при раскопках средневековых городов и сел Северо-Востока Руси (*Шполянский*, 2008. С. 58, 60; *Грибов*, 2012. С. 155–165). Все исследованные на рассматриваемых нами участках ямы имеют такой тип деревянной обшивки.

Несколько более сложную конструкцию и заполнение имела яма 15, исследованная в раскопе 2007 г. В ее заполнении под верхним просевшим слоем бурого суглинка мощностью от 20 см у краев ямы до 65 см — в центре, и не-

Рис. 3. Зачистка по материке ямы 19/2015 г. — подполья наземной жилой постройки.
Вид с запада

сколькими угольными прослойками расчищен массив в виде пятен желтой глины с печиной. Отчетливо прочитались аморфные наплывы и деформации слоя глины. Толщина слоя составила 60 см по центру ямы и до 2 м у бортов (рис. 4).

Под слоем глины были обнаружены вертикальные стенки ямы со следами деревянной обшивки, сохранившейся в виде отпечатков, обозначенных древесным тленом. Тлен сохранился на всех четырех стенках ямы на высоту до 70 см, ширина плах колеблется от 22 см до 27 см.

Дно ямы горизонтальное, ровное. В восточной части ямы, на расстоянии 120 см от восточной стенки, пол расположен выше, образуя на всю ширину ямы ступеньку высотой 27 см. По краю ступеньки читаются остатки обшивки, которая, по всей видимости, делила пространство ямы на две части. По периметру стен ямы зафиксированы канавки от вкопанной или вбитой в материковый пол обшивки, для которой, вероятно, использовали горбыль. Ширина канавок колеблется от 5 до 15 см, глубина — 20 см.

Яма 15 представляет собой подполье наземного жилища, разделенное деревянной перегородкой на 2 части, с рухнувшим в него массивом глинобитной печи (Лебедева, 2007. С. 48–54).

Рис. 4. Глиняный массив в яме 15/2007 г. Вид с северо-запада

В исследованных ямах — подпольях наземных жилищ находят значительное количество бытовых вещей или их фрагментов, женских украшений, фрагментов посудной керамики, по которым данный объект соотносится с определенным хронологическим периодом.

Среди бытовых вещей в исследованных ямах на участках работ 2007 г. и 2015 г. чаще всего встречаются изделия из железа: черешковые ножи с клиновидным сечением лезвия, фрагменты цилиндрических замков и ключей от них (например, ключ типа Г конца XIII — первой половины XV в. в яме 19/2015 г. (Колчин, 1982. С. 162); обнаружены фрагмент светца, зубило и другие инструменты, железная оковка от деревянной лопаты, длинное овальное кресало, датирующееся промежутком второй половины XIII — XV в. (Колчин, 1982. С. 163), пробои, кольца, скобы.

Среди женских украшений наиболее частые находки — фрагменты стеклянных браслетов, которые в Нижнем Новгороде, в отличие от большинства русских городов, были широко распространены и в XIV в. (Лапшин, 2012. С. 92). В яме 19/2015 г. обнаружены две зонные бусины — фиолетовая и зеленая, датирующиеся XII–XIII вв. (Колчин, 1982. С. 169). В яме 33/2015 г. най-

дено бронзовое перстнеобразное разомкнутое височное кольцо. Подобные височные кольца бытовали в Северо-Восточной Руси с X по XIII в., но встречаются и в слоях XIV в. (Седова, 1981. С. 13). В яме 13/2007 г. найден бронзовый рубчатый перстень, распространенное украшение на Руси с конца XI до конца XIV в. (Седова, 1981. С.122, 123).

Массовый материал рассматриваемых объектов представлен фрагментами керамики с грубыми примесями, кусками печной обмазки, шлаком. Например, в яме 19/2015 г. найдено 2662 фрагмента посудной керамики. Из них красноглиняной с грубыми примесями — 2484, белоглиняной ранней с примесью крупнозернистого речного песка — 17, лепной — 2. Подобный набор керамического материала характерен и для других крупных ям — подполий наземных жилищ.

Лепная посуда в составе средневековой керамики Нижнего Новгорода представлена единичными фрагментами. Для нее характерны темно-серый или темно-коричневый цветовые оттенки поверхности черепков, шамот в качестве преобладающей искусственной примеси в тесте, плохой обжиг.

Белоглиняная ранняя керамика XIII–XIV вв. сформована на гончарном круге из беложгущейся глины. Цвет черепков — от пепельно-серого до кремowego, обжиг хороший, примесь — крупнозернистый плохо окатанный песок.

Наиболее многочисленную группу керамики составляют фрагменты посуды, изготовленной из красножгущейся глины с неравномерным обжигом. Цвет поверхности черепков — от светло-коричневого до темно-серого, цвет излома — трехслойный. В качестве примеси присутствует дресва или песок. Формы венчиков разнообразны и образуют широкий спектр разновидностей, в целом характерных для русской средневековой посуды XIII–XIV вв. Среди типов орнаментов преобладает линейный, встречается волнистый, редко «штампованный» — нанесенный прокаткой зубчатого колесика, и тычковый. На днищах с внешней стороны, как правило, имеются следы подсыпки в виде золы или песка, на некоторых встречаются клейма.

Разнообразные изображения клейм имеют аналогии в городах Северо-Восточной Руси. В ямах на рассматриваемых участках исследования найдены днища с клеймами в виде:

- окружности с точкой в центре, XII–XIII вв. (Кадиева, 2007. С. 175);
- двойного колеса, второй половины XII — начала XIV в., (Кадиева, 2007. С. 177);
- четырехконечного креста в окружности, второй половины XI — первой половины XIV в. (Кадиева, 2007. С. 177);
- двух треугольников, соединенных вершинами; данное изображение характерно для Владимиро-Суздальской земли во второй половине XI — начале XIII в. (Кадиева, 2007. С. 181);

– двузубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами зубцов середины XII — первой половины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 183).

Отдельную немногочисленную категорию находок составляют предметы восточного импорта.

В яме 19/2015 г. найдены фрагменты зеркала, изготовленного из особого сплава меди и олова, известного под названием зеркального. Он отличается серым металлическим цветом, похожим на цвет стали. Поверхность, служащая для отражения, хорошо отполирована. Обратная сторона сильно окислена. На ней, вероятно, был какой-то декор, но он не читается. Диаметр зеркала — 6 см. Подобные зеркала были предметом импорта из Золотой Орды. Считается, что вторая половина XIII — XIV в. — период наибольшего распространения этих изделий в Поволжье (*Руденко*, 2004. С. 125).

В яме 15/2007 г., в угольной прослойке, расположенной над массивом глины с печиной, найден небольшой фрагмент кашинного сосуда с бирюзовой поливой, представляющий собой золотоордынский импорт, датируемый второй половиной XIII — XIV в.

К импорту, получаемому через золотоордынские города, относится мелкий фрагмент сиро-египетского стекла с росписью синей эмалью и золотом, обнаруженный в яме 19/2015 г. (*Лапшин*, 2005. С. 91).

В заполнении ямы 1, разрез которой был зафиксирован при проведении археологических наблюдений в канализационной траншее в 2007 г., найден наконечник стрелы — срезень с расширением в верхней части пера. Это типично монгольский наконечник, до начала XIII в. на Руси такие наконечники были неизвестны. По классификации А. Ф. Медведева он относится к типу 67 и датируется XIII–XIV вв. (*Медведев*, 1966. С. 53–54).

Индивидуальные находки и массовый керамический материал, найденный в крупных, углубленных в материк, ямах, интерпретированных как подполья наземных жилых построек, позволяет отнести их к раннему периоду освоения данной территории — ко второй половине XIII — XIV в.

Подводя итоги рассмотрению крупных материковых ям, исследованных на территории восточной части Верхнего посада и обладающих определенным набором отличительных черт, отметим, что на участке исследования 2007 г. полностью были изучены три ямы, вошедшие в раскоп, еще семь — зафиксированы при археологических наблюдениях в бортах котлована и канализационной траншеи. При этом было установлено, что южный борт траншеи отличается от северного насыщенностью остатками сгоревших построек и наличием крупных материковых ям.

Таким образом, при проведении комплексного археологического исследования во дворе дома № 1А по ул. Минина в 2007 г., несмотря на значи-

тельную разрушенность культурного слоя, были выявлены следы застройки второй половины XIII — XIV в. Концентрация застройки этого периода приходилась на западную часть раскопа 1 и южную часть траншеи. Анализ расположения крупных углубленных в материк ям позволил автору работ сделать вывод о том, что «неравномерность расположения остатков построек может свидетельствовать об усадебном характере застройки. Участки без следов застройки могут быть интерпретированы как периферийные части усадеб» (Лебедева, 2007. Л. 82).

При проведении работ в 2015 г. на месте дома № 4 на площади Минина и Пожарского полностью исследованы две ямы, интерпретированные как подполья наземных жилых построек. Они располагались в различных частях будущего строительного котлована. Из-за высокой концентрации объектов различных хронологических периодов проследить следы усадебной застройки раннего периода не удалось.

Кроме углубленных в материк частей жилых построек на исследованных в 2007 г. и 2015 г. участках были изучены ямы различной формы, меньших размеров, но содержащие находки, говорящие о занятиях жителей Верхнего посада.

В заполнении ямы 9/2007 г. найдены пять железных криц. Среди массового материала отмечены фрагменты железного шлака. Эти данные позволяют предположить наличие следов кузнечного или железоделательного производства.

Во многих ямах раскопа 2015 г. найдены кости со следами обработки. Наибольшая их концентрация обнаружена в яме 7, по вещевому и керамическому материалу датируемой XIII — началом XIV в. Из 111 индивидуальных находок, происходящих из заполнения ямы, 36 — предметы из кости. Среди них: опиленные рога и кости животных, кости со следами обработки, заготовки костяных обоймиц и сами обоймицы (рис. 5: 1–11). Кроме того, массовый остеологический материал ямы представлен 826 фрагментами костей животных. Таким образом, в яме 7 обнаружены следы косторезного производства.

В нижнем слое заполнения ямы 19/2015 г. — подполья жилой постройки найдены многочисленные мелкие фрагменты необработанного янтаря. С ним связаны 55 находок. В 15 м к северо-северо-западу от нее расположена идентичная по вещевому, керамическому материалу и датировке округлая яма 38/2015 г. В ней наиболее многочисленной категорией находок являются фрагменты необработанного янтаря (42 находки, иногда в одном месте фиксировалось несколько мелких фрагментов). Весь найденный янтарь темно-красного цвета, прозрачный, необработанный. Большинство фрагментов имеют размером 0,5–2,5 см. Каких-либо следов его обработки или готовых изделий из него не найдено (рис. 5: 12). Данные находки позволяют высказать предположение о хранении, торговле, возможно, обработке янтаря.

Рис. 5. Находки из ямы 7/2015 г.:

1-2. Рог опиленный; 3-6. Кость со следами обработки; 7-8. Заготовки для костяных обоймиц; 9-11. Обоймицы костяные. Находки из ямы 38/2015 г.: 12. Фрагменты необработанного янтаря.

Подводя итог рассмотрению результатов археологических исследований 2007 г. и 2015 г., проведенных на значительных площадях в квартале, ограниченного площадью Минина и Пожарского, улицами Минина, Пискунова, Ульянова, необходимо отметить следующее:

1. В ходе археологических работ установлено, что территория, расположенная к юго-востоку от укрепленного детинца Нижнего Новгорода, начала осваиваться во второй половине XIII–XIV в.;

2. Изучены крупные углубленные в материк ямы, интерпретированные как подполья жилых построек, содержащие вещевой и массовый керамический материал указанного хронологического периода. Можно предположить, что на данной территории существовал усадебный тип застройки. Однако проследить границы усадеб не удалось из-за высокой концентрации объектов различных хронологических периодов;

3. В ходе исследований зафиксированы следы ремесленной и, возможно, торговой деятельности жителей. Найденные бытовые предметы и украшения говорят о рядовом статусе их обладателей, находки дорогих импортных вещей единичны. Полученные данные подтвердили высказанные ранее предположения о существовании торгово-ремесленного посада за пределами укреплений детинца Нижнего Новгорода.

Таким образом, получена новая информация о начальных этапах заселения восточной части Верхнего посада Нижнего Новгорода.

Литература

- Грибов Н. Н.*, 1997. Отчет об археологическом обследовании зоны строительства во дворах домов по ул. Ульянова в г. Нижнем Новгороде в 1997 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19835.
- Грибов Н. Н.*, 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8. М. С. 155–165.
- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24). 592 с.
- Гусева Т. В.*, 1993. Отчет о полевых исследованиях Нижегородской археологической службы в 1993 г. Т. 2. Археологический надзор в Нижнем Новгороде / Архив ИА РАН. Р-1. № 18468.
- Гусева Т. В.*, 1999. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22514, 22515.
- Кадиева Е. К.*, 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение. // АП. Вып. 3. М. С. 172–196.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Латишин В. А.*, 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. С. 89–95. (История; вып. 1 (14))
- Латишин В. А.*, 2012. Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в Кремле в 2001/02 г.) // Культурный слой. Вып. 1. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 45–50.

- Лебедева Е. Э.*, 2007. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на строительной площадке по ул. Минина, 1 в Нижегородском районе Нижнего Новгорода в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 27053.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 182 с.
- Николаенко Т. Д.*, 2005. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 87–129.
- Николаенко Т. Д.*, 2006. Основные этапы развития Нижнего Новгорода в 13–17 веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 323–343.
- Николаенко Т. Д.*, 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М.: ИА РАН. 384 с.
- Николаенко Т. Д.*, 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 4. М.: ИА РАН. 478 с.
- Очеретина С. В.*, 2015. Отчет об археологических работах в зоне строительства жилого дома с помещениями общественного назначения и автостоянкой у дома № 4 на пл. Минина и Пожарского в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 52946–58949.
- Очеретина С. В., Очеретин И. А.*, 2005. Археологические наблюдения в исторической части г. Горького (Нижнего Новгорода) в начале 1960-х годов (по материалам фондов НГИАМЗ) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 130–137.
- Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, 1898. Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб. Стб. 1–464.
- Руденко К. А.*, 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Чеченков П. В.*, 2013. «Град» и «посад» в Нижнем Новгороде XIV–XVI вв. (по письменным источникам). URL: <https://opentextnn.ru>. Опубликовано 6.02.2013. С. 12–21.
- Шполянский С. В.*, 2008. Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // АВСЗ. Вып. 2. М. С. 56–66.

Подполье конца XVII века с монетным комплексом из Нижнего Новгорода

А. Н. Свиридов, Н. Н. Грибов, С. И. Милованов

Резюме. В статье рассматривается монетный комплекс, обнаруженный при исследовании подпольной ямы конца XVII в. Нижнем Новгороде. Комплекс состоял из 95 серебряных копеек, изготовленных в проволочной технике. Их общий вес — 34,60 гр. Контекст находки указывает на то, что, скорее всего, в засыпку котлована монеты попали в какой-то не сохранившейся емкости. Время завершения формирования обнаруженного монетного комплекса с большой степенью вероятности укладывается в промежуток 1682–1696 гг. Рассмотренный объект представляет собой пока единственный нижегородский комплекс, надежно датированный по монетным находкам концом XVII в.

Ключевые слова: Нижний Новгород, монетный комплекс, подполье, стратиграфия, Георгиевская церковь.

Редким счастливым событием для исследователей городской археологии является обнаружение больших или малых монетных комплексов с хорошо представленным археологическим контекстом.

Одна из таких находок была сделана в 2020 г. при исследовании обширной подпольной ямы конца XVII в., обнаруженной в г. Нижнем Новгороде при раскопках на месте демонтированного здания гостиницы «Россия» (Верхне-Волжская набережная, д. 2А) (рис. 1: 1).

Первые раскопки и археологические наблюдения в зоне демонтажа гостиницы проводились в 2008, 2009, 2012 гг. сотрудниками ООО «Археологическая служба». Общая площадь заложенных тогда тринадцати раскопов и трех шурфов — как внутри дворовой территории гостиницы, так и внутри ее корпуса (у левого крыла здания) — около 1110 кв. м. В результате этих работ был обнаружен некрополь у разрушенной в 1932 г. Георгиевской церкви, зафиксированы слои и объекты XIV, XVII–XIX вв.

В 2020 году Волжской экспедицией Института Археологии РАН перед строительством жилого комплекса на месте здания гостиницы на участках, не охваченных раскопками 2008–2012 гг., проведены дополнительные исследования на площади 5251,30 кв. м.

Изученная в 2020 г. площадка была разделена на 16 участков различного размера и конфигурации. Собранная археологическая коллекция, включающая

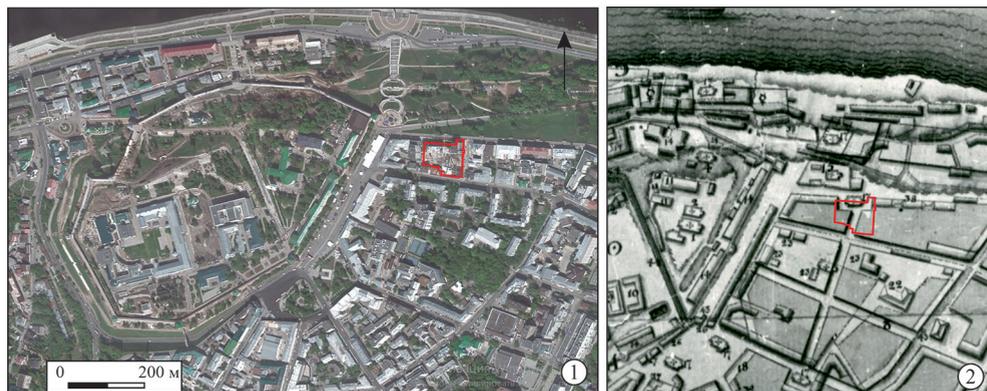

Рис. 1. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Расположение раскопа 2020 г. на плане Нижнего Новгорода.

1 — на современном плане; 2 — на плане 1802 г.

1100 индивидуальных находок, представлена большим количеством монет широкого хронологического диапазона (около 330 экземпляров), бронзовых нагельных крестов XVI — середины XIX в., разнообразными деталями одежды, украшениями, орудиями труда и повседневными предметами универсального назначения (топорами, столярными инструментами, ножами, проколками, светцами, керамическими рыболовными грузилами, пряслицами). Широко представлены сборы печных изразцов различных видов, в том числе и образцами наиболее ранних сюжетных красноглиняных рамочных изделий начала XVII столетия.

В северной половине исследованной площади вскрыты остатки фундамента кирпичной Георгиевской церкви (1702 г. постройки). К востоку от них изучен вошедший в зону строительства участок некрополя, тяготеющего к храму бывшего приходского кладбища (зафиксировано 53 погребения). К юго-западу от некрополя (на участках 8, 9, 11) и к западу от остатков фундамента Георгиевской церкви прослежены следы разновременной городской усадебной застройки. Среди 257 исследованных объектов выделялись 22 обширных подпольных ямы, сохранившихся от ранее существовавших здесь наземных деревянных построек. В расположении ям прослеживалась рядность, очевидно, фиксирующая основные директивы местной городской планировки. Размеры подпольных ям достигают размеров 3 x 4 м, глубиной — до 1,8 м.

При разборке заполнения одной из них, расчищенной в восточной части участка 8, обнаружено скопление серебряных монет XVII в. Сооружение, обозначенное в полевой документации как объект 19, представляло собой слегка вытянутый в широтном направлении подквадратный котлован с размерами

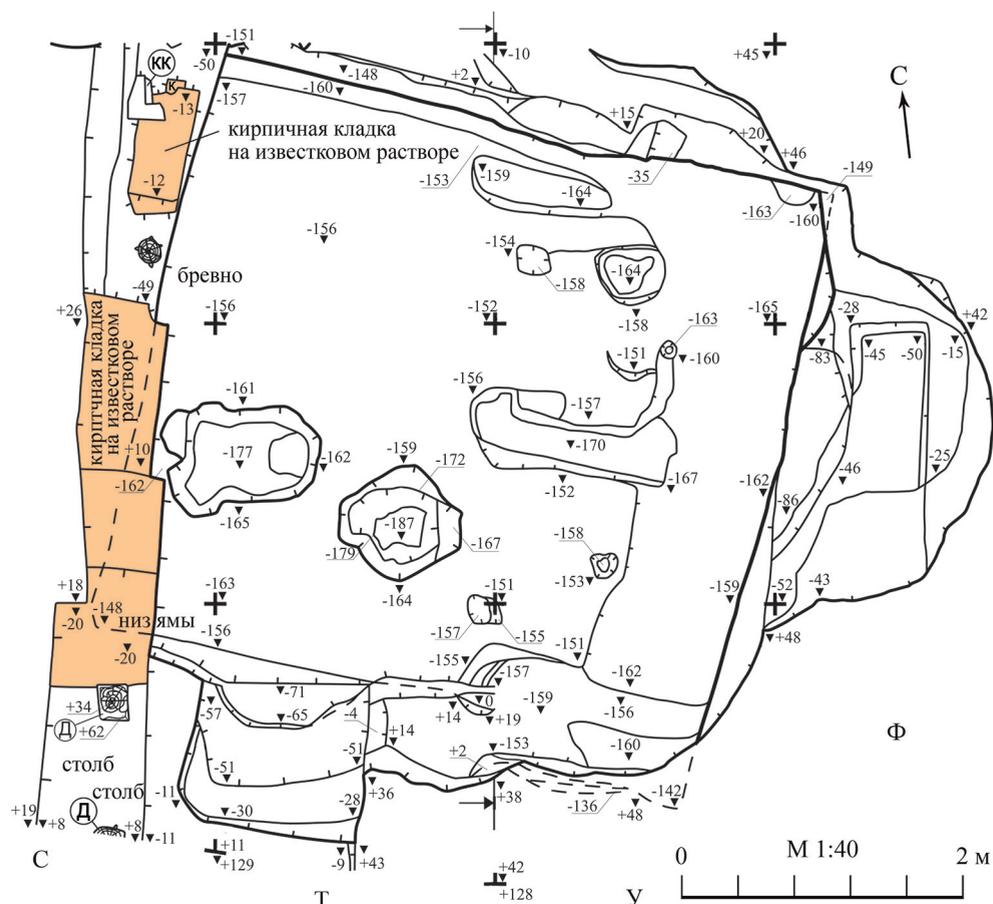

Рис. 2. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19, план по матерiku.

4,4 x 4,6 м (по верхней кромке бортов) и глубиной от 1,7 м (в северной части) до 2 м (в южной части) (рис. 2). Западный борт сооружения сильно пострадал при врезке траншеи с кирпичной кладкой на известковом растворе, также восточный и южный борта в отдельных местах были нарушены позднейшими перекопами.

Бликие к отвесу материковые стенки котлована изначально были укреплены деревянным срубом с размерами 3,7 x 4 м (по линиям восток–запад и север–юг). В пазухах между стенками котлована и срубной конструкции вскрыт плотный грунт забутовки, состоящий из переотложенного материкового суглинка. Тленообразные остатки бревен сруба при разборке заполнения котлована фиксировались с глубины 1,2 м относительно уровня непо потревоженного материка. На дне сооружения расчищено несколько небольших ям (размеры наибольшей 1 x 0,8 м) и одна канавка длиной 1,45 м.

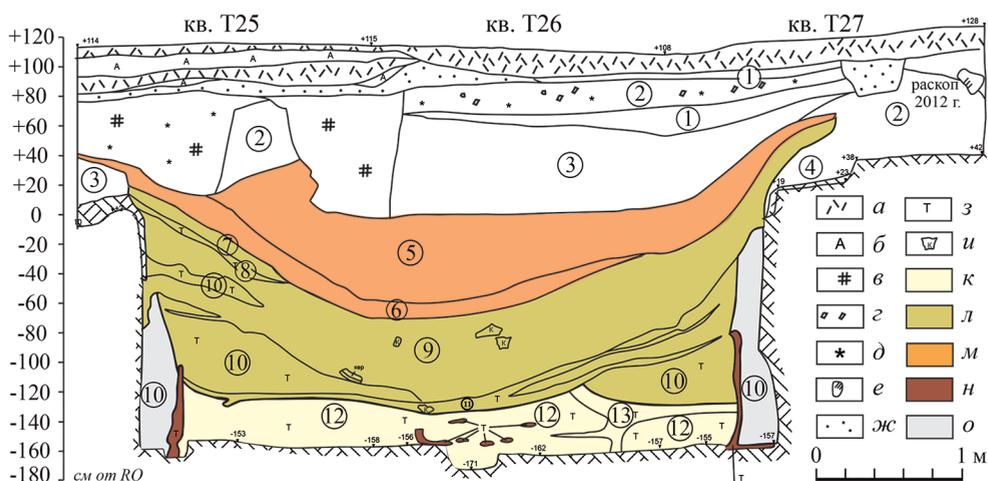

Рис. 3. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19. Стратиграфический разрез.

1 — коричневая супесь с включением кирпичной крошки и извести; 2 — серая супесь с включением древесного угля; 3 — темно-серо-коричневая супесь с включением древесного угля; 4 — светло серый суглинок с включением древесного угля; 5 — желто-коричневый суглинок с включением древесного угля и рыжего суглинка; 6 — светло-желтая супесь с включением светло-коричневой супеси и древесного угля; 7 — темно-коричневая супесь с включением серо-коричневой супеси, древесного угля, кирпичной крошки; 8 — светло-желтая супесь; 9 — темно-серо-коричневая супесь с древесным углем, кирпичной крошкой и большим количеством керамики; 10 — желтовато-светло-коричневый переотложенный материковый суглинок; 11 — темно-коричневая супесь; 12 — смесь переотложенного материкового суглинка с темно-коричневой супесью; 13 — темно-коричневая супесь. а — строительный мусор; б — асфальт; в — перекоп; г — кирпичная крошка; д — строительная известь; е — камень; ж — песок; з — древесный тлен; и — кирпич; к — горизонт 4; л — горизонт 3; м — горизонт 2; н — остатки элементов сруба; о — забутовка.

Котлован объекта 19 разбирался по пластам и слоям с изучением одного стратиграфического разреза (по линии север–юг). В заполнении выделено четыре основных разновременных горизонта (рис. 3, 4).

Верхний (первый) горизонт образован линзообразными слоями с материалами конца XVIII — XIX в. и включением кирпичного боя, крошки белого известкового строительного раствора, углей. Второй горизонт, залегающий в виде мощной линзы, выпуклой к центру котлована, скорее всего, образовался в процессе преднамеренной планировки его западины, проведенной не ранее 1746 г. (по обнаруженной медной денге; рис. 5: 2). Грунт второго горизонта сложен смесью светло-желтой и светло-коричневой комковатых супесей с включе-

Рис. 4. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19. Фото стратиграфического разреза.

нием древесных углей. Подстилающий его третий горизонт представлен преимущественно темно-серо-коричневой супесью с включением древесного угля и кирпичной крошки. Его образование, предположительно, можно объяснить результатом обрушения части забутовки, произошедшей после демонтажа (?) верхних бревен пристенной срубной конструкции. В грунте третьего горизонта (в 6-ом пласте) обнаружена серебряная копейка Петра I, изготовленная еще в проволочной технике. По особенностям начертания литеры «Т» в легенде на лицевой стороне монеты ее можно отнести либо к наиболее поздним выпускам времени совместной чеканки Иоанна и Петра Алексеевичей (1682–1696 гг.), либо к более позднему периоду — до 1718 г. (Гришин, Клецинов, 2007. С. 143. № 1582, 1584; Клецинов, Гришин, 2005. С. 7. № 1600; С. 9. № 1617, 1618, 1623 и др.) (рис. 5: 5). Придонный (четвертый) горизонт представлен пестрым желтовато-светло-коричневым переотложенным материковым суглинком с включением темно-коричневого грунта и мелкораспыленного древесного тлена. Вероятнее всего, он сформировался вскоре после завершения функционирования сооружения, отмеченного началом разрушения пристенной конструкции.

В центральной части котлована в грунте придонного горизонта, вблизи его кровли, обнаружено компактное (до 10 x 20 см в плане) скопление серебряных монет, некоторые из которых были скреплены окислами (рис. 6). Центр скопления располагался на высоте около 25 см над уровнем материкового дна ямы (отм. -126). Монетный комплекс состоял из 95 серебряных копеек, изго-

Рис. 5. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19. Индивидуальные находки из горизонтов 1 (8), 2 (1-4, 6), 3 (5, 9, 11), 4 (7, 10): 1, 2, 4, 5 — монеты; 3 — нательный крест; 6 — накладка; 7 — рукоятка от ключа; 8 — пряжка; 9 — сапожный нож; 10 — обоймица; 11 — удила. Серебро: 4, 5. Медь: 1, 2. Бронза: 6, 8, 10. Железо: 7, 9, 11.

Рис. 6. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19. Скопление монет в момент обнаружения.

изображением всадника. Монеты Петра Алексеви́ча отчеканены по весовой норме, близкой к 0,4 гр., т.е. до 1698 г., за исключением одного экземпляра, весом 0,28 гр., изготовленного, судя по типам изображений на обеих сторонах, еще в период совместного правления (Гришин, Клецинов, 2007. С. 131; Клецинов, Гришин, 2005. С. 6). Время завершения формирования обнаруженного

товленных в проволочной технике. Их общий вес — 34,60 гр. Контекст находки указывает на то, что, скорее всего, в засыпку котлована монеты попали в какой-то несохранившейся емкости, изготовленной из полностью замещенного грунтом органического материала.

Состав комплекса (по эмитентам) отражен в таблице 1 (рис. 7). Наиболее ранние монеты — царя Михаила Фёдоровича — отличаются наихудшей сохранностью. Три из них имеют пробитые отверстия (вероятно, использовались в составе украшений). Наиболее поздние выпуски приурочены к периоду совместного правления Иоанна и Петра Алексеви́чей. На многих из них сохранилось обозначение Московского монетного двора в виде композиции из литер «М» и «О» под изображением всадника.

Таблица 1. Распределение монет из скопления в объекте 19 по эмитентам

ЭМИТЕНТЫ	Количество монет	Доля среди определенных монет	Средний вес (гр.)	Разброс веса монет (гр.)
Михаил Фёдорович (1613–1645 гг.)	34	38%	0,43	0,32–0,52
Алексей Михайлович (1645–1676 гг.)	14	15%	0,42	0,29–0,50
Фёдор Алексе́евич (1676–1682 гг.)	8	9%	0,38	0,33–0,44
Иоанн Алексе́евич (1682–1696 гг.)	10	11%	0,35	0,29–0,39
Пётр Алексе́евич (до 1696 г.)	24	27%	0,38	0,28–0,48
Неопределимые	5		0,34	0,25–0,46
ВСЕГО	95		0,40	0,25–0,52

Рис. 7. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Образцы монет разных эмитентов из скопления, обнаруженного в заполнении объекта 19.

монетного комплекса с большой степенью вероятности укладывается в промежуток 1682–1696 гг.

Близкие соотношения встречаемости образцов основных стилистико-технологических групп посудной керамики из двух нижних горизонтов объекта 19, их сходное распределение по пластам указывают на незначительность

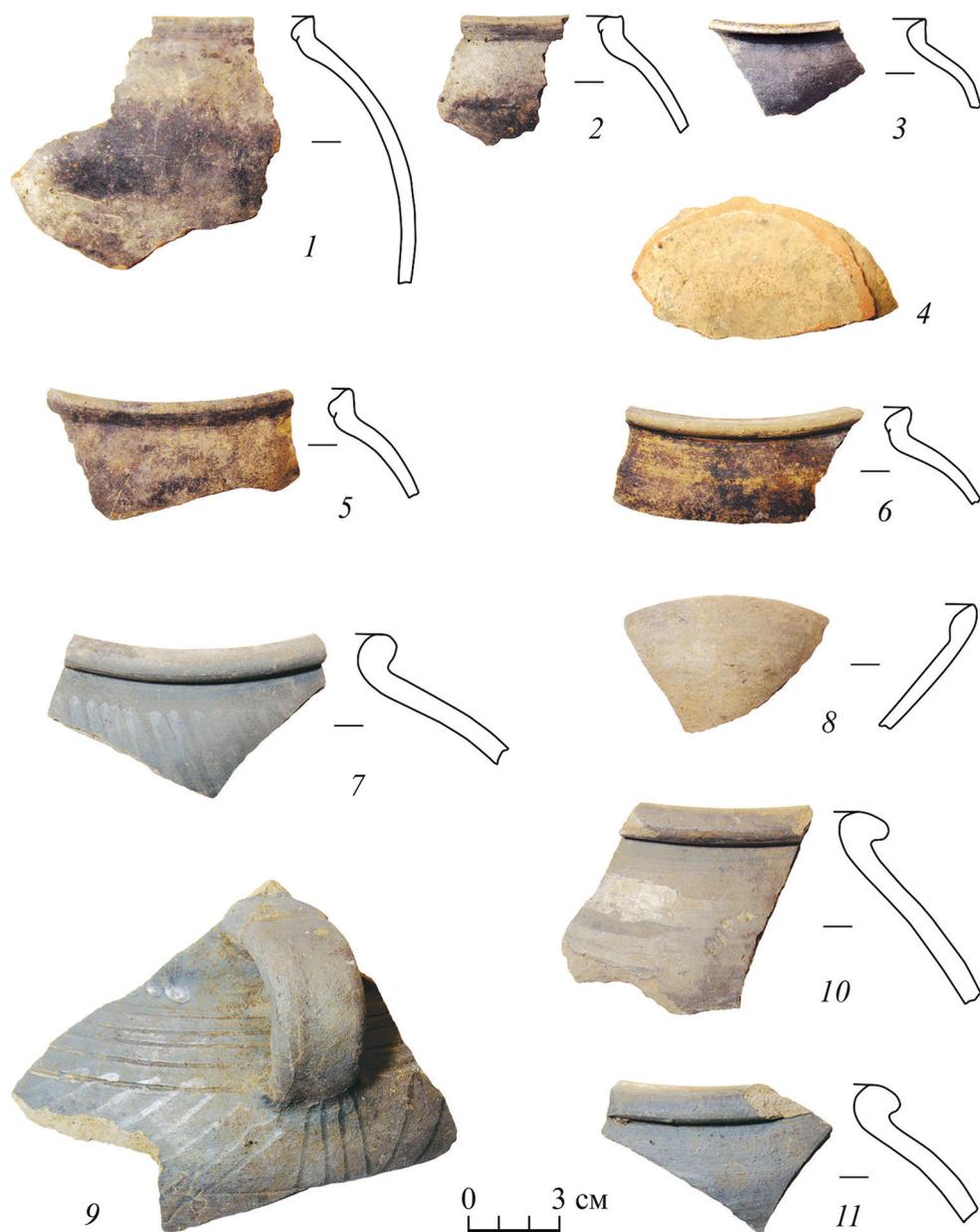

Рис. 8. Археологические исследования на месте гостиницы «Россия». Объект 19. Образцы кирпично-красной ангобированной (1-6), чернолощёной (7-11) керамики из заполнения. Горизонт 3: 4, 9, 10. Горизонт 4: 1-3, 5-8, 11.

временного промежутка, разделяющего их формирование (табл. 2). В обоих горизонтах преобладают фрагменты изделий, обжиг которых преднамеренно проводился в восстановительной среде (чернолощенных с преимущественно разреженным орнаментальным лощением и мореных; рис. 8: 7–11), и характерных для Нижнего Новгорода кирпично-красных, покрытых белым ангобом, горшков стандартной профилировки — с выпуклыми плечиками, редуцированными шейками и клювовидно приостренными завершениями венчиков (рис. 8: 1–6) (Грибов, 2018. С. 243). В обоих горизонтах посуда с восстановительным обжигом незначительно преобладает над ангобированной. Суммарная доля образцов этих двух стилистико-технологических групп достигает 90–94%. Существенно более редкими находками являются части от белоглиняных и красноглиняных без грубозернистых примесей в тесте сосудов, общая доля которых в пределах 6–8%. Встречаемость образцов остальных керамических групп крайне мала и, очевидно, находится в пределах статистической погрешности. Общий объем массового керамического материала из двух нижних го-

Таблица 2. Распределение керамического материала по пластам в нижних горизонтах объекта 19

ГОРИЗОНТЫ	3					4		
	4	5	6	7	ВСЕГО	8	9	ВСЕГО
Кирпично-красная с белым ангобом	533	564	662	324	2083 (41,3%)	203	13	216 (46,8%)
С преднамеренным восстановительным обжигом, в том числе:	607	736	759	410	2512 (49,9%)	205	13	218 (47,2%)
<i>Чернолощенная</i>	212	263	254	126	855	93	8	101
<i>Мореная</i>	395	473	505	284	1657	112	5	117
Белоглиняная без лощения	51	65	27	11	154 (3,1%)	7	5	12 (2,6%)
Белоглиняная лощенная	1	2	2		5(0,01%)	1		1(0,2%)
Красноглиняная без лощения и ангоба без грубозернистых примесей	74	85	67	19	245 (4,9%)	11	3	14 (3,0%)
Красноглиняная без лощения и ангоба с грубо-зернистыми примесями	2	2	1		5 (0,01%)	1		1 (0,2%)
Краснолощенная	12	3	2		17 (0,38%)			
Поливная	1	3	4		8 (0,18%)			
Фарфор, фаянс		2	4	4	10 (0,2%)			
Всего	1281	1762	1528	768	5039 (100%)	428	34	462 (100%)

ризонтов рассматриваемого сооружения — 5501 фрагмент, что составляет 58% от совокупного массива посудной керамики, обнаруженной в заполнении рассматриваемого сооружения.

По результатам проведенных археологических исследований можно утверждать, что освоение тяготеющего к Георгиевской церкви участка Верхнего Посада началось не позднее середины — второй половины XIV в., о чем свидетельствуют находки серебряных дангов Золотой Орды, медных пул русской удельной чеканки и некоторого другого инвентаря. Отчетливые следы застройки фиксируются с конца XV — начала XVI в. Наиболее хорошо сохранились подпольные ямы наземных сооружений XVII–XIX вв., в расположении которых можно усмотреть черты регулярной городской планировки.

Городская застройка в непосредственной близости от Георгиевской церкви запечатлена на гравюрах с видом Нижнего Новгорода со стороны р. Волги из сочинения Адама Олеария, неоднократно посещавшего город на окском устье во второй четверти XVII в. Постройка, связанная с объектом 19, вероятно, функционировала в середине — второй половине XVII в. Вблизи рубежа XVII–XVIII вв. она исчезает, а ее подпольная яма заполняется грунтом. Случайно оброненный во время засыпки подполья кошель с серебром фиксирует временной промежуток (1682–1696 гг.), в течение которого началась перепланировка участка городской территории рядом с храмом Святого Георгия, приуроченная к замене ее деревянного строения каменным и формированием вокруг него прицерковной площади. Окончательная планировка участка прежней застройки, скорее всего, проходила после завершения строительства каменного храма (1702 г., см.: Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог...2017. С. 283), о чем свидетельствует находка медной денги 1746 г. в линзовидном слое, перекрывающем нижние горизонты заполнения подпольной ямы (объекта 19), связанные с демонтажом и/или обрушением ее пристенной конструкции.

Красная линия, вдоль которой располагались новые строения, появившиеся после строительства каменной Георгиевской церкви, была немного смещена восточнее относительно главной директивы прежней застройки, что отражено на планиграфии раскопанного участка. На плане Нижнего Новгорода 1802 г. (рис. 1: 2) территория около храма показана уже плотно застроенной, на ней прослеживаются кварталы деревянных домов, с проходом к главной городской магистрали этой части города — ул. Минина (бывшей ул. Жуковской) (см.: РГИА. Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3)).

Рассмотренный объект представляет собой пока единственный нижегородский комплекс, надежно датированный по монетным находкам концом XVII в. Последующее подробное описание позволит использовать его материалы в ка-

честве опорных для выявления и узкой хронологической атрибуции других единовременных ему сооружений.

Литература

- Грибов Н. Н.*, 2018. Поиски утраченного города: Нижний Новгород в XV веке. М.: ИА РАН. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24).
- Гришин И. В., Клецинов В. Н.*, 2007. Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Фёдора, Ивана и Петра Алексеевичей (1645–1696 гг.). М.: URSS. 148 с.
- Клецинов В. Н., Гришин И. В.*, 2005. Каталог русских средневековых монет времени единоличного правления царя Петра Алексеевича (1696–1717 гг.). М.: УРСС: Ленанд. 73 с.
- Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода: в 2х книгах. Книга 1. Нижний Новгород: б/и, 2017. 376 с.

Сельская округа города Курмыш в XIV–XV вв. (по материалам памятников правобережья р. Сура)

М. И. Федулов

Резюме. В статье рассматриваются материалы археологических разведок, проведенных на правом берегу р. Сура в окрестностях с. Курмыш. Проанализированы материалы поселений и городищ XIV–XV вв., относящиеся к начальным этапам русской колонизации земель Присурья. Сделана попытка создания гравитационной модели поселенческой структуры.

Ключевые слова: Курмыш, средневековые поселения, колонизация Среднего Поволжья, русско-ордынское пограничье, славяноидная керамика, Нижнее Присурье.

Восточные пределы владений нижегородских князей XIV–XV вв. были ограничены р. Сура. Крепость Курмыш, основанная в 1372 г., являлась центром обширной сельской округи (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100 (Рог.)). В археологической литературе существует предположение, что поселения Отарские Выселки в устье р. Суры и Спасское на р. Урга составляли северную окраину сельской округи крепости. Пограничная линия, защищавшая княжество с юго-востока и востока, представляла собой засечную черту, проходившую по левому берегу р. Пьяна до места ее впадения в Суру и далее по левому берегу Суры до устья (*Николаенко, 2004. С. 65, 68*).

Она включала в себя Курмыш и цепь небольших пограничных крепостей-острожков XIV–XVI вв. (городища у селений Каменищи, Луговое), а также городища Лопатино, Погореловка, местечко «Городино», Пильна (*Николаенко, 2004. С. 71*).

Новые археологические данные позволяют отнести к округе Курмыш ряд памятников на левом берегу р. Суры, в пределах Нижегородской области — поселения Курмыш IV, Кекино III, Новое Жилище и на правом берегу, в границах Чувашской Республики — Козловский комплекс памятников, поселения Ильина Гора II и Выселок № 1 (рис. 1).

В летописных источниках мы периодически встречаем упоминания о крепости Курмыш, но описание округи дается только в узкий период существования удела городецкого князя Бориса Константиновича. Новые археологические объекты дают дополнительную информацию о развитии округи Курмыш не только во второй половине XIV в., но и в XV в. в целом.

СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА ГОРОДА КУРМЫШ В XIV–XV ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. СУРА)

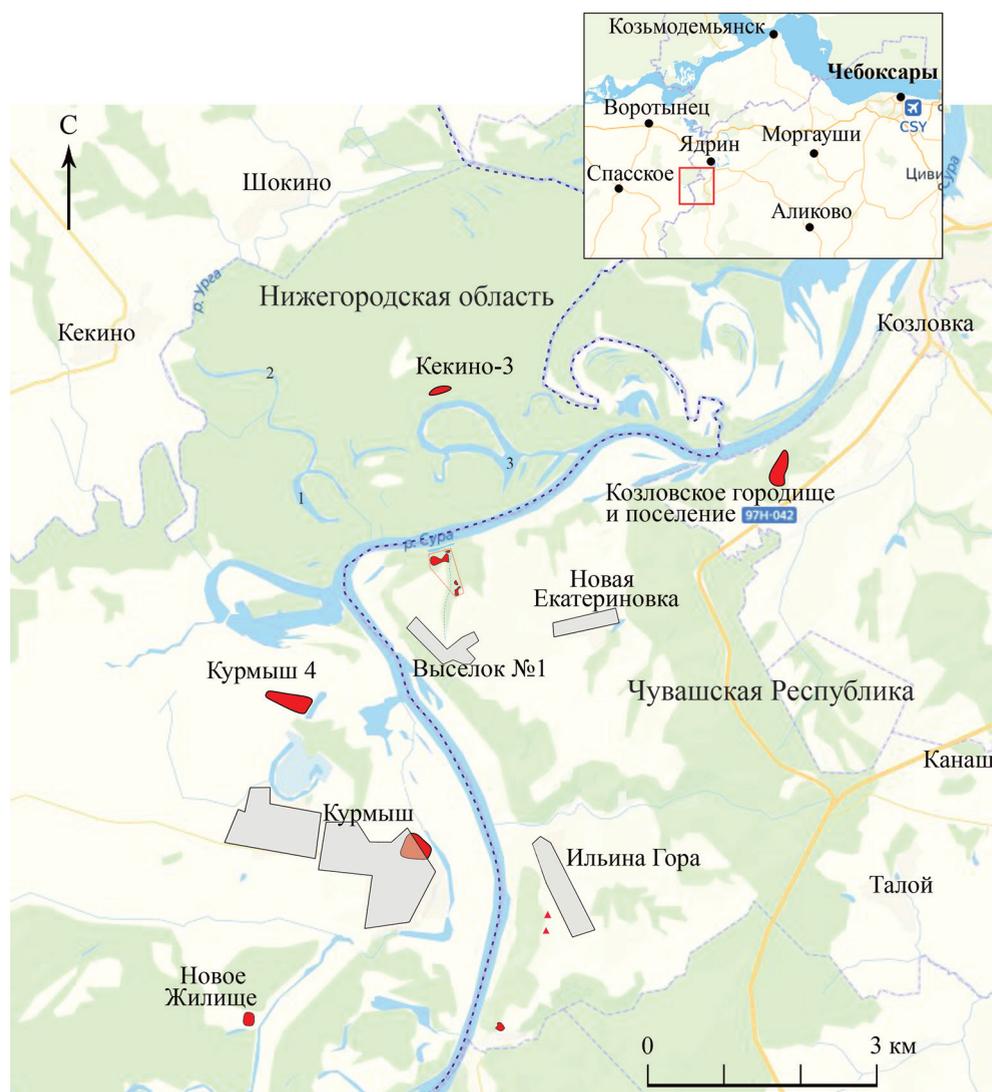

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников XIV–XV вв. в окрестностях г. Курмыш. Гидронимы: 1 – озеро Соларьево; 2 – озеро Тонкое; 3 – озеро Пашково

Городище Курмыш в археологическом плане слабо изучено (Очеретин, 1994. С. 103). Однако начатое в 2007 г. исследование поселения Курмыш IV показало перспективность изучения его сельской округа. Раскопки, проведенные Н. Н. Грибовым, дали большой керамический материал и ряд датированных находок. Этот крупный поселенческий центр (площадью около 16,5 га) представлен керамикой, выполненной в различных этнокультурных традици-

ях, включает славяноидную, русскую средневековую, мордовскую, краснолощеную золотоордынскую и кашинную керамику. Богатую коллекцию вещевого материала представляют фрагменты чугунных котлов, цилиндрические металлические замки, украшения, свинцовые «пломбы-грузики», медные и серебряные ордынские монеты, кресты-тельники и т.д. На поселении выявлены следы металлообработки и изучены подпольные части жилых построек.

Автор раскопок определяет нижнюю хронологическую границу памятника началом — первой половиной XIV в., а верхний рубеж — в пределах первого десятилетия XV в. Оно отнесено к владениям нижегородского князя Бориса Константиновича (с 1382 г. получившего ярлык на Нижегородский престол), в удел которого, по крайней мере, в промежуток с 1372 по 1393 г., входило все левобережье р. Суры — от устья до места впадения в нее р. Курмышки (Грибов, Ахметгалин, 2013. С. 83). Н. Н. Грибов считает, что в состав жителей поселения, скорее всего, входили выходцы из золотоордынских областей, возможно, выкупленные в Орде пленные и местное финно-язычное, зависимое от нижегородских князей население. Поселение Курмыш IV, вероятно, играло роль ремесленного и торгового центра, основанного по княжеской инициативе, на пересечении сухопутного и водного путей, ведущих в Орду.

В 2008 г. в 3 км от Курмыш IV найдено и обследовано селище Кекино III. Оно расположено на берегу озера Пашково. Селище Н. Н. Грибовым датировано XIV–XVI вв. и интерпретировано как рыбацкая тонь или иное промысловое поселение. Вероятно, в начале своего существования оно также входило в домен городецкого князя Бориса Константиновича (Грибов, 2009. С. 69–72). В составе его керамического комплекса присутствуют все группы керамики поселения Курмыш IV, но есть и своеобразная лепная посуда с примесью шамота, грубая сероглиняная, красноглиняная с примесью шамота, круговая с пористым тестом.

В 2001 г. в 2,5 км к юго-западу от с. Курмыш выявлено поселение Новое Жилище (Калыгина, 2012. Л. 15–18). Примерная площадь по распространению подъемного материала составляет 17 га. Поселение с уверенностью можно отнести к сельской округе Курмыша. Очевидна и его привязка к пойме р. Суры. Найденные фрагменты керамики отнесены к средневековой русской, славяноидной (атрибутируемой по наличию примеси раковины), болгарской и мордовской. Помимо фрагментов сосудов в пахоте обнаружено керамическое пряслище.

Таким образом, расположение в окрестностях крепости Курмыш сельских и промысловых поселений подтверждается материалами разведок и раскопок. В исторической литературе считалось, что расселение русских ограничивалось левым берегом р. Сура, правобережная часть («Засурье») входила в зону активного хозяйственного освоения. В правобережной части Нижнего Присурья с

2016 г. экспедицией Чувашского государственного университет им. И. Н. Ульянова под руководством М. И. Федулова проводятся работы по изучению территории Козловского комплекса памятников (Федулов, 2019. С. 104–113). Были выявлены два новых поселенческих памятника у селений Выселок № 1 и Ильина Гора. После выявления Козловского комплекса памятников была сделана попытка описания удела Бориса Константиновича, расширив его и на правобережную часть (Федулов, 2020. С. 203–207).

Козловский комплекс памятников состоит из городища, поселения и могильника. Материалы раскопок представлены предметами второй половины XIV — XV в.: железными замками, ремесленными инструментами, оружием, дирхемом, чашей от весов, обломком серебряного зеркала и т.д. Козловское городище занимает своеобразное место в системе одновременных памятников Нижнего Присурья. Козловское городище является первым из известных памятников правобережья. Однозначно утверждать моноэтнический характер данного памятника нет оснований. Как и Курмыш IV, памятник указывает на сложные этнокультурные процессы в регионе. По некоторым признакам (большая площадь, разнообразие предметов быта, возможно, полиэтнический характер населения, следы разнообразной хозяйственной деятельности) он напоминает малый городской центр XIV–XV вв. Остается нерешенным вопрос о причинах прекращения существования данного городища.

На правом берегу р. Суры у д. Выселок № 1 (Угор) расположено большое поселение, занимающее три площадки вдоль большого оврага. Являются ли они составными частями единого поселения или автономными населенными пунктами, установить пока не удалось. По самым приблизительным оценкам, их общая площадь составляет не менее 11,5 га. От поселения Курмыш IV оно удалено на 3 км, а от Козловского городища — на 5,5 км. На каждой из площадок выявлены домовые ямы (18 жилищных западин).

На поверхности поселения был собран большой подъемный материал, состоящий из керамики и металлических предметов. Керамика по наличию основных групп сходна с Козловским городищем, но также найдена белоглиняная посуда «коломенского типа» (рис. 2: 3). Часть железных предметов имеет хорошую хронологическую привязку, в первую очередь это цилиндрические замки. Железное овальное кресало отнесено к третьему типу по Новгородской классификации (бытовавшему в XIV–XV вв. и частично в XVI в.). Железный сапожный молоток (гвоздодер) по находкам на Неревском раскопе Новгорода датируется XIII и XIV вв. (рис. 2: 4, 8). (Колчин, 1956. Рис. 19, 74; Казаков, 1991. С. 46. Рис. 15).

Поселение Ильина Гора расположено выше по течению р. Суры на краю правого коренного берега, в 6 км от поселения Курмыш IV и в 3 км от городища

Рис. 2. Подъемный материал с поселения Выселок № 1: 1 — венчик с примесью раковины, 2 — керамика ордынского периода, 3 — белоглиняная керамика, 4 — кресало, 5 — звено цепи, 6 — цилиндрический замок, 7 — крест-накладка, 8 — молоток, 9 — рыболовный крючок

Таблица 1. Соотношение групп керамики поселений

		Выселок №1	Ильина Гора	Козловское городище (выборка из 130 венчиков и донцев)	Курмыш IV (всех фрагментов)
1.	Золотоордынская (краснолощенная)	4 (4,5%)	-	5 (3,8%)	399 (2,2%)
2.	Славяноидная (с раковинной)	22 (24,7%)	10(16,9%)	34 (26,1%)	8994 (50,5%)
3.	Русская:				
	с примесью шамота	25 (28,1%)	30 (50,8%)	39 (30%)	1645 (9,2%)
	белоглиняная	6 (6,7%)	-		
	с примесью песка	32 (36%)	12 (20,3%)	35 (26,9%)	5291 (29,7%)
	ангобированная	-	3 (5,1%)		
	поливная	-	4 (6,8%)		
	с железным шлаком			1	12
	с аргиллитом			1	4

Курмыш. Причем с последним устанавливается зона прямой видимости. Вероятно, поселение являлось сторожевым пунктом, на что указывает доминирующее положение на местности (60 м от уровня реки). Предварительно площадь поселения составляет около 3000 кв.м. Мощность культурного слоя достигает 1 м на склоне и 20 см на ровных (распаханных) участках.

Среди типичного инвентаря в виде цилиндрических замков, фрагментов чугунных котлов, найден серп, свинцовое коническое пряслице-грузик с орнаментом, подобное находкам с поселения Курмыш IV и других памятников Поволжья (рис. 3).

Рассмотренная группа памятников относится к одному периоду — XIV–XV вв. и, несомненно, является частью одной агломерации. Мы рассматриваем ее как единый комплекс, связанный с периодом русской колонизации Нижнего Присурья.

Обращаясь к вопросу об этнокультурной характеристике рассматриваемого региона, мы в первую очередь должны рассмотреть керамические комплексы (табл. 1). Найденная на Козловском городище и поселении керамика представлена 1135 фрагментами. По разновидностям искусственных добавок в тесте и технологии изготовления фрагменты сосудов разделяются на пять основных групп¹:

¹ Выражаем искреннюю признательность за консультации и работу с керамическими коллекциями Н. Н. Грибову.

Рис. 3. Подъемный материал с Ильиногорского поселения: 1 — нож, 2 — свинцовый грузик, 3 — цилиндрический замок, 4 — дужка от замка, 5 — глиняное грузило, 6 — обломок подковы, 7, 8 — фрагменты венчиков сосудов

1. Первая группа характеризуется наличием дробленой раковины в тесте гончарных изделий или характерных следов от нее (уплощенные выемки остаются в случае, если осколки раковин выгорели при обжиге). Группа относится к славяноидной керамике.

Славяноидная керамика составляет 19,9% общего числа фрагментов. В выборке из 130 фрагментов венчиков и доньшек примесь раковины фиксируется в 26,1% находок. Раковина без других примесей составляет 42,3% (90 фрагментов, 11 из которых с крупными фракциями), в остальных 57,7% случаев она встречается в сочетании с шамотом.

2. Вторая группа объединяет гончарные изделия с примесью дресвы или песка, это обычная русская средневековая посуда XIII — начала XV в. (23,7%). К русской гончарной традиции отнесены фрагменты сосудов с примесью мелкого песка, «трехслойным» обжигом, слабопрофилированными венчиками и невысокой шейкой. Орнамент на керамике линейный или в виде одинарной или двухрядной волны.

3. Третья группа включает обломки гончарных сосудов с примесью шамота, иногда — шамота с добавкой песка (но всегда без следов примеси дробленой раковины). Предположительно, она изготовлена представителями финноязычного мира, которые только начали осваивать гончарный круг (на стадии РФК-2, РФК-3 по классификации А. А. Бобринского). Несколько фрагментов по технике изготовления подобны средневековой керамике мордвы.

4. Четвертая группа — это фрагменты лепных сосудов. Большинство из них изготовлено из теста с примесью шамота, единичные — с добавкой выгоревшей дробленой раковины (1 фр.).

5. Пятая группа соответствует привозным гончарным изделиям высокого обжига, изготовленным из тонкого теста в ремесленных мастерских Золотой Орды. Ордынская керамика представлена 11 фрагментами и развалом верхней части корчаги (*Кокорина*, 2002. С. 323. Рис. 69. Тип 2). Появление корчаг с короткой, цилиндрической горловиной с рельефным валиком и прямосрезанным краем венчика, следует связывать с серединой и второй половиной XIV в. Эти сосуды украшены зоной из оттисков многозубчатого гребенчатого штампа, ограниченной сверху и снизу одинарными линиями, и вертикальным лощением.

Формы венчиков первой и третьей групп, в целом, вполне соответствуют разновидностям оформления верхних частей русских горшков XIII–XV вв. (как и во второй группе преобладают формы более характерные для XIV — начала XV в.).

За пределами вышеперечисленных групп — фрагменты двух гончарных сосудов. Тесто одного из них кроме грубозернистого песка (с размером зерна более 1 мм), включает в себя частую примесь уплотненной аргилитоподобной глины (или аргиллита), тесто другого — предположительно, дробленый железный шлак.

Ближайшим к Курмышскому городищу памятником является поселение Ильина Гора. В окрестностях села неоднократно собирался керамический

материал, который соотносился либо с общеболгарской посудой, либо с русской керамикой XVI–XX вв. Каховский В. Ф. указывал на находки «болгарской керамики у с. Ильина Гора» (Каховский, 1978. С. 5). Михайлов Е. П. находил керамику высокого обжига XIII–XV вв., определив места ее находок как Ильиногорское II и III местонахождения (Михайлов, 1987. Л. 17). Найденная А. А. Семеновым золотоордынская краснолощенная керамика, вероятно, также должна быть связана с Ильиногорским I поселением (Семёнов, 2014. С. 10–13, 16). Болгарская керамика легко определялась всеми исследователями, но вот фрагменты русской керамики изучаемого нами периода не выделяли в силу отсутствия разработанной методики.

Среди основных типов керамики Ильиногорского II поселения выделяются — славяноидная и русская (рис. 3: 7, 8). Среди найденных образцов есть ранее не встречавшаяся на правобережных присурских памятниках русская поливная посуда. Ее характерной особенностью является желто-зеленая, как правило, односторонняя полива, нанесенная на белую ангобную подготовку. В отличие от поздней поливной посуды в тесте есть редкие крупинки дресвы или песок. В Нижнем Новгороде и его округе такая парадная керамика известна, но очень редка.

На поселении Выселок № 1 состав групп керамики аналогичен Курмышу IV, но найдена русская белоглиняная посуда «коломенского типа» (рис. 2: 3). Она плотная, гладкая, без видимой примеси песка, но с редкими блестящими чешуйками слюды, которая есть в беложгущихся глинах. На поверхности отчетливо видны следы тяжелого (быстрого) гончарного круга. На верхней части тулова зафиксирована одна полоска линейного орнамента (у шейки венчика). На изломе черепок одноцветный, внешняя его сторона — светлая, местами черная, вероятно, из-за неравномерного обжига. Судя по тесту и цветовому оттенку, датировку такой керамики можем определить в пределах конца XV–XVI в.

Среди керамики селища Кекино III есть фрагменты круговой посуды с пористым тестом (вероятно, от выгоревшей примеси в виде толченой раковины), русской сероглиняной грубой керамики XIV–XV вв., фрагментов белоглиняных сосудов (русской поокской «коломенской» керамики конца XV–XVI в.), красноглиняной с примесью песка керамики, изготовленной на быстром круге. Встречены венчики от двух сосудов с прикрытой горловиной, которые по своему оформлению очень близки к одному из типов горшков, известных по раскопкам городища Городок середины XV — начала XVI в.

Керамика поселения Новое Жилище представлена 172 фрагментами. Это сероглиняная гончарная керамика (17 фрагментов), лощеная керамика с линейным орнаментом (1 фрагмент), красноглиняная (112 фрагментов), русская средневековая (10 фрагментов), болгарская (11 фрагментов), лепная мордовская (1 фрагмент). Среди керамики, отнесенной по морфологическим призна-

кам к русской средневековой — два фрагмента имели примесь шамота, один венчик с примесью шамота и ракушки, один фрагмент с примесью дресвы, один с примесью шамота и песка. Орнамент представлен волнистыми линиями. На золотоордынской керамике один фрагмент имел орнамент из четырех параллельных линий. Фрагмент мордовской керамики связан с лепным изделием, подправленным на гончарном круге, изготовленным из красножгущейся глины с грубозернистыми добавками.

Таким образом, мы рассмотрели основные группы керамики, присурских памятников. Основная масса керамики связана либо с периодом русской колонизации Присурья, либо с местной традицией, в которой проявляются различные заимствования в профилировке сосудов (табл. 1).

Для рассматриваемых поселений проделан опыт построения гравитационной модели. В исследованиях, основанных на археологических материалах, при построении таких моделей численность жителей заменяется размерами поселений (площадями распространения подъемного материала).

Гравитационная модель используется для изучения степени взаимосвязи и определения интенсивности коммуникации между поселениями. Она рассчитывается по формуле $M_{ij} = S_i \times S_j / (D_{ij})^2$, где M_{ij} — показатель взаимодействия между населенными пунктами; S_i и S_j — их площади; D_{ij} — расстояние между ними. Соответствующие расчеты проведены без учета усложнения открытого рельефа оврагами, болотами, лесами и разделения памятников на правобережные и левобережные. Предполагалось, что р. Сура служила не разделяющим, а, наоборот, объединяющим фактором, т.к. связывала населенные пункты на ее берегах (кроме поселения Новое Жилище, которое не имеет прямого выхода к реке, но в древности это могло быть иначе) (табл. 2).

Расчет гравитационной модели показал, что наиболее сильная связь имеет место между поселениями Курмыш IV, Выселок №1 и Новое Жилище, за которыми следуют городище и поселение Курмыш. Сильная связь определена величиной показателя взаимодействия от 9,2 до 21,1, средняя — от 2,7 до 7,8; взаимодействие с показателем ниже 1,8 отнесено к слабым.

Общими для всех исследуемых поселений являются предметы торговли и экспорта. Этому способствовала высокая активность Волжского торгового пути и прохождение сухопутной дороги через Курмыш. Можно выделить несколько групп предметов, широко представленных на памятниках. Это ремесленные изделия, предметы религиозной принадлежности, украшения, монеты. Импорт проникал на территорию Присурья в результате торговли, обмена и вместе с носителями иноэтничных культур. Большая часть данных свидетельствует о возникновении поселений рядом с поселениями местного, вероятно всего, мордовского и марийского населения.

Таблица 2. Гравитационная модель взаимосвязей сельской округи городища Курмыш

Археологический памятник	Площадь поселения (кв. м)	Городища					
		Курмыш IV	Кекино III	Новое Жилище	Козловское городище	Выселок №1	Ильина Гора
Городище Курмыш	5000	9,2	0,5	5,3	0,2	3,5	1,8
Курмыш IV	16500		2,7	10,4	0,2	21,1	1,3
Кекино III	3300			0,6	0,2	7,8	0,1
Новое Жилище	17000				0,3	3,2	3,2
Козловское городище	2500					0,9	0,1
Выселок №1	11500						0,6
Ильина Гора	3000						

Предметы, экспортировавшиеся из болгарских земель, найдены на большинстве поселений. Преобладает экспортная керамика, изготовленная в болгарских керамических традициях. Процент присутствия таковой керамики относительно небольшой и не превышает 5%. В золотоордынский период появляется парадная кашинная керамика, «тимуридский кашин». Железные и бронзовые цилиндрические замки типов В, Г и Д, ключи от них являются хорошим датировочным материалом.

На поселениях найдены дирхемы золотоордынского периода, являющиеся основным показателем торгово-денежных отношений в регионе. Все они хронологически укладываются в промежуток 60–90-х годов XIV — середины XV века. В 8 км от Курмыш у д. Испуханы найден клад ордынских монет (Поливанов, 1900. С. 53).

Памятники исследуемого региона относятся к русской колонизации Среднего Поволжья. Изучение всей совокупности данных позволяет разделить этот процесс на два хронологических периода: первый период — вторая половина XIV — первая половина XV в., второй период — вторая половина XV–XVI в.

Первый этап освоения Волго-Окского междуречья, куда входило Нижнее Присурье, характеризуется народной, княжеской и монастырской колонизацией. На начальном этапе инициатива переселения исходила от рядового населения, которое не завоевывало, а занимало свободные земли, создавало свои поселения рядом с мордовскими и марийскими. В отличие от второго этапа здесь не было возведено большое количество городов, за исключением крепости Курмыш.

Во второй половине XIV в. в Суздальско-Нижегородских землях проходят бурные политические процессы. На окраине нижегородских земель на короткий период складывается удел князя Бориса Константиновича. В скудных

летописных упоминаниях владения князя связываются с округой г. Курмыша. По письменным источникам удалось локализовать часть гидронимов, пожалованных в 1393 г. Борисом Константиновичем Спасскому и Благовещенскому монастырям (рис. 1, № 1–3).

Таким образом, анализ имеющихся на данный момент археологических источников позволяет выделить сельскую округу крепости Курмыш. Возникновение удела Бориса Константиновича во второй половине XIV в. определяет развитие присурского региона. Необходимо комплексно подойти к изучению поселений и решить еще много возникших вопросов. Среди них вопросы об этнических компонентах, входящих в состав населения округи, и причинах прекращения функционирования поселений в XV в. Однозначно можно утверждать, что есть прекрасная перспектива для дальнейшего изучения русско-ордынского пограничья.

Литература

- Грибов Н. Н.*, 2009. Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году / Архив ИА РАН. Р-1. Л. 69–72.
- Грибов Н. Н.*, 2010. Отчет об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году / Архив ИА РАН. Р-1. 150 л.
- Грибов Н. Н., Ахметгалин Ф. А.*, 2013. Западное порубежье Болгарского улусах Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Посурья) // ПА. № 4(6). С. 79–95.
- Казаков Е. П.*, 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное издательство. 178 с.
- Калыгина Ж. С.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильненского района Нижегородской области в 2011 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 34671. Л. 15–18.
- Каховский В. Ф.*, 1978. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Труды ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 80. С. 3–18.
- Кокорина Н. А.*, 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв. Казань: Институт истории. 383 с.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской экспедиции. Том II. М., Л: АН СССР. С. 7–119. (МИА; вып. 65.)
- Михайлов Е. П.*, 1987. Отчет о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР / Архив ИА РАН. Р-1. № 11590. 37 л.

- Николаенко Т. Д.*, 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. М.: ИА РАН. Ч. 1. 383 с.
- Поливанов В. Н.*, 1900. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: издание Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии. 73 с.
- ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Петроград, 1922. Вып. 1. 402 с.
- Семёнов А. А.*, 2014. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году / Архив ИА РАН. Р-1. № б/н. 31 с.
- Федулов М. И.*, 2019. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории). Чебоксары: ИД «Среда». С. 104–113.
- Федулов М. И.*, 2020. О локализации удела князя Бориса Константиновича в Нижнем Присурье // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда». С. 203–207.

Феномен славяноидной керамики Булгарской области Золотой Орды: к вопросу о взаимодействии русских, болгар, поволжских и прикамских финнов

К. А. Руденко

Резюме. Средневековая керамика эпохи Золотой Орды, копирующая форму горшков, характерных для Древней Руси, и получившая название «славяноидной», привлекает внимание археологов уже более двадцати лет. Считалось, что ее делали средневековые марийцы и чуваша с конца XII и до начала XV в. Главной особенностью этой керамики была примесь толченых речных ракушек в составе глиняной массы, из которой ее делали. Это не характерно для гончаров Древней Руси. Очень редко она использовалась и средневековыми марийцами в домонгольский период. В дальнейшем выяснилось, что славяноидная керамика встречается на поселениях на Вятке. Стало ясно, что керамика этого вида имеет свои особенности в Казанском и Марийском Поволжье, как и на Вятке. Автор пришел к выводу, что в Казанском Поволжье славяноидную керамику начали делать потомки пермского населения, переселившегося сюда в конце XIII в. Традиции гончаров Пермского Прикамья, сохранились в виде традиционной примести толченых речных раковин, а от русских, живших в Булгарской области Золотой Орды, была заимствована форма этих сосудов.

Ключевые слова: славяноидная керамика, Золотая Орда, Булгарское городище, родановская археологическая культура, внутренние миграции, датировка, этнокультурное взаимодействие.

Вопрос о специфической керамике, напоминавшей древнерусскую посуду, но с примесью толченой раковины в тесте, поднимался неоднократно в научных штудиях археологов Волго-Камья. Имеется небольшая историография данной проблемы (Руденко, 2007. С. 350–352). История изучения славяноидной керамики началась в 1960-х гг., когда ее выделила в отдельную этнокультурную группу (XVI) булгарской керамики Т. А. Хлебникова по материалам раскопок в 1958 и 1964 гг. Мало-Сундырского городища в республике Марий-Эл (Никитина, Михеева, 2006. С. 25–32). По ее мнению, она изготавливалась средневековыми марийцами и чувашами, а сформировалась под влиянием русских гончарных традиций (Хлебникова, 1967 С. 168; 1988. С. 33).

В дальнейшем эта группа керамики, получившая в работах Т. А. Хлебниковой название «славяноидной», была диагностирована на Булгарском

городище, где, как считала исследовательница, оседали марийцы. Эта керамика, имевшая преимущественно горшковидную форму, изготовленная на гончарном круге, и почти не орнаментированная, характеризовалась примесью толченой раковины в тесте. По стратиграфии она была датирована ей концом домонгольского времени (0,2%) и ордынским периодом. Находки такой посуды встречались на всей территории городища (*Хлебникова*, 1988. С. 33. Рис. 19).

М. Д. Полубояринова эту керамику в Булгаре, в своей классификации, обозначила как группу «В». По ее данным она немногочисленна — учтено было 56 экземпляров, представленных 7 типами, аналогичным формам древнерусских сосудов. Орнаментация керамики группы «В» проста — линейный орнамент, мотивы волны и сочетания их. При этом большая часть сосудов не имела декора. Исследовательница утверждала, что славяноидная посуда Булгарского городища изготавливалась местными финно-угорскими гончарами, но использовали ее и русские, проживавшие в городе (*Полубояринова*, 1993. С. 35, 46, 47, 51, 52. Табл. 3, 4, 5).

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Е. П. Казаковым были опубликованы находки славяноидной керамики на Семеновском-V и Коминтерновском-II селищах, показавшие, что носители ее проживали не только в городах, но и за их пределами (*Казаков*, 1988. С. 75, 78. Рис. 2: 12; 1993. С. 125. Рис. 3: 5).

Н. А. Кокорина в своих исследованиях болгаро-татарской керамики расширила географию находок славяноидной (XVI) группы керамики, выявив ее в материалах Русско-Урматского селища, Камаевского и Сюкеевского городищ, исследовавшихся с 1950-х гг. и особенно масштабно в 1980-х гг. (*Кокорина*, 1994. С. 185–213; 2002. С. 97, 305. Рис. 51; *Галимова, Губайдуллин*, 2003. С. 196). По находкам из раскопок Р. Г. Фахрутдинова Камаевского городища, она выделила две подгруппы славяноидной керамики, отличающиеся от классической наличием известняка и дресвы в тесте, а также более толстыми стенками и деталями формы (*Кокорина*, 2004. С. 48. Рис. 1, 3). Также из керамического комплекса Камаевского городища с привлечением находок из Казанского кремля, ей была определена керамика XXII ЭКГ, которая считалась принадлежавшей поволжско-финскому населению (мордве), но автор связала ее с традициями оседлого тюркоязычного населения и кочевников: гузов и половцев ордынского времени (*Кокорина*, 2006. С. 306, 307).

При разведочных обследованиях автора в конце 1990-х гг. в Предкамье, в бассейне Казанки на средневековых селищах были зафиксированы находки славяноидной керамики с толченой раковинной в тесте на Бужинском селище около Арска, хотя на самом Арском городище этой керамики выявлено не было, как, впрочем, и находок ордынского времени (*Руденко*, 2004. С. 130,

Рис. 24: 6; 2015. С. 322. Рис. 91; *Руденко, Шутова*, 2013. С. 116–120; 2013а. С. 68–77; 2014. С. 123–132).

В Западном Закамье славяноидная керамика зафиксирована К. А. Руденко на Донауровских-II и III селищах (археологический комплекс «Джукетау»), функционировавших преимущественно в ордынский период, а также на селищах второй половины XIII — XIV в.: на Первомайском-I в камской пойме и Кызыл-Октябрь-I и II в среднем течении р. Курлянки (*Хузин, Набиуллин*, 1999. С. 102, 113. Рис. 8: 5; *Руденко*, 2015. С. 334, 335. Рис. 105, 106).

Славяноидная посуда, представленная в основном фрагментами кухонных горшков, была обнаружена на Лаишевском селище (Чакма) в подъемном материале из размытого культурного слоя этого памятника, собранного в 1960-х — 1970-х гг. (*Старостин, Казаков*, 1992. С. 131. Рис. 9: 7). По данным Н. А. Кокориной, изучавшей эти артефакты, она составляет 11,6% от всех керамических находок с поселения (*Кокорина*, 1994. С. 191). По ее наблюдениям, славяноидная керамика на Чакме датируется золотоордынским временем (*Кокорина*, 1994. С. 191, 192. Рис. 9: 11, 12, 17–20). Эти выводы были получены по анализу фрагментов таких сосудов.

Более четкую картину удалось установить по результатам исследований автора 1990-х — 2000-х гг., когда были получены материалы из раскопок объектов, где в заполнении находились фрагменты и целые формы славяноидной керамики, причем, нередко они сопровождались предметами христианского культа (*Руденко*, 2007. С. 352, 353. Рис. 1; 2019. С. 108).

Подводя итог, можно констатировать, что когда речь идет о памятниках Казанского Поволжья, то имеются в виду горшковидные сосуды, изготовленные на гончарном круге или подправленные на нем, с примесью толченой раковины в тесте (*Руденко*, 2007. С. 354). Очевидно, что в Западном и Центральном Закамье (территория современного Татарстана) она была распространена локально без какой-либо системы, в основном на городских поселениях и крупных селищах, например, на Булгарском городище или Батынгузском-IV селище. Они составляют первую группу таких памятников. Вторая группа памятников со славяноидной керамикой связана с пойменными поселениями в приустьевой части Камы — такими как Семеновское и Коминтерновские селища, включая и территориально обособленный Курналинский комплекс (*Руденко*, 2022. С. 177, 178). Третья группа памятников локализуется в среднем течении Казанки — Иски-Казанская группа поселений: Камаевское городище, Русско-Урматское и Бужинское селище.

Таким образом, довольно четко можно обозначить пределы распространения славяноидной керамики на вышеуказанной территории: на севере — река Казанка, на юге — Малый Черемшан, а вот с востока и запада такие грани-

цы остаются неопределенными. Единственный известный памятник на северо-востоке с этими артефактами — Джукетаусский комплекс, а на западе — Сюкеевское городище. Причем, на памятниках, расположенных между Камой и Казанкой, на притоках Камы, например, р. Шумбуте, она либо отсутствует, либо малочисленна, как, на Чаллыньском археологическом комплексе (*Кокорина, Останина, 2000. С. 110*). Такая ситуация, возможно, является следствием достаточно небольшого времени ее бытования (*Руденко, 2007. С. 354*).

Исследователями отмечалось, что славяноидной керамике на болгарских памятниках, как правило, сопутствует древнерусская посуда (*Полубояринова, 1993. С. 35*). Формы последней достаточно стандартны, а аналогии им обнаруживаются на памятниках поволжского региона, например, в Нижегородской области (*Грибов, 2018. С. 489. Рис. 64*). На некоторых поселениях здесь встречается и славяноидная посуда, например, на селище Мурзицы-1 или поселении Курмыш-4 (*Ахметгалин, Грибов, 2018. С. 86. Табл. 1; Грибов, Ахметгалин, 2010. С. 28*).

Отметим, что древнерусская керамика зафиксирована на болгарских памятниках домонгольского периода центральных районов государства, как на селищах, так и на городищах. Исследователи связывают ее происхождение с территорией Северо-Восточной Руси и датируют, в основном XII–XIII вв., как, например, на Билярском городище (*Кочкина, 1986. С. 121*). Этой же точки зрения придерживается и М. Д. Полубояринова, исследовавшая керамику Булгарского городища. По ее мнению, древнерусская керамика в слоях этого памятника ранее середины XI в. не встречается (*Полубояринова, 1993. С. 53*). Т. А. Хлебникова писала, что эта посуда бытует в Булгаре в домонгольский период, не уточняя нижний ее предел (*Хлебникова, 1996. С. 33. Рис. 16*). На пойменных поселениях в нижнем течении Камы в золотоордынский период древнерусская посуда встречается достаточно часто (*Полубояринова, 1993. С. 44. Рис. 16*).

В конце XX в. в круг памятников со славяноидной керамикой были включены поселения на р. Вятке (*Макаров, 2001*), что не только расширило географию этих находок, но и привело к появлению новой исследовательской парадигмы. В 1980-х — 2000-х гг. марийские археологи, продолжив изучение Мало-Сундырского (Важнангерского) городища, особое внимание уделили керамике этого памятника, в том числе и славяноидной. По их мнению, эта керамика сохранила традиции местного, марийского гончарства при заимствовании форм древнерусской посуды (*Михеева, 2007. С. 320*). По материалам Важнангерского (Мало-Сундырского) городища горшковидная посуда с примесью толченой раковины составляет 20,79 % от подправленной на круге керамики и 8,84% от всей круговой (*Никитина, Михеева, 2006. С. 102*). Аналогичная керамика была выявлена на селищах в округе этого памятника, например, Носельском-III

(Михеев, Михеева, 2016. С. 177, 178). Судя по результатам этих исследований, можно предполагать, что славяноидная керамика в Волго-Камье складывалась и развивалась дивергентно, приобретая свои отличительные черты в отдельных локалитетах.

Представляется, что и в Булгарской области Золотой Орды это явление отличалось дисперсностью и развивалось в промежутке конца XIII — XIV в. Сложившиеся классические формы этих сосудов — горшковидные с низкими пропорциями, отогнутым блоковидным венчиком (Руденко, 2007. С. 355. Рис. 1: 12) наиболее типичны для второй половины XIV — начала XV в.

На пойменных поселениях в низовьях Камы это прослеживается наиболее отчетливо. Большая часть находок здесь фрагментирована, поэтому целесообразно рассмотреть венчики этих артефактов. Они представлены следующими типами (по М. Д. Полубояриновой) — типы I, II, III, VI (Полубояринова, 1993. С. 38–40. Рис. 12, 13, 14) (рис. 1). В отличие от Булгарского городища здесь не встречены типы V, IX, XI, XIII (Полубояринова, 1993. С. 46, 47), но присутствует тип VI. Наиболее часто встречаются венчики блоковидной формы с утолщением, а также с напылом (рис. 1: 5, 8, 13, 14). Сосуды, судя по сохранившимся профилям изделий, достаточно стандартны по форме: плоскодонные, с диаметром венчика 19–22 см. Они изготовлены лепкой в сочетании с подправкой на круге; также встречаются горшки гончарной выделки.

Нужно сказать, что на пойменных поселениях приустьевой части Камы встречается посуда с примесью толченой раковины, но отличных от славяноидной форм, которую Т. А. Хлебникова отнесла к XIX группе (Хлебникова, 1988. С. 44. Рис. 27). Среди них — глубокие округлодонные миски, диаметром 38 см, высотой 11 см, а также небольшие горшочки высотой 14 см и с диаметром горловины 12,5 см, с уплощенным округлым дном (рис. 2: 1, 4). На миске имеется примечательный орнамент в виде неглубоких вдавлений у венчика, сделанных большим пальцем, а также насечек по краю венчика снаружи (рис. 2: 4). Немногочисленны небольшие сосуды с небольшим расширением в нижней части (рис. 2: 2, 3).

Практически всеми исследователями признается, что появление раковинной примеси в булгарской керамике XVIII–XIX групп связано с влиянием пермских традиций гончарства. Но о происхождении раковинной примеси в славяноидной керамике четкого представления нет. Нам представляется, что и в данном случае со славяноидной керамикой Казанского Поволжья источник был тот же — прикамский.

Контакты пермян с булгарами имели место на протяжении всего домонгольского периода, продолжились они и в ордынское время, причем именно в это время в Булгарский улус переселялись группы родановского населения, сохра-

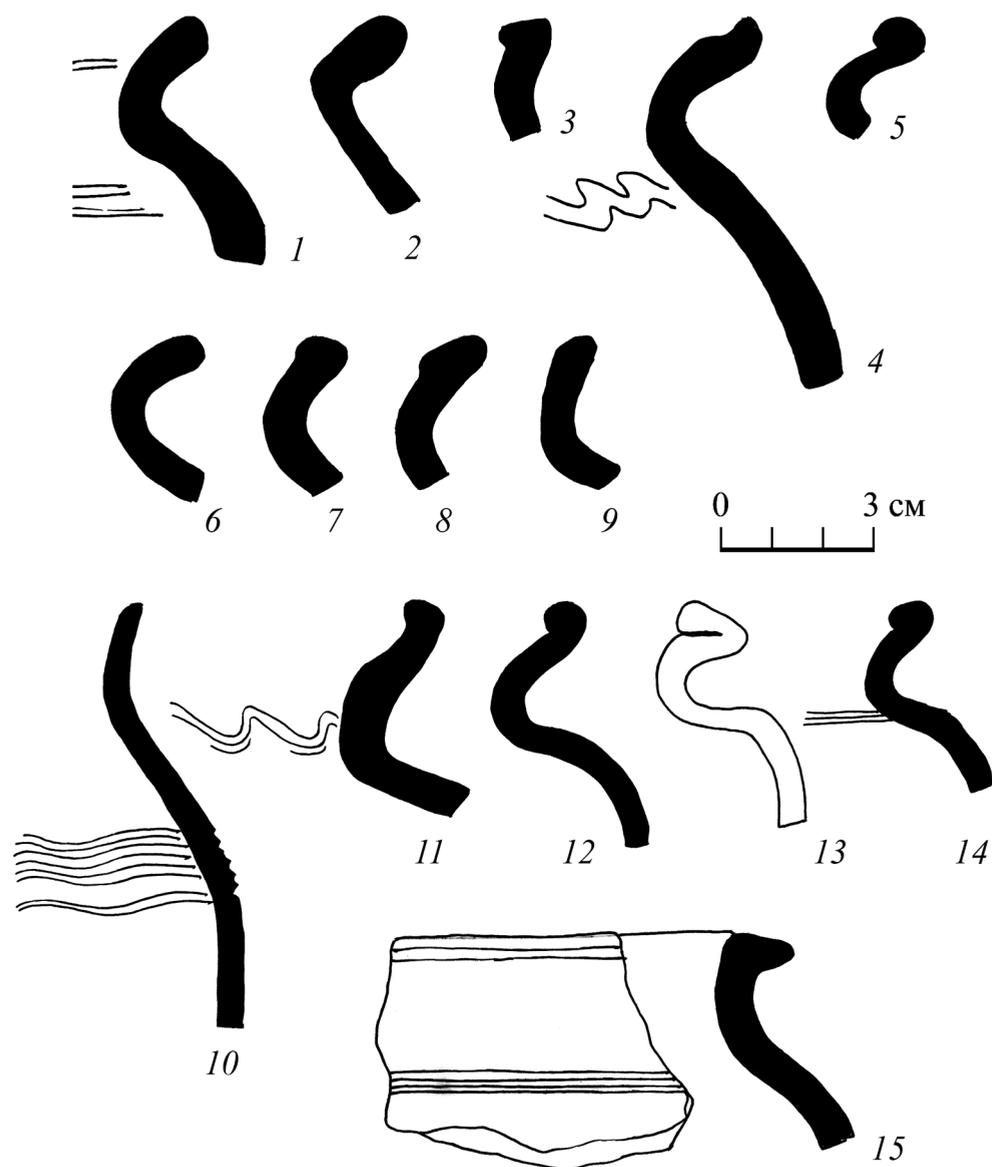

Рис. 1. Венчики славяноидных сосудов с поселений Казанского Поволжья. Селища:

Дамба-I (1-4); Коминтерновское-II (5); Коминтерновское-III (6-9,15); Семеновское (10-14). 1 – АКУ-272/753; 2 – АКУ-272/337; 3 – АКУ-272/388; 4 – АКУ-272/336; 5 – II Ком.с-03/п-58; 6 – III Ком.с.-97/7; 7 – III Ком.с.-81/25; 8 – III Ком.с.-81/23; 9 – III Ком.с.-81/20; 10 – V с.-83/20; 11 – I С.с.-87/п-02; 12 – I С.с.-87/п-05; 13 – V с.-86; 14 – V с.-83/8; 15 – III Ком.с.-97/5

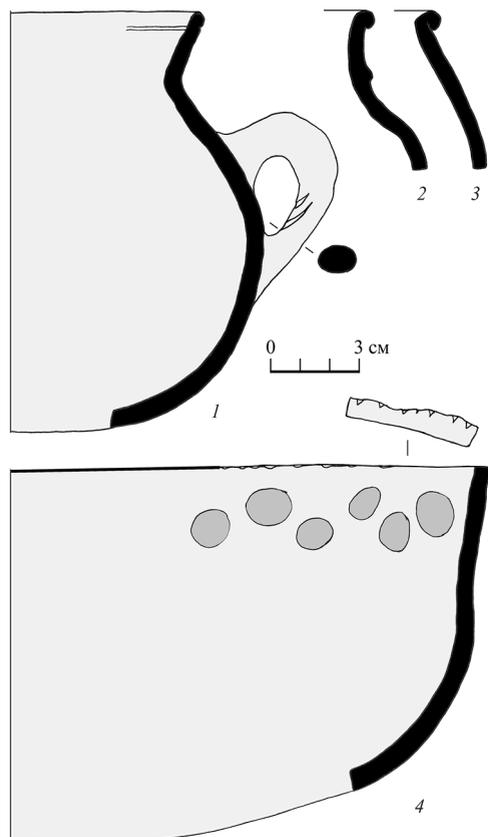

Рис. 2. Сосуды с примесью толченой раковины с пойменных поселений Казанского Поволжья: Семеновский остров (1, 4) и Коминтерновское-II селище (2, 3). 1 — Сем.с.-05; 2 — II Ком.с.-03/п-72; 3 — II Ком.с.-03/п-92; 4 — V С.с.-82

вание пермян здесь было недолгим, и пришлось, видимо, на последнюю треть XIII в. Верхний предел существования этого комплекса приходится на начало XIV в., что подтверждается медным пулом хана Узбека (Нигаматов, 2005. С. 28. Рис. 64: 5; 66: 7; 67: 3–7). По сути, елабужские находки синхронизируются с селищами песчаноостровного типа в низовьях Камы.

Котловидные сосуды с характерными вертикальными ручками, как у родановских прототипов, декорированные гребенчатым штампом, известны на таких поселениях, как Донауровское-II, Коминтерновское-II, Лаишевское селища (рис. 3: 3). Развитием этой формы посуды были сосуды с полочковид-

нявшие этнические традиции в материальной культуре. Ранних «чистых» комплексов известно немного. Это, прежде всего, пойменное селище «Песчаный остров» последней трети XIII — начала XIV в. в Алексеевском районе Татарстана, исследованное К. А. Руденко в 1992–1994 гг. (Руденко, 1994. С. 121–139; 1998. С. 60–71).

Путь движения пермских групп населения кустью Камы прослеживается по находкам в г. Елабуге, где при раскопках были выявлены лепные родановские котлы с характерными петлевыми ручками, котловидные и чашевидные сосуды, некоторые из которых имели полочковидные ручки, украшенные гребенчатым орнаментом, либо аналогичные ручки, но со специфическим гребнем (Нигаматов, 2005. Рис. 64: 4; 65: 1, 2, 4, 5). Большинство их декорировано оттисками гребенчатого штампа — «шагающей гребенкой» или «елочкой» (Нигаматов, 2005. Рис. 70: 1, 4). Здесь же изучены хозяйственные постройки, где пермская керамика составляла 67%. Судя по тому, что на этом памятнике нет гибридных форм и дериватов, то, скорее всего, пребы-

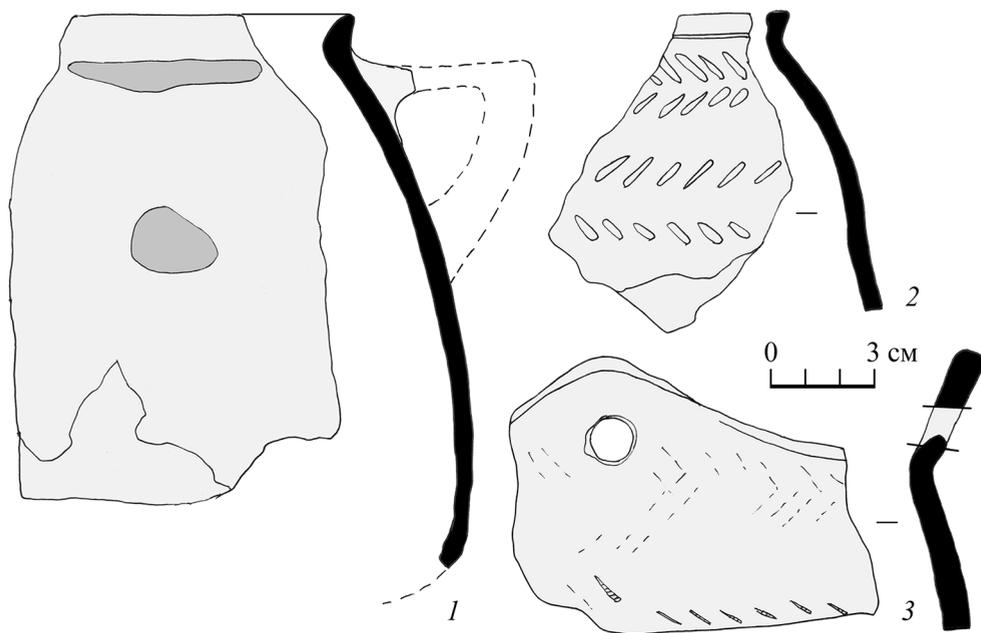

Рис. 3. Керамика с толченой раковинной с Коминтерновских-II, III (1, 2) и Семеновского-V (3) селищ. 1 - X.c.-81/25; 2 - III К.с.-01/п-01; 3 - V Сем.с.-90/1

ными ручками (рис. 3: 1), тесто которых содержит примесь только толченой раковины. Некоторые из них украшались оттисками гребенчатого или личинковидного штампа. Венчик, как правило, низкий с небольшим утолщением (рис. 3, 2).

Дальнейшая эволюция родановской керамики на нижней Каме привела к появлению XVIII группы болгарской керамики (по Т. А. Хлебниковой), встречающейся широко как на памятниках Предкамья — Русско-Урматское и Лаишевское селища; городище Казанский кремль; так и Западного и Центрального Закамья — на селищах Песчаный остров, Коминтерновские-I, II, III; Донауровские-II, III; Бальнгузское-IV и др., Булгарском городище.

Наиболее типичны для XVIII группы округлодонные формы сосудов, выполненные лепкой с подправкой на гончарном круге из глины с заметной примесью крупнозернистого песка, и с добавкой толченой раковины, реже известняка или дресвы, с массивными полочковидными ручками. Сосуды орнаментированы гребенчатым штампом (Жокорина, 1999. С. 206. Рис. 22: 3, 5; Руденко, 1999. С. 90. Рис. 5: 20, 22, 24, 27, 29, 30; Набиуллин, 2011. С. 66–68). По мнению Т. А. Хлебниковой, керамика этой группы обязана своим происхождением населению Пермского Прикамья (Хлебникова, 1988. С. 38). Вместе с

тем, сильная запесоченность теста, характерная для значительной части керамики XVIII группы, дает повод считать это местным маркером, свидетельством адаптации пришлого населения, и его дальнейшей ассимиляции. В этой связи отметим и непосредственную связь пойменных селищ с кочевыми анклавами, которые во многом определяли этнокультурные процессы на этих территориях.

Таким образом, появление славяноидной керамики в классической форме — плоскодонные, горшки, низких пропорций, иногда украшавшиеся линейным или волнистым орнаментом (Руденко, 2007. С. 354), было отражением этнокультурного симбиоза нескольких традиций: пермской (прикамско-финской), русской и поволжско-финской во второй–третьей четверти XIV в. Если говорить о Казанском Поволжье, то изначальный импульс, давший старт ее истории, здесь был связан с пермскими группами населения, появившимися в пойменной части нижнего течения Камы в конце XIII — начале XIV в., оставившими памятники типа «Песчаный остров». Тесные контакты новых насельников края с русским населением в XIV в. привел, собственно, к появлению, а затем и распространению славяноидной керамики в этих землях.

Это происходило на фоне похожих явлений на сопредельных территориях на протяжении XIV в., что, возможно, обусловило развитие сходных форм керамической посуды, но с вариабельностью примесей (включая толченую раковину в тесте) в регионе. В Марийском Поволжье комплекс славяноидной посуды в XIV–XV вв., становится, по сути, этнокультурным признаком средневекового марийского этноса. Свои особенности имелась у этого вида керамики на р. Вятке. В Казанском Поволжье этнокультурная специфика славяноидной посуды оказалась утраченной, и она представляет собой в большей степени явление хронологическое (Руденко, 2007. С. 354), хотя несомненна ее связь с русским компонентом в составе населения Булгарской области Золотой Орды.

Литература

- Ахметгалин Ф. А., Грибов Н. Н., 2013. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Посурья) // ПА. № 4 (6). С. 79–95.
- Галимова М. Ш., Губайдуллин А. М., 2003. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ. С. 191–204.
- Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследователей. Т. 24).
- Грибов Н. Н., Ахметгалин Ф. А., 2010. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. № 4. С. 26–36.

- Казаков Е. П.*, 1988. Булгарские памятники Приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 71–82.
- Казаков Е. П.*, 1993. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 117–129.
- Кокорина Н. А.*, 1994. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 185–213. (АЭМК; вып. 23)
- Кокорина Н. А.*, 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. № 1–2 (4–5). С. 77–102.
- Кокорина Н. А.*, 2004. Керамика Камаевского городища конца XIV — первой половины XVI в. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // ТА. № 1–2 (10–11). С. 47–99.
- Кокорина Н. А.*, 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ. 383 с.
- Кокорина Н. А.*, 2006. Опыт этнической дифференциации так называемой поволжско-финской керамики XIII — XVI вв. (по материалам памятников Заказанья) // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Школа. С. 298–313.
- Кокорина Н. А., Останина Т. И.*, 2000. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Древние Чаллы / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн. С. 76–174.
- Кочкина А. Ф.*, 1986. Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 117–122.
- Макаров Л. Д.*, 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издательский дом. «Удмуртский университет». 140 с.
- Михеев А. В., Михеева А. И.*, 2016. Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. // ПА. № 1(15). С. 169–181.
- Михеева А. И.*, 2007. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино 5–10 августа 2006 года) / Отв. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 311–324.
- Набиуллин Н. Г.*, 2011. Джукетау — город булгар на Каме. Казань: Татарское книжное издательство.

- Нигамаев А. З.*, 2005. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: изд-во университета. 228 с.
- Никитина Т. Б., Михеева А. И.*, 2006. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 196 с.
- Полубояринова М. Д.*, 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 124 с.
- Руденко К. А.*, 1994. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 121–139. (АЭМК; вып. 23)
- Руденко К. А.*, 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / Ред. Ю. А. Зеленева, Г. А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: изд-во МарГУ. С. 60–71.
- Руденко К. А.*, 1999. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск–Глазов: УИИЯЛ УрО РАН. С. 73–102.
- Руденко К. А.*, 2004. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // ТА. № 1–2 (10–11). С. 100–136.
- Руденко К. А.*, 2007. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино 5–10 августа 2006 года) / отв. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 349–355.
- Руденко К. А.*, 2015. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов. Кишинев: Stratum Plus. С. 255–364.
- Руденко К. А.*, 2019. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в Булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // ПА. № 2 (29). С. 96–113. URL: <https://doi.org/10.24852/ра2019.2.28.96.113>.
- Руденко К. А.*, 2022. Пойменные поселения Западного Закамья в XI — начале XV в. и кочевники // Археология евразийских степей. 2022. № 3. С. 175–180. URL: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.3.175.180>.
- Руденко К. А., Шутова Н. И.*, 2013. История археологического изучения Арского района Республики Татарстан // Вестник Пермского университета. С. 116–120. (История; вып. 1)
- Руденко К. А., Шутова Н. И.*, 2013а. Арское городище в Татарстане: индивидуальные находки из раскопок 1983–1984 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований.

Вып. 3 / Науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет». С. 68–77.

Руденко К. А., ШUTOVA Н. И., 2014. Керамика Арского городища // Уральский исторический вестник. № 1 (42). С. 123–132.

Старостин П. Н., Казаков Е. П., 1992. Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: НИИЯЛИ. С. 125–142. (АЭМК; вып. 21)

Хлебникова Т. А., 1967. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари / Отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. С. 148–169. (Труды МарНИИ; вып. XXII)

Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 7–102.

Хузин Ф. Ш., Набиуллин Н. Г., 1999. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 г.) // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн. С. 90–113.

Большаянгийдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье

Н. С. Мясников, Н. Н. Грибов

Резюме. В статье представлены результаты изучения отчетной документации и коллекции раскопок селища Большое Янгильдино, одного из ключевых археологических памятников, привлекаемых для разработки проблемы происхождения чувашского народа. В результате анализа планировки памятника, характерных особенностей сооружений, хронологической атрибуции собранного на нем археологического инвентаря и массового керамического материала сделан вывод о поликультурном облике его материальной культуры. Обоснована некорректность соотнесения Большаянгийдинского селища с «булгарскими» или «древнечувашскими» памятниками. Селище датировано эпохой Золотой Орды, в качестве его наиболее вероятной датировки предложено рассматривать промежуток середины XIV — начала XV в. По составу керамического комплекса селища ассоциировано с кругом единовременных ему памятников, ареал которых охватывает Горномарийский район республики Марий Эл и левобережье Нижней Суры в Нижегородской области.

Ключевые слова: памятники Большаянгийдинского типа, селища, углубленные сооружения, посудная керамика, Чувашско-Марийское Поволжье, эпоха Золотой Орды, Засурье.

В конце 50-х — 60-х годов XX века в северной залесенной части Чувашии была выделена группа памятников развитого средневековья — близких по совокупности археологических признаков. В нее входили Большаянгийдинское, Таутовское, Челкасинское, Убеевское, Янмурзинское селища, могильник «Палаху» и некоторые другие менее изученные объекты. Дискуссия об их датировке и культурной принадлежности, развернувшаяся вскоре после первых раскопок, протекала достаточно остро, т.к. затрагивала проблему происхождения чувашского народа (Хлебникова, 1967; Фахрутдинов, 1971; Смирнов, Корнилов, 1971; Каховский, Смирнов, 1972. С. 162–164; Краснов, 1974). Материалы памятников этого круга активно использовались для освещения целого ряда важнейших тем. Среди них — время и масштабы проникновения болгар на территорию современной Чувашской Республики, локализация западной границы Волжской Булгарии, соотношение финно-угорских и болгарских элементов в традициях местного населения. В фокус обсуждения

попали результаты исследования одного из наиболее изученных к концу 60-х гг. Большеянгельдинского селища.

Первые публикаторы материалов этого памятника (А. П. Смирнов и В. Ф. Каховский) датировали его IX–XII вв., а сам памятник рассматривали в качестве первого в северной части ЧАССР масштабно раскопанного болгарского селища домонгольского времени, что могло служить указанием на вхождение всей территории Чувашии в Волжскую Булгарию (Смирнов, Каховский, 1964. С. 251–253). Их оппонент Р. Г. Фахрутдинов, выявив в результате самостоятельного просмотра музейных коллекций¹ несостоятельность предложенной ранее интерпретации, отрицал принадлежность Большеянгельдинского селища к болгарским памятникам и определил его как поселение «... местного чувашского населения XIII–XIV вв.» (Фахрутдинов, 1971. С. 185). По мнению исследователя, болгары заселяли лишь юго-восток Чувашии, а в материалах памятников круга Большого Янгильдино прослеживается лишь влияние традиций Волжской Булгарии (Фахрутдинов, 1971. С. 201). Позднее В. Ф. Каховский и А. П. Смирнов признали невысокий «...удельный вес материальных остатков болгарской культуры...» на памятниках бассейна рек Большой и Малый Цивиль, а в качестве их главной культурной доминанты выделили позднегородецкий («финно-угорский») элемент (Каховский, Смирнов, 1972. С. 159). По мнению авторов, существенным в специфике этих памятников является интеграция болгарского и позднегородецкого элементов, а не доминирование первого над вторым.

Синкретичность и одновременно самобытность феномена памятников лесной части Чувашии золотоордынского времени, подчеркивал Ю. А. Краснов. По его мнению, их культурный облик, скорее, результат синтеза органически сочетающихся болгарских и местных финно-угорских традиций (с присутствием русского компонента), чем производная внешних заимствований или влияний. Керамику памятников Большеянгельдинского круга он определил как «древнечувашский керамический комплекс» (Краснов, 1974. С. 119). Сходную культурную специфику он попытался проследить в конструкции построек, планировке жилищ, бытовых предметах и деталях одежды из ранних слоев г. Чебоксары (XIII–XV вв.), в смешанных чертах погребальной обрядности наиболее ранних (XV в.) погребений чувашских могильников (Краснов, 1974. С. 120–123; Краснов, Каховский, 1978. С. 160–166).

В 1990–2000-е гг. в изучении археологии Чувашии наступил новый период. После трагической гибели В. Ф. Каховского (1993 г.) расширился круг иссле-

¹ Керамика из раскопок Большеянгельдинского селища, вместе с автором статьи 1971 г., была просмотрена и охарактеризована Т. А. Хлебниковой (см. Фахрутдинов, 1971. С. 181).

дователей, были открыты и изучены новые, сходные с селищем у д. Большое Янгильдино, поселения (Сюрбей-Токаевское селище, Козловское городище). При обращении к этнокультурной ситуации в Чувашско-Марийском Поволжье в эпоху Золотой Орды исследователи по-прежнему отмечают смешанный характер культурного облика поселений северной части Чувашии, однако, в качестве основы их новых интерпретаций, как правило, используются первоначальные взгляды В. Ф. Каховского и А. П. Смирнова (1964 г.) (*Краснов*, 2001; *Семенов*, *Федулов*, 2011). По-прежнему материалы Большеянгильдинского селища привлекают особое внимание авторов этногенетических построений. В трудах по происхождению чувашского народа они занимают одно из центральных мест (см.: *Каховский*, 2017. С. 20, 277–281; *Краснов*, 1974. С. 118–119; *Хузин*, 2012. С. 39–40). В одной из публикаций предлагается выделить памятники круга Б. Янгильдино в особый тип — фиксирующий преемственную связь материальной культуры болгар и чувашского народа (*Хузин*, 2012. С. 41–42). Находки именно из Б. Янгильдино были выбраны В. П. Ивановым в качестве иллюстрации домонгольского этапа (X–XII вв.) истории чувашского народа в последнем на сегодняшний день обобщающем академическом издании о чувашах (*Чуваши*, 2017. С. 18–19).

В этой связи приобретает актуальность очередное источниковедческое обращение к материалам раскопок этого памятника конца 50-х — 60-х годов XX века. Целью настоящей работы является попытка дать хронологическую и историко-культурную атрибуцию материалов Большеянгильдинского селища исходя из современных научных представлений, найти их место в синхронных древностях региона, ответить на вопрос о возможности и необходимости выделения памятников Большеянгильдинского типа. Возобновляя работу, начатую Т. А. Хлебниковой и Р. Г. Фахрутдиновым, авторы изучили коллекции раскопок 1958–1961 гг. в фондах Чувашского национального музея², отчетную документацию, полевые дневники и коллекционные описи из научного архива ЧГИГН.

Селище у д. Большое Янгильдино располагается в 15 км к югу от г. Чебоксары на правом распаиваемом берегу р. Сетнерка, в 0,6 км от устья ее притока р. Рыкши (рис. 1). Размеры памятника, заявленные в текстах его описания, — 250х150 м. Следует отметить, что они существенно отличаются от габаритов площадки памятника на топографическом плане (110х40 м, площадь не более 4400 кв.м). Памятник обнаружен в 1957 г. известным краеведом, автором от-

² Авторы выражают благодарность директору Чувашского национального музея И. П. Меньшиковой и заведующему отделу археологии А. В. Волкову за возможность изучения фондовых материалов.

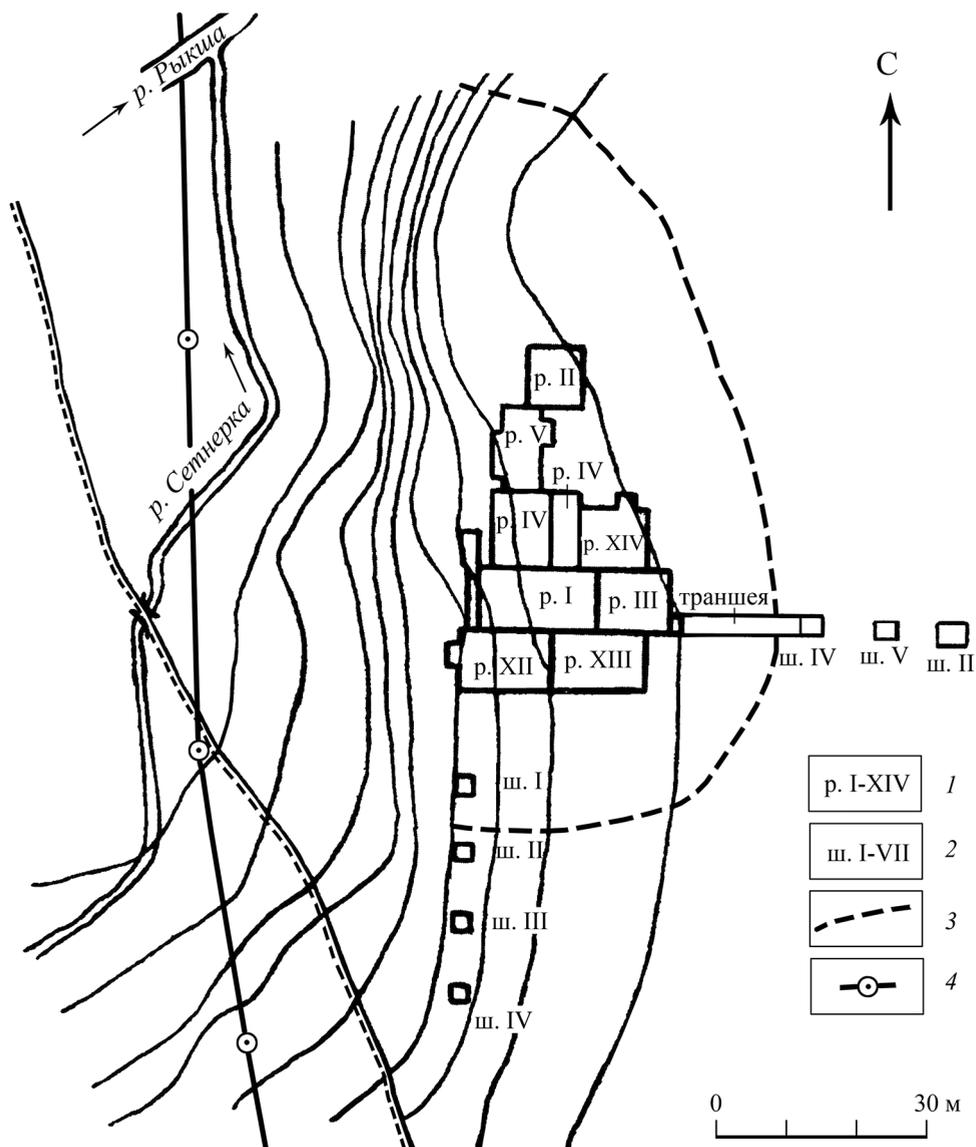

Рис. 1. Селище Большое Янгильдино. Топографический план (съёмка рубежа 50-х-60-х гг. XX века) Сечение горизонталей 1м. 1 – раскопы 1-14; 2 – шурфы 1-7; 3 – граница памятника; 4 – ЛЭП.

крытия двух сотен археологических памятников Чувашии П. Т. Трифоновым. Его последующее изучение проводилось под руководством профессиональных археологов — А. П. Смирнова и В. Ф. Каховского. В 1958, 1959 гг. на селище были выполнены небольшие разведочные изыскания, в 1960, 1961 гг. — мас-

штабные раскопки. В 1960 г. исследованы раскопы I–VIII, в 1961 г. — раскопы XI–XIV. В имеющейся отчетной документации и научных статьях, посвященных памятнику, какая-либо информация о раскопах IX и X отсутствует. Совокупность доступных данных по археологическим вскрытиям, проведенным на памятнике, включает материалы 12-ти раскопов, одной траншеи и пяти шурфов. Суммарная изученная раскопками площадь — 1492 кв.м. Культурный слой памятника переотложен многолетней распашкой и в непо потревоженном виде сохранился преимущественно в виде заполнения материковых ям. По расположению последних сделан вывод о бессистемной планировке поселения, близкой к известной по этнографии кучевой (гнездовой) планировке чувашских селений (Смирнов, Каховский, 1964. С. 252–253). Отсутствие видимой регулярности в размещении отдельных построек и дворов является традиционной чертой планировки сельских поселений лесной зоны и зоны лесостепи Восточной Европы, характерной для поселенческих памятников мордвы, марийцев, удмуртов и русских.

Каховский В. Ф. и Смирнов А. П. выделили на раскопанной части памятника (в 12-ти раскопах) 18 объектов, соотнесенных с остатками определенных построек и сооружений (рис. 2). Как правило, это различным образом ориентированные котлованы овальной или подпрямоугольной формы со скругленными углами и размерами от 2х1 м до 5х2 м и глубиной более 0,5 м.

Критические замечания, высказанные в трудах Р. Г. Фахрутдинова, Т. А. Хлебниковой и Ю. А. Краснова по поводу этнокультурной и хронологической атрибуции памятника, опирались, главным образом, на результаты изучения индивидуальных находок и керамики. Рассмотрение атрибуции построек и сооружений Большеянгильдинского селища, предложенной В. Ф. Каховским и А. П. Смирновым, в плане состоятельности и надежности выводов, пока не проводилось³. Однако, оно необходимо для целостного восприятия материалов раскопок этого памятника.

Согласно классификации В. Ф. Каховского и А. П. Смирнова, раскопанные на селище объекты представляют собой остатки жилых и хозяйственных сооружений нескольких видов. К жилым постройкам отнесены: 1) наземные

³ К критическим замечаниям такого рода можно отнести отмеченную Р. Г. Фахрутдиновым некорректность сопоставления авторами раскопок Большеянгильдинских построек с болгарскими исключительно на основе того, что те и другие были деревянными (Фахрутдинов, 1971. С. 185). Кроме того, Ф. Ш. Хузин предложил отказаться от интерпретации отдельных построек Большого Янгильдино как юртообразных жилищ на основании доказанного ордынского времени существования памятника и его не болгарской атрибуции (Хузин, 2012. С. 39).

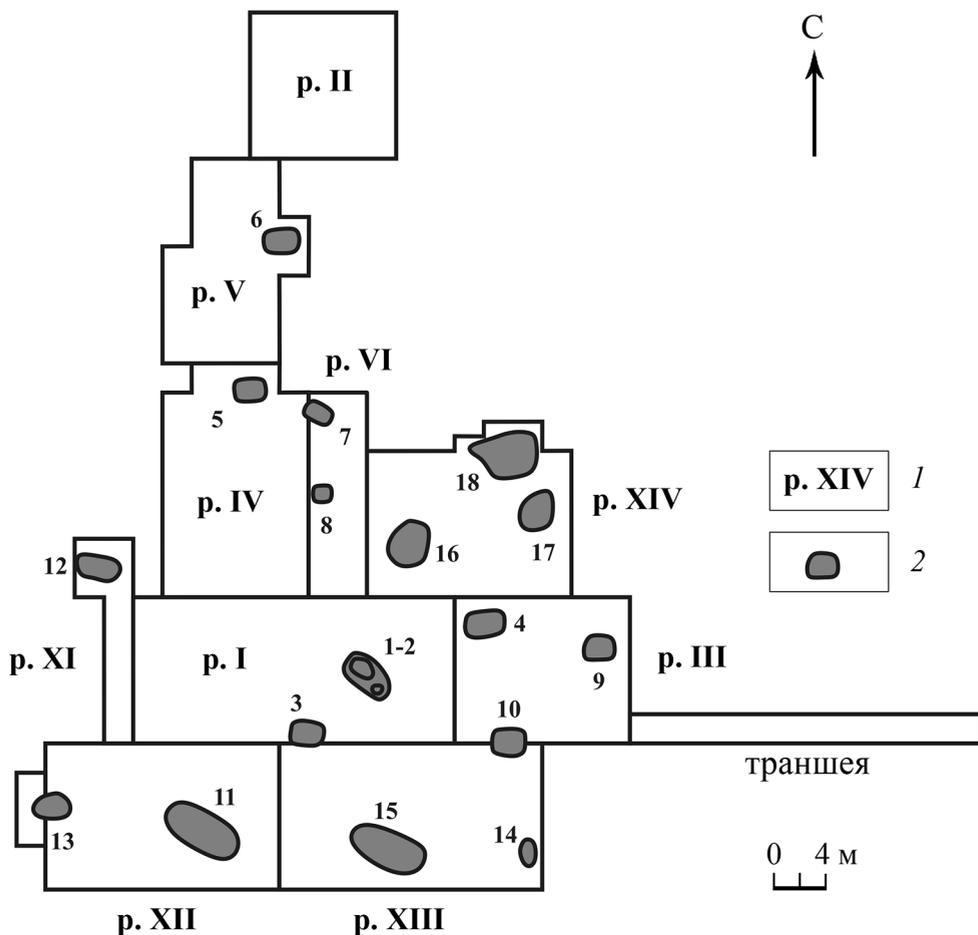

Рис. 2. Селище Большое Янгильдино. Общий план раскопок

1 — раскопки 1–14; 2 — сооружения 1–18.

с глинобитными стенами с подпольями и печами⁴ — прямоугольные (восемь сооружений — № 1, 3, 5, 6б, 11 (без печи), 12, 13, 18) и куртообразные (три соо-

⁴ Примечательно, что в отчете 1960 г. большая часть раскопанных объектов интерпретировалась В. Ф. Каховским как полуземлянки (Каховский, 1960. Л. 9–26). В тексте отчета 1961 г. уже говорится о том, что 6 из 7 жилищ, раскопанных в 1960 г. представляли собой наземные постройки (глинобитные дома и сруб) (Каховский, 1961. Л. 3) и в целом текст отчета практически идентичен публикации. По-видимому, интерпретация объектов претерпевала изменения по ходу полевых исследований.

ружения — № 6а, 16, 17); 2) полуземляночные (полуземлянка с открытым очагом — № 9). Хозяйственные сооружения представлены хозяйственными ямами (четыре сооружения — № 2 (чулан), 7, 8 (погреб?)), подполом постройки без следов отопительного устройства (№ 10 (погреб?)) и летней кухней с очагом (№ 4). Конструкцию и назначение одного объекта (№ 15) авторам раскопок определить не удалось (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 245*).

Атрибуция перечисленных выше сооружений основывается на авторской интерпретации отдельных структур и включений, встреченных в культурных отложениях памятника, на специфике форм котлованов отдельных материковых ям, приуроченности к ним следов опорных столбов, их расположении.

Ключевой находкой для атрибуции остатков деревянных перекрытий кровли наземных построек, остатков стен или следов изгородей стали зафиксированные на материке нескольких раскопок полосы так называемого древесного тлена (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 228, 229, 233, 244–245*). Полосы представляли собой узкие параллельные друг другу (до 5–6 рядов) темные продолговатые пятна неоднородного грунта шириной по 10–25 см и длиной до 8 м. Как правило, эти полосы были вытянуты по линии север-юг и отстояли друг от друга на 30–100 см (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 233. Рис. 6*). Образующий их грунт, по замечанию авторов раскопок, включал в себя вкрапления «...песчаника, угольков, кусков обожженной глины», т.е. типичные включения средневекового культурного слоя, но не остатки древесины. Отмеченные авторами раскопок полосы «древесного тлена», по их описанию, более схожи со следами обычной распашки, чем с остатками элементов кровли или изгородей. В подкрепление этой версии можно отметить, что еще О. Н. Бадер и А. Х. Халиков отмечали ошибочную интерпретацию следов борозд распашки, предложенную В. Ф. Каховским и А. П. Смирновым при описании раскопок поселения эпохи бронзы Шоркино⁵, которое раскапывалось в то же время, что и селище Большое Янгильдино (1958–1959-е гг.) (*Бадер, Халиков, 1976. С. 44*). Однако, именно эти «полосы древесного тлена» были приняты В. Ф. Каховским и А. П. Смирновым за следы жердей, «...разбросанных вокруг жилища», что стало единственным, и, следует признать, весьма спорным основанием для реконструкции конусовидных и даже крытых соломой крыш построек Большеянгильдинского селища (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 229, 240, 248*).

Другим спорным доводом, позволяющим, по мнению указанных авторов, выделить среди сооружений памятника постройки с глинобитными стенами, являются находки комков обожженной глины и отвердевшей из-за обжига

⁵ Тогда следы пахоты были интерпретированы как остатки бревенчатого настила сооружения длиной 52 (!) м.

глиняной обмазки. Судя по составленным описаниям и планам, эти включения никогда не очерчивали сколько-нибудь правильный абрис, который можно было бы принять за обводы наземной части постройки. Как правило, они фиксировались либо на уровне выявления пятен материковых ям, либо в их заполнениях. В последнем случае комки отвердевшей обожженной глины залежали в виде вогнутых линз (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 228), которые, скорее всего, можно принять за развалы глинобитных печей, поставленных над подпечными ямами. Следует отметить, что линзы печных развалов повсеместно встречаются в заполнениях сооружений XIII–XV вв. Для отдельных сооружений авторы раскопок аналогичным образом интерпретировали соответствующие включения, замечая, что обожженная глина образует развалы глинобитных печей.

При описании подполья постройки № 5 в качестве остатков глинобитных стен ее наземной части предлагается рассматривать две линзы глины, расчищенные в заполнении ниже печного развала (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 232–233). Вопрос о том, каким образом остатки наземных глинобитных стен оказались под развалом глинобитной печи оставлен без ответа. В двух случаях В. Ф. Каховский и А. П. Смирнов совокупность небольших столбовых ям, выявленных по контуру материковой ямы, интерпретируют как следы каркаса плетневых глинобитных стен сооружения (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 229, 242. Рис. 13). Однако, это контуры подполий, а не наземных частей сооружений, что признают и сами авторы. В раскопе XII контур постройки маркирован столбовыми ямами, но вблизи от них нет каких-либо скоплений остатков глиняной обмазки, которая в случае наличия глинобитных стен, должна была сохраниться в виде полос или хотя бы развалов аморфных очертаний. Какие-либо включения сырцово-обожженной глины не были встречены при изучении сооружений № 9 и 11 (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 236–237, 242). Однако и для этих объектов сделан вывод о наличии у них глинобитных стен.

Приводимые авторами аналогии как прямоугольным, так и округлым постройкам Большеянгельдинского селища не корректны. По мнению А. П. Смирнова и В. Ф. Каховского, подобные им «...глинобитные сооружения были открыты также на болгарских селищах у с. Березовки и близ с. Криуши» (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 249). Однако у с. Березовка А. Е. Алиховой было изучено русское селище XIII–XIV вв. с наземными постройками без подполий с глинобитными печами и землянками (*Алихова*, 1960. С. 199, 200), а на болгарском поселении у с. Криуши Н. В. Тухтиной описана одна прямоугольная полуземлянка с глинобитной печью и, возможно, с обмазанной глиной двухскатной кровлей без подпольной ямы (*Тухтина*, 1960. С. 146–148. Рис. 1). Глинобитные (или турлучные по классификации Р. Ф. Шарифуллина) жилища действитель-

но изредка встречаются на домонгольских болгарских памятниках. Для них характерны большие размеры (до 40 кв. м), наличие плетня, глинистые развалы и печи-тандыры (*Полубояринова*, 2016. С. 182; *Шарифуллин*, 1993. С. 70, 72; *Хузин*, 2001. С. 259–262). Все эти признаки отсутствуют у построек селища Большое Янгильдино, что не позволяет отождествить хотя бы часть из них с известными по раскопкам глинобитными жилищами болгарских поселений.

Нельзя признать обоснованным и вывод о юртообразной конструкции трех построек (№ 6, 16, 17) Большеянгильдинского селища. Смирнов А. П. и Каховский В. Ф. без ссылок на публикации соответствующих материалов отмечали присутствие юртообразных жилищ на средневековых памятниках Волго-Камья, которые связывали с пережитками кочевого быта волжских болгар в начале процесса седентеризации (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 249). По данным Н. Я. Мерперта, известно об открытии в районе Кайбельского могильника второй половины VIII в. поселения «...с остатками юртообразных жилищ» (*Мерперт*, 1957. С. 35). Для юртообразных построек, изученных в ранних слоях гг. Биляра, Булгара, Муромского городка характерны легкая заглубленность в грунт (от 20–25 до 40–60 см) всего сооружения, его круглая форма с диаметром от 1,1 до 4,5 м, отсутствие подпольев и печей, наличие расположенных по периметру следов легкого каркаса из жердей в виде небольших столбовых ям с поперечником от 3 до 15 см (*Полубояринова*, 2016. С. 179–181; *Хузин*, 2001. С. 258–259). Раскопанные в Большом Янгильдино постройки не соответствуют указанным признакам. Так, вывод о юртообразности постройки № 16 основан на округлой форме связанной с ним подпольной ямы с включением печины в заполнении и пяти небольших ямок, расположенных вокруг контура верхних кромок ее бортов (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 245–246. Рис. 16–I). Судя по сохранившемуся чертежу, котлован подполья постройки № 16, как и другие материковые ямы, расчищенные на памятнике, по форме может быть соотнесен с подпрямоугольной фигурой, имеющей скругленные углы. В любом случае, контуры подполья не тождественны абрису самой постройки (ее наземной части). Заключение о юртообразности другого сооружения, постройки № 17, сделано только на основании округлых очертаний связанного с ней искусственного котлована; последний не сопровождался следами вкопанных жердей деревянного каркаса (столбовых ям) (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 246–247). Наиболее непонятны основания отождествления с юртой постройки № 6, которую определяет подквадратная материковая яма (подполье) (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 234).

Еще одним посылом для интерпретации Большеянгильдинского селища как болгарского памятника является атрибуция сооружения № 4 как летней кухни, аналогичной чувашскому «лаç» (*Смирнов, Каховский*, 1964. С. 230).

Обоснованием этому служит наличие открытого очага, обустроенного на ступенчатом углублении дна материкового котлована. Однако в публикации материалов раскопок и в научном отчете отсутствуют чертежи плана и разреза данного сооружения⁶. Возможно, перед нами остатки очередного подполья, хотя вполне может быть, что это и постройка с открытым очагом. Безусловно, наличие открытого очага не является достаточным основанием для интерпретации сооружения как летней кухни. Для утверждения этого представляется необходимым определить место данной конструкции в системе планировки всей усадьбы, что сделать на материалах раскопок не представляется возможным с надлежащей надежностью. Постройки типа летних кухонь известны по удмуртской, марийской, мордовской, башкирской и татарской этнографии. Как правило, это небольшие строения с открытым очагом, обложенным камнями, с земляным полом без стен и потолка (*Медведев, 2014*). В сооружении № 4 авторы отмечают наличие переводин и деревянного пола, а очаг без следов каменной обкладки зафиксирован в углублении. Все это противоречит облику летних кухонь, известных по этнографическим материалам. Более логичной представляется версия о мало углубленном подполье, перекрытом половым настилом, переводины от которого были прослежены в данном сооружении.

Представляются не обоснованными атрибуции объектов № 11 и 17 как жилых построек. В одном из них (№ 11) отсутствовали какие-либо следы присутствия отопительного устройства (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 242*). В описании другого (№ 17) упоминается печь, с которой предположительно может быть связан только зольник, расчищенный в заполнении подпольной ямы, глиняной обмазки или печины в ней не обнаружено (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 246–247*).

В двух случаях в заполнении подполий, наряду с другими кухонными остатками (керамикой, костями животных) обнаружены черепа лошадей, в одном, рядом с очагом, — нижняя челюсть лошади. В. Ф. Каховский и А. П. Смирнов интерпретировали эти находки как обереги (*Смирнов, Каховский, 1964. С. 229, 237, 245*). Однозначность такой атрибуции также представляется сомнительной: черепа лошадей могли попасть в заполнение котлованов сооружений и в составе обычных кухонных отходов. Среди последних авторы упоминают челюсть свиньи, но не наделяют ее каким-либо сакральным значением.

Таким образом, предложенная В. Ф. Каховским и А. П. Смирновым атрибуция сооружений, раскопанных на памятнике, не может быть признана достаточно обоснованной. Приведенные авторами аналогии, скорее противоречат

⁶ В отчетах, хранящихся в научном архиве ЧГИГН (*Каховский, 1960, 1961*) нет отдельных планов и профилей сооружений № 3–4, 11–14.

сделанным заключениям, чем подтверждают их. Привлекая к сопоставлению соответствующие материалы известных болгарских памятников среди сооружений селища Большое Янгильдино сложно выделить и глинобитные постройки, и юртообразные жилища. Памятник представлял собой небольшое поселение на берегу реки, бессистемно застроенное хозяйственными и жилыми постройками, скорее всего, срубной и (или) каркасно-столбовой конструкции с глинобитными печами, поставленными над подпечными ямами или подпольями-погребями. Обратимся теперь к рассмотрению комплекса вещевых находок и керамики.

Среди индивидуальных находок в коллекции памятника преобладают предметы из железа. Это черенковые ножи с клиновидным сечением лезвия и их фрагменты, серп, ножницы, грызла от удил, плоский черешковый ромбовидный наконечник стрелы без упора новгородского типа, скобы, фрагмент цепи, цилиндрические замки. Для хронологической и культурной атрибуции памятника наибольший интерес представляют следующие находки: два железных цилиндрических навесных замка, сохранившихся с утратами; бронзовая бляха от головного убора, бронзовый нательный крест, бронзовая пряжка, бронзовый браслет (рис. 3).

Один из цилиндрических замков по расположению и форме ключевого отверстия, вероятно, относится к типу Г (по Новгородской классификации) и датируется промежутком конца XIII — начала XV в. (*Колчин*, 1959. С. 82). Второй замок отличается вертикальным квадратным щитком, приваренным на донце с ключевым отверстием. По расположению пружин и ключевому отверстию он также соответствует новгородским замкам типа Г, но отличается от них формой щитка. Цилиндрические замки с квадратным (или близким к квадрату) щитком известны из золотоордынских слоев г. Болгара (*Савченкова*, 1996. С. 41. Рис. 14: 7), золотоордынского селища Разбойничий Остров (*Руденко*, 2001. С. 177. Рис. 18: 15), из раскопок г. Тверь (*Ланшин*, 2009. С. 82, 6), русского селища конца XIII — начала XV в. Ближнее Константиново-1, раскопанного вблизи г. Нижнего Новгорода (*Грибов*, 1996. Рис. 140). Бронзовая бляха от головного убора — с выпуклой серединой, имеющей огранение, изготовлена в виде восьмилопастной розетки. Подобные нашивные украшения высоких конических шапок хорошо известны по материалам г. Болгара, где встречены даже створки литейных форм для их отливки (*Полякова*, 1996. С. 169). Известны покладам XIV — начала XV в. Встреченный на памятнике нательный крест — равносторонний, криновидный с дополнительными шарообразными утолщениями на завершениях лопастей. В русских городах кресты-тельники такой формы, вероятно, появились еще во второй половине XII — начале XIII в.: одна находка такого рода происходит из переотложенно-

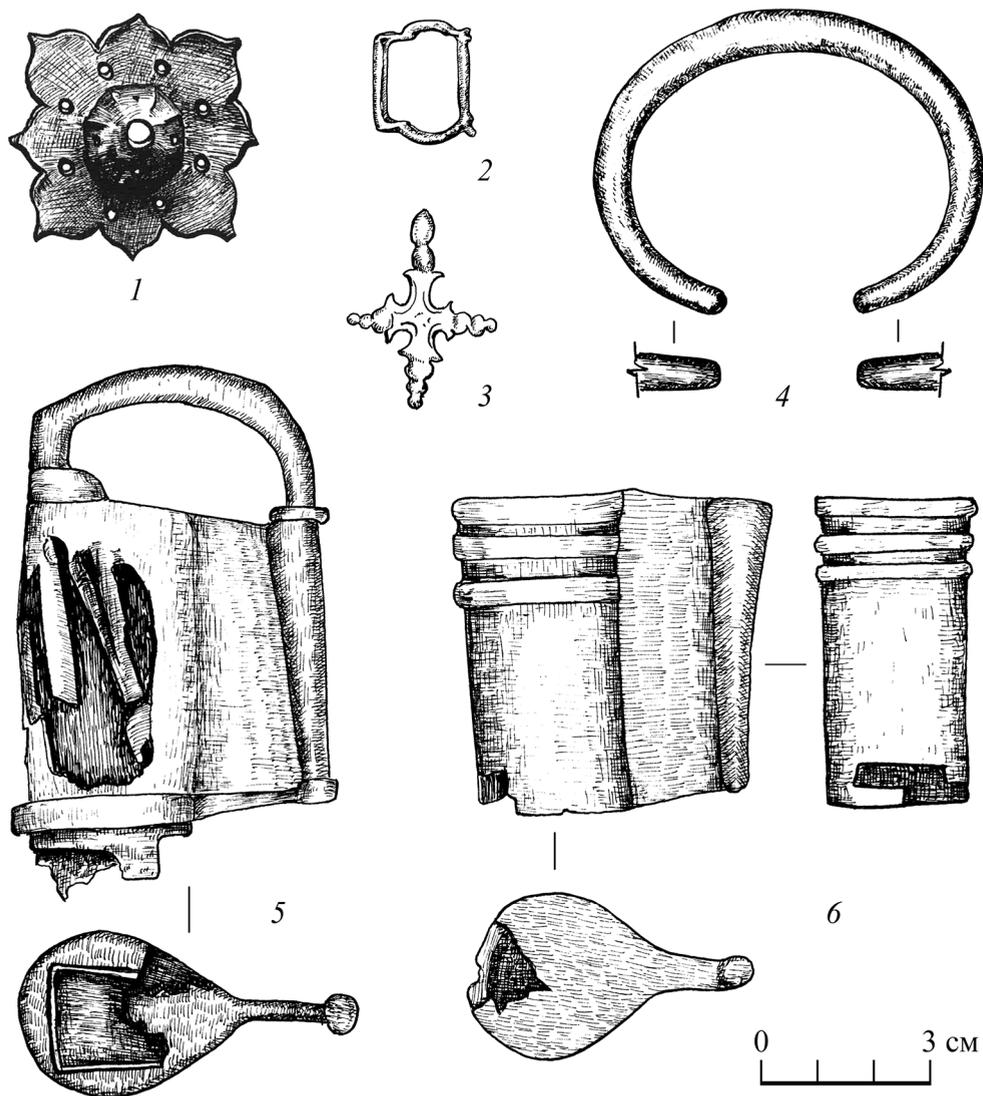

Рис. 3. Индивидуальные находки из раскопок селища Большое Янгильдино

1 — бляха от головного убора, 2 — пряжка, 3 — нательный крест, 4 — браслет; 5, 6 — замки. Бронза: 1–4. Железо: 5, 6.

го слоя указанного выше хронологического промежутка Великого Новгорода (Олейников, 2019. С. 340, 336. Рис. 4: 22). От креста из Большого Янгильдино она отличается двухсторонним оформлением и подчеркнuto обуженными лопастями. Нательный крест из селища Большое Янгильдино по своим стилистическим особенностям относится к более позднему варианту данного типа,

характерному для комплексов эпохи Золотой Орды. Они известны по раскопкам селища XIV–XVI вв. Поддубье в Тверской области (*Рыбакова*, 2016. С. 264. Рис. 7: 2); средневекового поселения второй половины XII — первой половины XV в. Настасьино в Московской области (Средневековое поселение ... 2004. С. 266. Рис. 93: 13), вятского городища Никулицын второй половины XIII — XV в. (*Макаров*, 2001. С. 103. Рис. 59: 2), поселения Целыковка-2 второй половины XIV — середины XV в. в Подонье (*Тропин*, 2019. С. 91. Рис. 39: 3), марийского городища XIV–XV вв. Аламнер (*Никитина, Михеева*, 2006. С. 129, 130. Рис. 55). Бронзовая литая пряжка — лировидная с небольшими выступами в углах спрямленной части рамки. Пряжки такой формы встречены в золотоордынских слоях г. Болгара, в раскопах Селитренного городища (*Полякова*, 1996. С. 203. Рис. 66: 4. С. 219. Тип В-16-3), в селищах Ближнее Константиново-1 (*Грибов*, 1996. Рис. 129), Поддубье (*Рыбакова*, 2016. С. 264. Рис. 7: 7), в сельских памятниках XII–XIV вв. Тамбовской области (*Андреев*, 2005. С. 78. Рис. 7: 20). Бронзовый, из медносодержащего сплава белого цвета, браслет — несомкнутый массивный дровотый овального сечения со слегка зауженными округлыми концами. Подобные украшения характерны для мордовских могильников бассейна р. Тёши XI–XIII вв. (*Мартьянов*, 1998. С. 100; *Жиганов*, 1959. С. 84). Встречены они и на предмонгольских Золотарёвском и Саровском городищах (*Белорыбкин*, 2001. С. 55. Рис. 32: 1, 2; *Грибов*, 2003. С. 439. Рис. 1: 2), в мордовских могильниках Заречное-2 и Младший Кужендеевский (*Мартьянов*, 1998. Рис. 4: 22; 8: 17; 11: 21; 12: 20; 14: 4; 16: 29; 22: 17; *Жиганов*, 1959. С. 85. Табл. 35: 13).

Перейдем к рассмотрению посудной керамики памятника. Для ее характеристики изучено 893 фрагмента сосудов из заполнений 12 материковых ям.

По сочетанию способа формовки, характера обжига и виду основного отощителя теста керамическая посуда селища Большое Янгильдино может быть разделена на пять стилистико-технологических групп. Доминируют обломки круговой посредственно обожженной гончарной посуды с тремя доминирующими видами минерального отощителя, к которым относится 93,3% керамики из углубленных сооружений памятника.

Фрагменты круговых сосудов посредственного обжига с примесью шамота (который в ряде случаев сочетается с грубозернистым песком) преобладают на селище (43,1%). По профилировке большинство горловин таких сосудов напоминают русские горшки XIII — начала XV в. (рис. 4: 1–12). Отдельные сосуды с короткими, плавно отогнутыми наружу, венчиками без краевых утолщений ассоциируются с известными образцами мордовской керамики. Орнамент редок; как правило, он представлен одинарной волнистой или зигзаговидной линией на плечике.

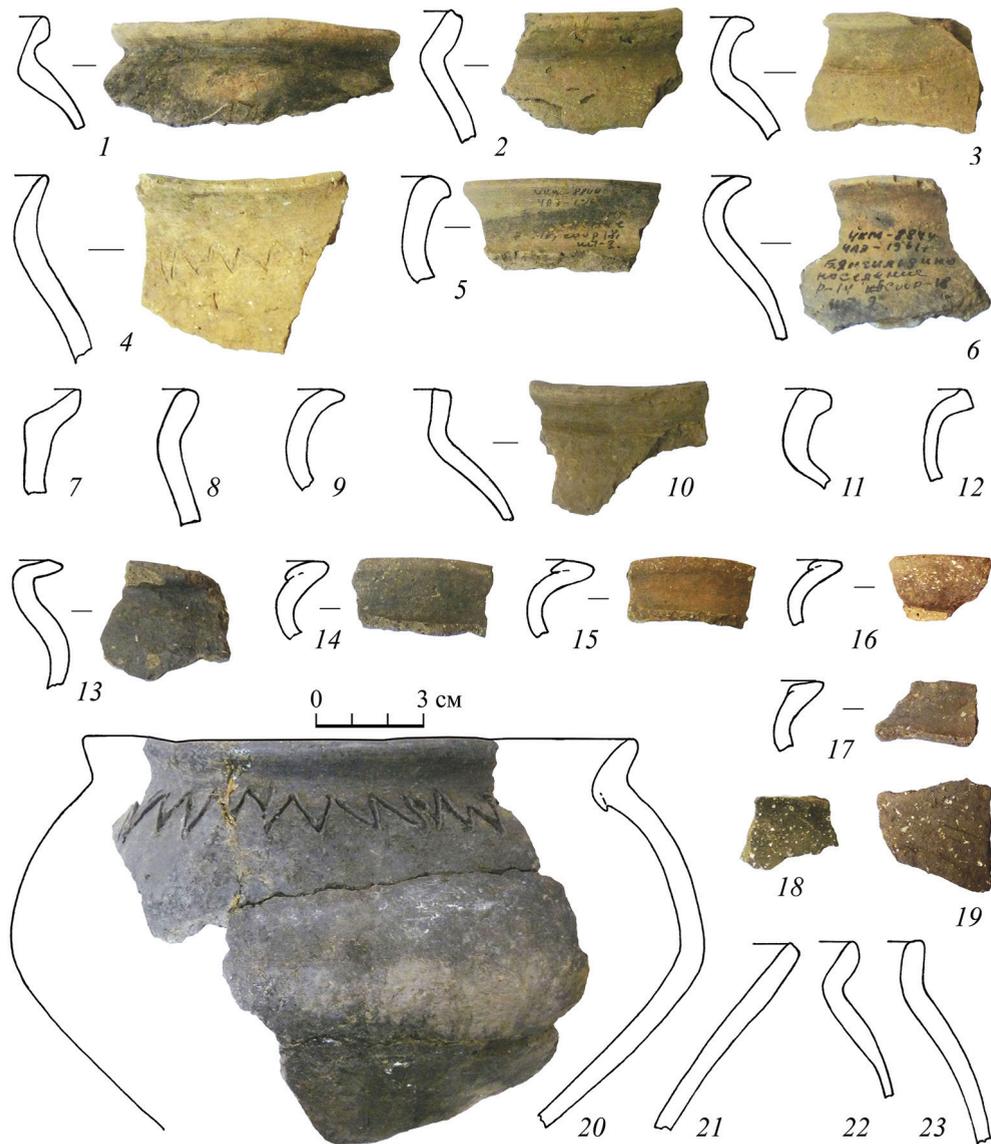

Рис. 4. Селище Большое Янгильдино. Образцы посудной керамики: гончарной с примесью шамота — 1–12; гончарной с примесью толчёной раковины — 13–19; лепной с примесью шамота — 20–23.

Второй распространенный вид отошителя представлен грубозернистым песком (часто — с включением мелкого гравия) или дресвой магматических горных пород (с зернами кварца и полевого шпата), очевидно, моренного происхождения. Набор форм верхних частей таких достаточно распространенных

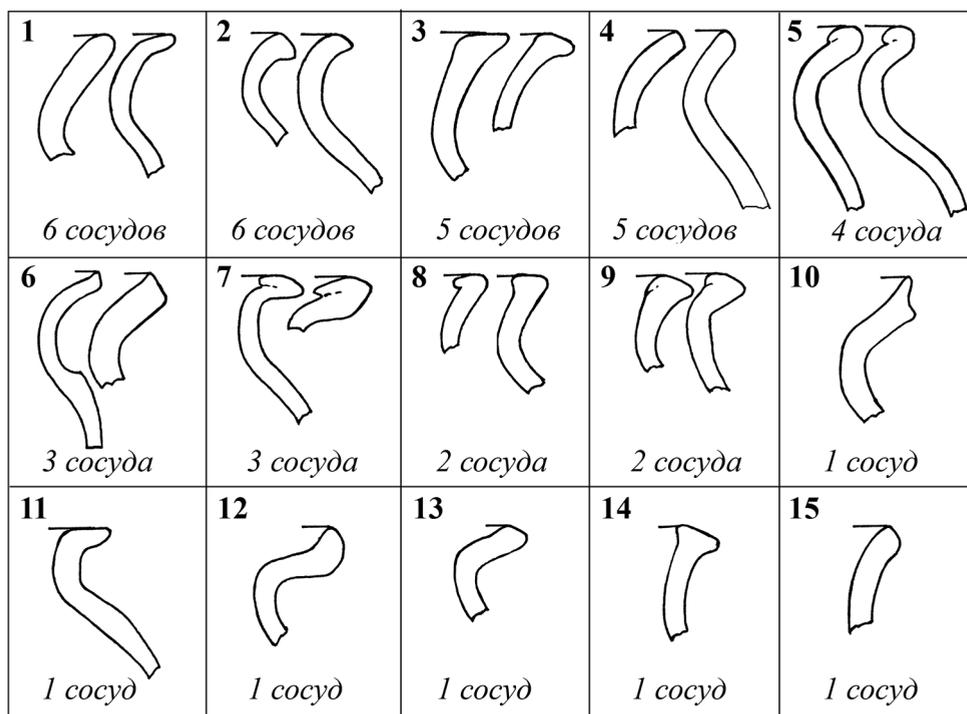

Рис. 5. Селище Большое Янгильдино. Разновидности форм венчиков русских средневековых сосудов.

сосудов (37,8%) характерен для русских горшков середины XIV — начала XV в. из г. Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей округи (рис. 5; Группа II. См.: *Грибов*, 2006. С. 70). Профилировка венчиков сосудов из углубленных сооружений селища Большое Янгильдино близка, в целом, отражает набор форм из коллекции крупного поселения Курмыш-4, обнаруженного в окрестностях г. Курмыш, основанного городецким князем Борисом Константиновичем на восточном рубеже Нижегородского княжества (рис. 5, 6). Донца сосудов с внешней стороны имеют следы золистой или песчаной подсыпки, на редких экземплярах читаются клейма (рис. 6: 9, 10). Орнамент редок, что типично для русской керамики Нижегородского Поволжья указанного временного промежутка. Один частично реконструированный горшок был украшен двойной волной по плечу (рис. 6: 8). Его отличали низкая пропорция, наличие ребра при переходе шейки в плечу, уплощенное краевое окончание короткого плавно наружу отогнутого венчика (без сколько-нибудь заметного утолщения) и неоднородный цвет поверхности (от темно-серого оттенка до темно-бурого).

Таблица 1. Распределение керамики по технологическим группам

ГРУППЫ	РАСКОП / ОБЪЕКТ												СУММА
	1/1	1/3	4/5	5/6А	7/6Б	7/7	7/8	3/10	11/12	14/16	14/17	14/18	
1.Лепная с шамотом	2	1	0	2	0	0	1	1	0	6	3	6	22 (2,5%)
2.Круговая русская средневековая красноглиняная с дресвой или грубозернистым песком	17	8	24	11	27	4	11	9	9	143	23	52	338 (37,8%)
3.Круговая с примесью раковины или раковины и шамота	2	0	10	15	7	0	1	4	0	15	34	23	111 (12,4%)
4.Круговая с примесью шамота или шамота и грубозернистого песка	40	22	29	19	15	4	5	9	4	14	75	149	385 (43,1%)
5.Краснощёная золотоордынская	11	5	0	3	0	1	0	0	2	2	5	8	37 (4,2%)
ВСЕГО:	72	36	63	50	49	9	18	23	15	180	140	238	893 (100%)

Третью, сравнительно малочисленную группу составляют гончарные посредственно обожженные сосуды, в тесте которых заметно присутствие толченой раковины (12,4%) (рис. 4: 13–19). Указанный отощитель иногда дополняют зерна шамота или грубозернистого песка. Обводы венчиков также типичны для русской керамики эпохи Золотой Орды и орнамент (в виде одиночной волны) встречается также нечасто.

К редким малочисленным керамическим группам (2,5%) относятся лепные изделия с примесью шамота (рис. 4: 20–23). Среди них встречены как образцы традиционной финской посуды (усечено-конические чаши, слабо профилированные горшки; рис. 4: 21, 23), так и, вероятно, сосуды-подражания образцам русской посуды (рис. 4: 20). Малочисленной группой (4,2%) являются и отменно обожженные (в горне) краснощёные изделия, происходящие из мастерских Золотой Орды.

Образцы всех перечисленных групп керамических изделий совместно встречены в заполнении различных углубленных сооружений (табл. 1). Это указывает на единовременное использование в быту местных насельников посуды, изготовленной по разным гончарным традициям.

Многие керамические изделия, в облике и технологии изготовления которых сочетаются навыки автохтонного населения Среднего Поволжья и характерные приемы русских мастеров «кружального дела», можно отнести к

Рис. 6. Селище Большое Янгильдино. Образцы русской средневековой гончарной керамики: венчики сосудов – 1–7, реконструкция сосуда – 8, днища сосудов с клеймами – 9, 10.

гибридным формам. Около трети исследованной керамики (37,8%) — изделия русских гончаров, значительное количество остального керамического материала обнаруживает влияние русских гончарных традиций. Они проявляются в особенностях профилировки сосудов и в их орнаментике.

Таблица 2. Соотношение керамических групп в керамических комплексах селищ Б.Янгильдино, Ближнее Константиново-1, поселения Курмыш-4, городища Аламнэр, города Нижнего Новгорода

КЕРАМИЧЕСКИЕ ГРУППЫ		Б.ЯНГИЛЬДИНО	КУРМЫШ-4	АЛАМНЭР	БЛИЖНЕЕ КОНСТАНТИНОВО-1	НИЖНИЙ НОВГОРОД
1.Лепная	шамот	2,5%	7,9%	14,7%	0,6%	0,5%
	шамот+ раковина					
	дресва+ раковина					
2.Гончарная с раковиной	раковина	12,4%	51,0%	49,5%	0,0%	0,07%
	раковина+ шамот					
	раковина+ песок+ дресва					
3.Гончарная с шамотом	шамот	43,1%	9,2%	20,0%	0,0%	0,05%
	шамот+ дресва+ песок					
4.Гончарная с песком или с дресвой		37,9%	29,7%	17,5%	98,2%	95,1%
5.Краснощёная золото- ордынская		4,1%	2,2%	0,3%	1,2%	4,3%
Количество фрагментов		893	17813	1087	106608	7416

Состав представленных в керамическом комплексе стилистико-технологических групп позволяет ассоциировать Большаянгильдинское селище с кругом единовременных памятников Горномарийского района Марий Эл и левобережья Нижней Суры (табл. 2). Следует отметить, что близость керамики памятников типа Большого Янгильдино и поселений XIII–XV вв. Горномарийского района Марийской АССР была отмечена еще Т. А. Хлебниковой (1967. С. 91, 92).

Планировка раскопанного участка селища фиксирует отсутствие взаимопересечений различных углубленных сооружений. Это обстоятельство может служить указанием на сравнительно короткий срок его функционирования и позволяет при определении датировки памятника опираться прежде всего на преобладающий датирующий материал, не расширяя его хронологические рамки за счет единичных архаичных находок. К последним относится единственный венчик русского горшка, форма которого встречается в комплексах как XIV в., так и XIII столетия (рис. 5: 5). Как архаизм, сохранившийся среди украшений местных насельников, можно интерпретировать и массивный бронзовый браслет, аналоги

которого широко представлены в предмонгольских комплексах мордовских могильников. Основная масса находок однозначно указывает на функционирование поселения на селище Большое Янгильдино в эпоху Золотой Орды в период конца XIII — начала XV в. С учетом набора форм верхних частей русских горшков из местного керамического комплекса наиболее вероятной (узкой) датировкой памятника является промежуток середины XIV — начала XV в. Эти выводы соответствуют хронологической атрибуции, предложенной Р. Г. Фахрутдиновым, Т. А. Хлебниковой, Ю. А. Красновым и противоречат датировке авторов раскопок (В. Ф. Каховского и А. П. Смирнова).

Облик материальной культуры селища Большое Янгильдино (наличие следов наземных жилищ с подпольными (подпечными) ямами и развалами глинобитных печей, сложный поликультурный состав керамического комплекса, включающий в себя «гибридные» формы посуды, присутствие предметов мелкой христианской пластики» позволяет причислить его к кругу единовременных поселений Нижнего Посурья, ареал которых включает в себя Горномарийский район республики Марий Эл и левобережье Нижней Суры (и, возможно, части бассейна р. Сундовик) в Нижегородской области. К западу от этой территории на Мордовском плато Приволжской возвышенности располагаются единовременные памятники с доминирующим русским материалом (округа г. Нижнего Новгорода), к востоку и юго-востоку (вблизи устья р. Камы) — с преобладанием инвентаря, характерного для памятников Золотой Орды. Примечательно, что селище Большое Янгильдино, наряду с Мало-Сундырским городищем, является одним из первых широко раскопанных здесь памятников и Т. А. Хлебникова еще в 1967 г. отнесла сопредельные Горномарийскому району МАССР памятники Горьковской области и Чувашской АССР к одному культурному кругу (Хлебникова, 1967. С. 90).

Определение круга памятников, сходных с селищем Большое Янгильдино, поликультурный облик собранной на нем посудной керамики, со всей очевидностью выявляет несостоятельность попыток его определенной и однозначной этнической атрибуции. Полученные при раскопках материалы не позволяют отнести его ни к болгарским, ни к древнечувашским, ни к русским, ни к мордовским памятникам. Этнический состав местного населения в ареале распространения сходных с селищем Большое Янгильдино поселений (городища Аламнэр, поселения Курмыш-4, Важнангерского, Борковского, Носельского-2, -3 и ряда других селищ), вероятно, был довольно пестрым. Среди их насельников, наверное, преобладали представители коренных народов Среднего Поволжья. На это указывают следы проживания в указанном ареале финноязычного населения (марийцев) еще в домонгольский период, преобладание на памятниках лепной и раннекруговой посуды, находки специфических женских украше-

ний, открытие здесь сакральных языческих памятников (марийских святилищ) (*Никитина, Михеева*, 2006. С. 126, 135–142). Вместе с тем, археологические материалы свидетельствуют и о значительной роли русских традиций в материальной культуре местного населения.

При обращении к письменным источникам широкое распространение на правобережье р. Суры русской посуды, ее местных реплик, находки здесь русских удельных монет, нательных крестов, присутствие могильников с безинвентарными грунтовыми погребениями (Янмурзино, Юльялы, Козловка, Сюрбей-Токаево) — сходными по обрядовым признакам с единовременными погребениями могильников Северо-Восточной Руси — все эти археологические свидетельства не вызывают удивления.

Впервые За-Сурие, как некая заселенная область, упоминается в русском летописании в статье 1374 г. (6885 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 106 (Рог.)) — через два года после основания одним из нижегородских князей города Курмыша (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100 (Рог.)). Со строительством этого укрепления на левом берегу р. Суры в отечественной историографии связывают начало русской колонизации Посурья (*Кучкин*, 1984. С. 224, 226–229). О владениях нижегородских князей на правом берегу р. Суры (вероятно, тяготеющих к берегам р. Алгашки), косвенно свидетельствуют сведения из первой духовной грамоты великого московского князя Василия Дмитриевича, составленной в 1406–1407 гг. (Духовные и договорные... 1950. С. 56). На проживание православных подвижников в районах Сурского правобережья в начале XV в. указывает надпись 1414 г. на кресте-мошечнике нижегородского князя Ивана Борисовича, содержащем частицы мощей «...трёх преподобных засурских» (*Николаева*, 1976. С. 38). Во время феодальной войны (во второй четверти XV в.) правобережье Суры служило эпизодическим прибежищем «политических эмигрантов» (ПСРЛ. Т. 25. С. 248). Таким образом, в последней четверти XIV — первой половине XV в. правобережье Суры, очевидно, уже входило в круг поволжских земель, осваиваемых выходцами из русских княжений. Характер, масштабы и динамику этого освоения можно оценить по материалам памятников к востоку от р. Суры — сходных по особенностям материальной культуры с селищем Большое Янгильдино.

Литература

- Алихова А. Е.*, 1960. Русский поселок XIII–XIV вв. у с. Березовки // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 195–209. (МИА; вып. 80)
- Андреев С. И.*, 2005. Юго-восточная граница Рязанского княжества в XII–XIV вв. по данным археологических источников // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: ООО РИФ «ИНФРА». С. 62–79.

- Бадер О. Н., Халиков А. Х.*, 1976. Памятники балановской культуры. М.: Наука. 168 с. (САИ; вып. В1-25)
- Белорыбкин Г. Н.*, 2001. Золотарёвское поселение. СПб.–Пенза: ПГПУ. 198 с.
- Грибов Н. Н.*, 1996. Отчет об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1996 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 20111.
- Грибов Н. Н.*, 2003. Цветной металл Саровского городища (ассортимент изделий, химический состав, производство) // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г. Н. Белорыбкин, В. В. Ставицкий. Пенза: ПГПУ. С.433–443.
- Грибов Н. Н.*, 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10 / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: изд-во НГУ. С. 62–91.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
- Жиганов М. Ф.*, 1959. Новые археологические памятники в долинах рек Пьяны и Тёши // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Ред. А. П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 55–88. (Археологический сборник. Т. 2)
- Каховский В. Ф.*, 1960. Отчет о работе второго отряда Чувашской археологической экспедиции за 1960 г. / Научный архив ЧГИГН. Отд. II, ед. хр. 593, инв. № 1632. 44 л.
- Каховский В. Ф.*, 1961. Археологические раскопки в Чувашской АССР в 1961 году (Итоги работ второго отряда) / Научный архив ЧГИГН. Отд. II, ед. хр. 602, инв. № 1642. 53 л.
- Каховский В. Ф.*, 1966. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // СА. № 2. С. 249–258.
- Каховский В. Ф., Смирнов А. П.*, 1972. Памятники Средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары. С. 115–166.
- Каховский В. Ф.*, 2017. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чувашское книжное издательство. 464 с.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской экспедиции. Том II. М., Л.: АН СССР. С. 7–119. (МИА; вып. 65)
- Краснов Ю. А.*, 1974. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. № 3. С. 112–124.
- Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.*, 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука. 192 с.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XI–XIV вв. М.: Наука, 1984. 383 с.

- Лапшин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Мерперт Н. Я.*, 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань. 37 с.
- Макаров Л. Д.*, 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет». 140 с.
- Мартьянов В. Н.*, 1998. Могильник Заречное-2 // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1 / Ред. Ю. А. Зеленева, Г. А. Фёдоров-Давыдов. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. С. 91–105.
- Медведев В. В.*, 2014. Лачуга у чувашей: традиции и новации // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (43). С. 345–357.
- Никитина Т. Б., Михеева А. И.*, 2006. Аламнэр: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 196 с.
- Николаева Т. В.*, 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука. 288 с.
- Олейников О. М.*, 2019. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письмена. К юбилею А. А. Мединцевой / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2019. С. 323–351.
- Полубояринова М. Д.*, 2016. Жилища Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А. Г. Ситдинов. М.: Наука, 2016. С. 5–191.
- Полякова Г. Ф.*, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. Казань. С. 154–268.
- ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
- ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
- Руденко К. А.*, 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: РИЦ «Школа». 220 с.
- Рыбакова О.Е.*, 2016. Исследование селища Поддубье (Бологовский район Тверской области) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9 / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь. С. 257–270.
- Савченкова Л. Л.*, 1996. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. Казань. Казань. С. 5–88.
- Семенов С. А., Федулов М. И.*, 2011. Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 184.
- Смирнов А. П., Каховский В. Ф.*, 1964. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // Археологические работы в Чувашской

- АССР в 1958–1961 годах / Отв. ред. В. Д. Дмитриев. Чебоксары. С. 223–263. (УЗ ЧНИИ; вып. 25)
- Смирнов А. П., Корнилов Г. Е.*, 1971. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья // История и культура Чувашской АССР / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары. С. 481–517.
- Средневековое поселение Настасьино // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 2. М.: ИА РАН, 2004. 292 с.
- Тропин Н. А.*, 2019. На Юго-востоке Руси: Черниговско-Рязанское порубежье в IX–XV веках. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 159 с.
- Тухтина Н. В.*, 1960. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / Ред. А. П. Смирнов. М.: изд.-во АН СССР. С. 145–154. (МИА; вып. 80)
- Фахрутдинов Р. Г.*, 1971. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань. С. 175–201. (Археология и этнография Татарии / АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова; вып. 1)
- Хлебникова Т. А.*, 1967. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года) / Ред. Г. А. Архипов, Д. Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. С. 85–92.
- Хузин Ф. Ш.*, 2001. Болгарский город в X — начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн. 480 с.
- Хузин Ф. Ш.*, 2017. О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / Отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН. С. 37–45. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и Средние века; вып. 1)
- Чуваши / Отв. ред.: В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Егафова. М.: Наука, 2017. 654 с. (Народы и культуры)
- Шарифуллин Р. Ф.*, 1993. О ранних жилищах волжских болгар (X — начало XIII в.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ. С. 63–76.

Новые исследования Нижневерейского могильника в Нижегородском Поочье

А. А. Швецова, О. В. Зеленцова, С. И. Милованов, Ю. В. Филиппов

Резюме. В статье приводятся результаты изучения муромского могильника Нижняя Верей, расположенного в области Окского правобережья. Исследования проводились в 2022 г. совместной экспедицией Нижегородского музея-заповедника и Института археологии РАН. На площади в 100 кв. м было изучено 4 погребения, совершенных по обряду ингумации и кремации на стороне. Сопровождающий погребальный инвентарь позволяет датировать погребения второй половиной VIII — началом X в. *Ключевые слова:* раннее средневековье, поволжские финны, мурома, Нижняя Ока, Окское правобережье, могильник, погребальный обряд.

Муромские памятники на правом берегу р. Оки занимают узкую полосу вдоль ее русла общей протяженностью около 100 км, где располагаются на небольших притоках и старицах. К настоящему времени имеются сведения о 21 памятнике, среди которых 12 селищ и 9 грунтовых могильников.

Сведения о правобережной муроме в основном базируются на раскопках Чулковского могильника (грунтовый могильник Звягино 1), исследованного экспедициями М. Ф. Жиганова, а затем В. В. Гришакова во второй половине XX в. В общей сложности экспедициями было изучено 94 погребения VIII — начала X в. (*Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016*). Остальные могильники раскапывались в начале — середине XX в. незначительными площадями, и с тех пор данные о них не пополнялись. К числу таких памятников относится Нижневерейский могильник, исследованный старшим научным сотрудником Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника В. Ф. Черниковым в 1962 г.

Нижневерейский могильник находится на небольшом участке возвышенности восточного берега старичного озера Витерёво на расстоянии около 3 км от северо-западной окраины с. Нижняя Верей, входящего в состав городского округа Выкса Нижегородской области.

Могильник был известен с 1948 г., когда случайно был обнаружен местными жителями при выкапывании ям для хранения картофеля. В конце 1950-х гг. местный колхоз построил на берегу старицы летнюю молочную ферму, частично застроив территорию могильника. Тогда же учитель одной из местных школ, стремясь пополнить школьный музей новыми экспонатами, на протяжении нескольких лет проводил на территории могильника самовольные «раскопки».

Информация об этом дошла до Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника, который организовал выезд на место обнаружения могильника. В результате было принято решение о проведении раскопочных работ, которые возглавил В. Ф. Черников (*Уткин, Черников, 1992. С. 13-14*).

Раскоп площадью 50 кв. м был заложен на наиболее разрушенном участке могильника, находящемся на восточном склоне возвышенности. В раскопе было исследовано 10 погребений, два из которых оказались значительно нарушены вкопами (*Уткин, Черников, 1992. С. 15*). Исходя из состава погребального инвентаря, В. Ф. Черников определил захоронения как относящиеся к муроме и датировал их второй половиной IX — началом X в. Описание комплексов было опубликовано А. В. Уткиным и В. Ф. Черниковым в 1992 г. (1992)¹.

Новые исследования территории могильника проведены совместной экспедицией Нижегородского музея-заповедника и Института археологии РАН в 2022 г. Работы были направлены на уточнение имеющихся к настоящему моменту сведений о памятнике. Его современное состояние определено как неудовлетворительное: на всей поверхности береговой возвышенности прослежены многочисленные грабительские ямы, в том числе значительного размера. Для нового раскопа было выбрано место на западном склоне возвышенности, визуально наименее потревоженное грабителями. Общая площадь раскопа составила 100 кв. м.

На вскрытой площади выявлено четыре погребения (рис. 1), два из которых совершены по обряду ингумации и два — кремации на стороне.

Погребение 1. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 250x90 см, ориентирована по линии север — юг (рис. 2: 1). Северо-западная часть нарушена грабительским вкопом. Погребение совершено по обряду ингумации. Частично сохранились кости черепа и отдельные кости скелета, их положение нарушено грабительской ямой. На дне погребения в его северной части обнаружено два лепных керамических сосуда *in situ* (рис. 2: 9). Один сосуд — баночной формы высотой 8,6 см с расширяющимися стенками и слегка прикрытой горловиной. Второй сосуд — горшковидной формы, высотой 5,8 см, с хорошо выраженными приостренными плечиками. Сосуды изготовлены из среднезапесоченной глины с примесью шамота.

Из грабительской ямы извлечены 2 целых проволочных браслетовидных височных кольца с замком в виде щитка округлой формы и крючка (так называемые височные кольца муромского типа), а также 8 фрагментов, предположительно принадлежащих еще 4 кольцам (рис. 2: 2). Диаметр четырех из

¹ Коллекция находок хранится в фондах Нижегородского музея-заповедника (ГОМ 4097, ГОМ 18154).

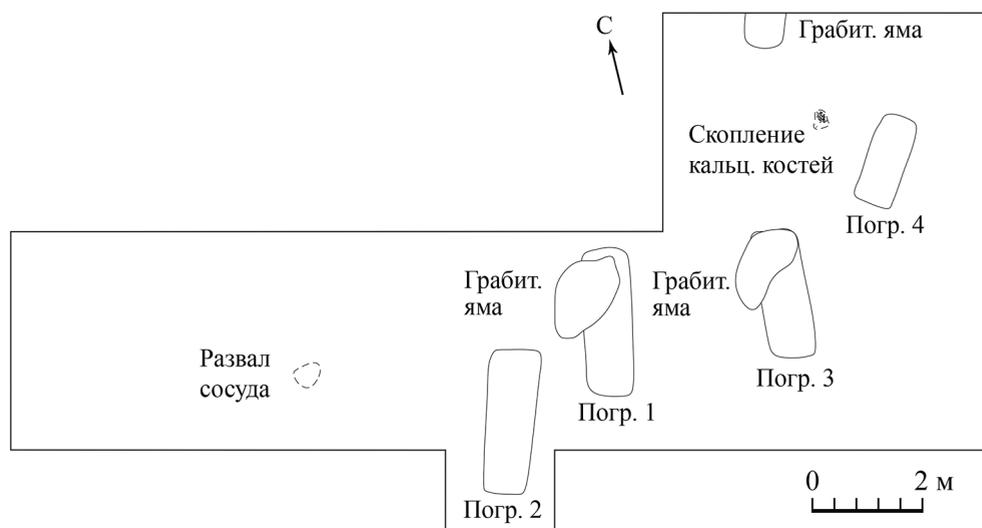

Рис. 1. План раскопа

них — около 12 см, одного — 9 см. Также обнаружено еще одно проволочное височное кольцо диаметром 5 см с приостренными заходящими друг за друга концами (рис. 2: 3). Здесь же найден фрагмент (дужка) лунничного височного кольца (рис. 2: 4). Обнаружены три спиральные пронизки, уплощенные с одной стороны (рис. 2: 5). Такая форма пронизок позволяет рассматривать их как принадлежащие налобному венчику. Найдены еще две округлые спиральные пронизки, скорее всего, входившие в состав ожерелья. Среди украшений погребенной были шумящие подвески, о чем свидетельствует находка бутыльчатой привески на восьмеркообразном звене цепи (рис. 2: 6). К украшениям рук относится браслет из узкой пластины треугольного сечения, изготовленный, вероятно, из спирального браслета (рис. 2: 7). Также в яме найдена железная пряжка плохой сохранности и железный черешковый нож с прямой спинкой (рис. 2: 8).

По составу сопровождающего инвентаря погребение определено как женское².

Погребение 2. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 255х78 см, ориентирована по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток (рис. 3: 1, 2). Совершено по обряду кремации на стороне. Скопление крупных

² Антропологический материал и кальцинированные кости находятся на обработке в лаборатории концептуальной антропологии ИА РАН.

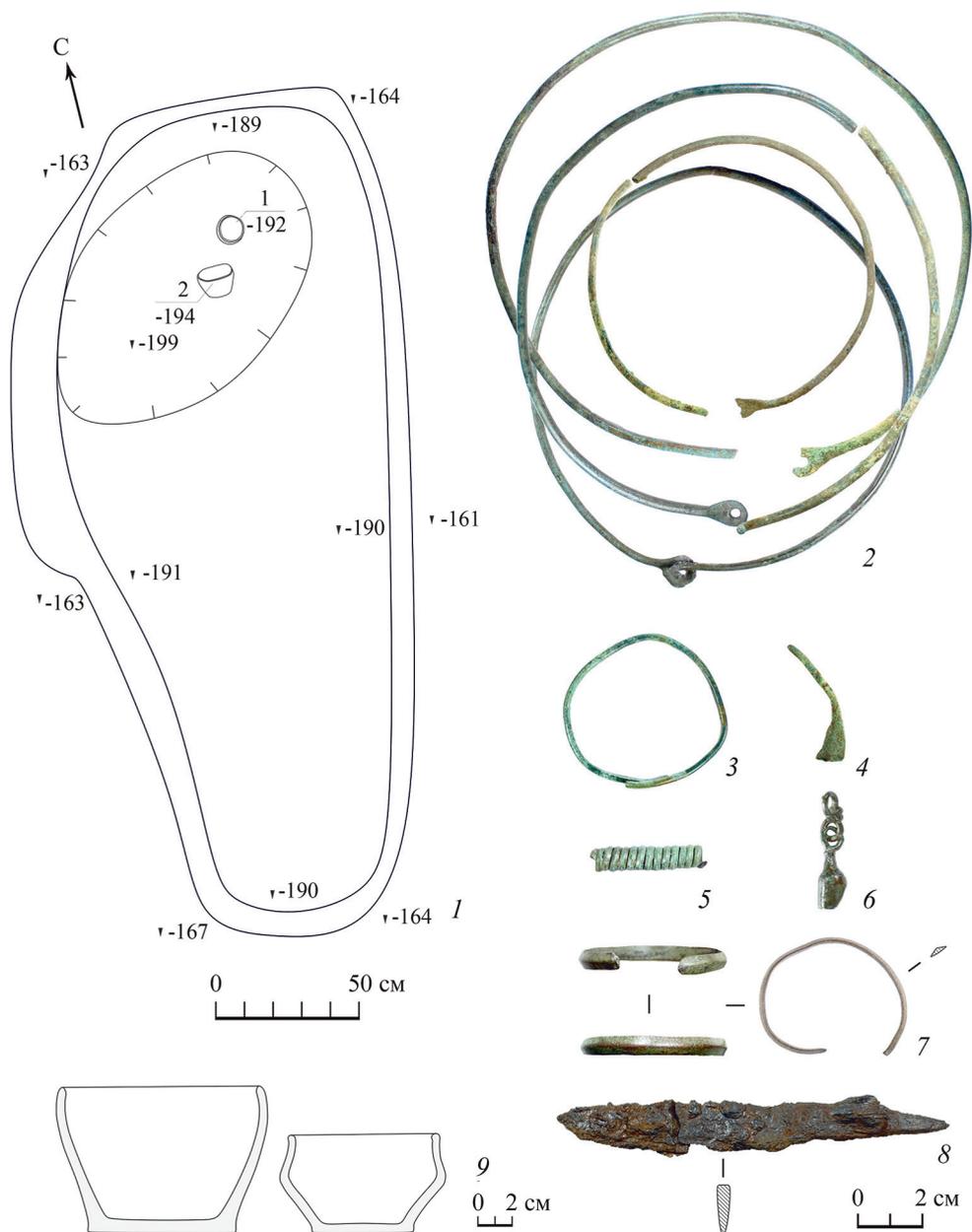

Рис. 2. Погребение 1

- 1 — план п. 1; 2-4 — височные кольца; 5 — пронизка; 6 — бутыльчатая привеска; 7 — браслет; 8 — нож железный; 9 — сосуды керамические

кальцинированных костей с небольшим включением угольков расположено овальным пятном размерами 85х35 см и мощностью до 8 см в южной части погребения. В южной части скопления обнаружены железная втульчатая мотыжка (рис. 3: 7), железный нож с прямой спинкой (рис. 3: 6), фрагмент железного кресала (рис. 3: 5) и кресальный камень из обломка наконечника копья эпохи бронзы (рис. 3: 4). Среди скопления кальцинированных костей в западной части обнаружен бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися, слегка отогнутыми наружу и приплюснутыми концами, орнаментированными насечками, которые образуют геометрический орнамент (рис. 3: 3).

Над погребением, в его южной части, на глубине 20–45 см от уровня современной дневной поверхности были собраны фрагменты лепного сосуда горшковидной формы с округлыми плечиками и расширяющимся невысоким горлом (рис. 3: 8). Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота. Вероятно, он был положен в засыпку погребения.

По составу сопровождающего инвентаря погребение определено как мужское.

Погребение 3. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 240х90 см, ориентирована по линии север — юг (рис. 4: 1). В северной части нарушено грабительской ямой. Совершенно по обряду ингумации. От костяка сохранились фрагменты черепной коробки и челюстей (в грабительской яме), *in situ* зафиксирована нижняя часть позвоночника, фрагменты костей таза и бедренные кости ног. Судя по ним, индивид был положен вытянуто на спине, головой в северном направлении.

Из грабительской ямы извлечены 25 фрагментов височных колец муромского типа, предположительно от восьми экземпляров диаметром 12–15 см (рис. 4: 2). Также обнаружены фрагменты лепного сосуда, очевидно, стоявшего в изголовье погребенной (рис. 4: 3). Сосуд баночной формы с расширяющимися стенками и прикрытой горловиной, высота 8,6 см. В составе формовочной массы два вида минеральной примеси: шамот и гранитогнейсовая дресва. В области пояса *in situ* расчищена железная пряжка подпрямоугольной формы. По составу сопровождающего инвентаря погребение определено как женское.

Погребение 4. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 160х65 см, ориентирована по линии юго-запад — северо-восток (рис. 5: 1). Захоронение совершено по обряду кремации на стороне.

Скопление кальцинированных костей с угольками и погребальным инвентарем располагалось в северной части могильной ямы (рис. 5: 2). Севернее этого скопления находились четыре небольших сосуда, поставленных рядом друг с другом: три — баночной формы и один — горшковидной (рис. 5: 9). Два сосуда баночных форм характеризуются расширяющимися стенками и прикрытой

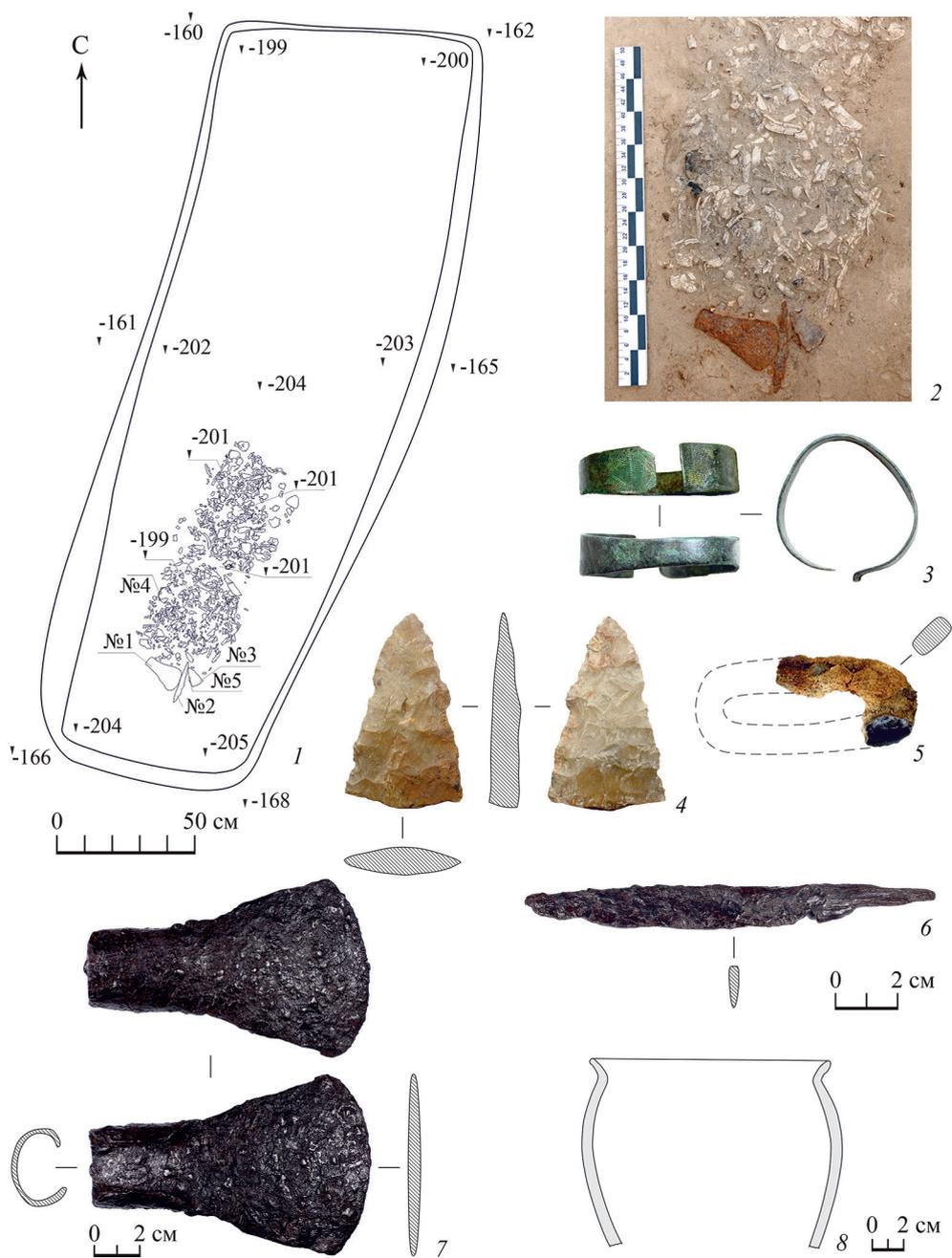

Рис. 3. Погребение 2

- 1 — план п. 2; 2 — фото южной части кремации; 3 — браслет; 4 — кресальный камень;
 5 — кресало железное; 6 — нож железный; 7 — мотыжка железная; 8 — сосуд керамический

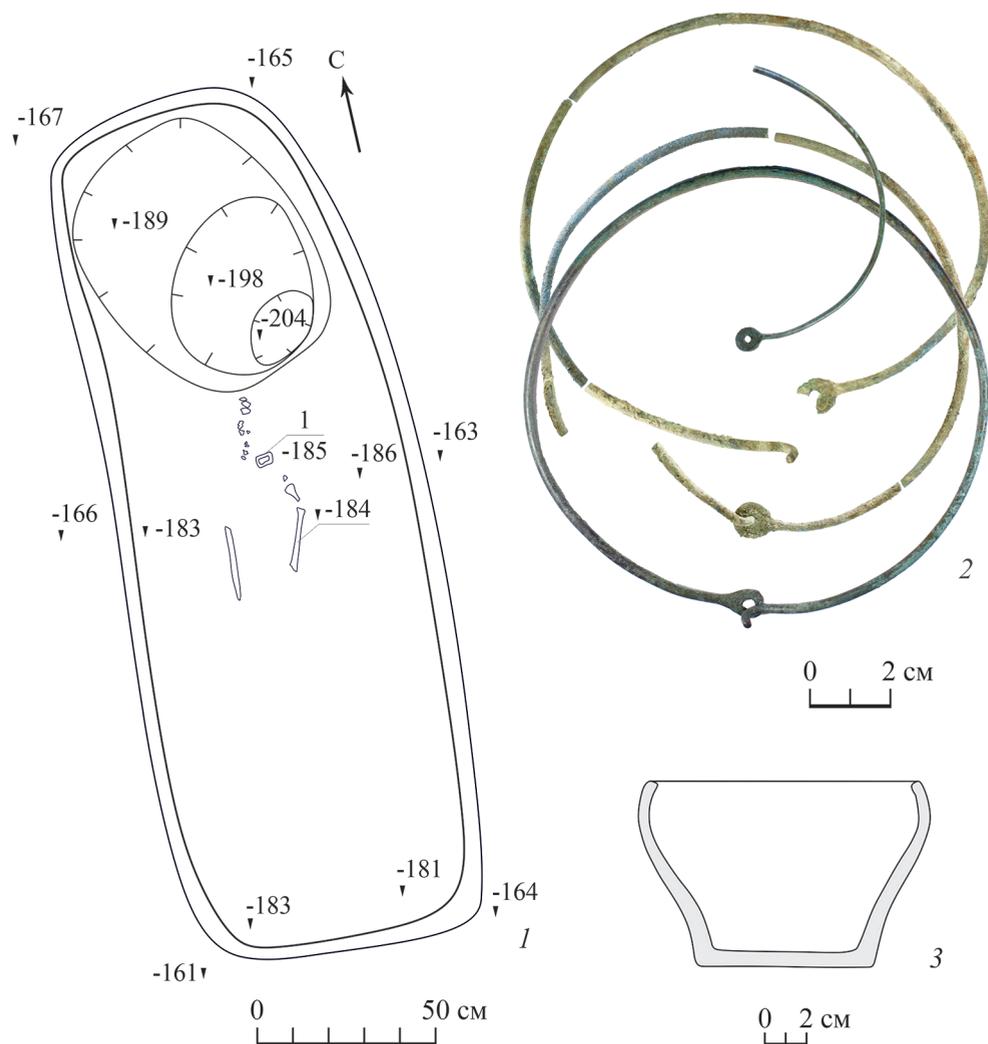

Рис. 4. Погребение 3

1 – план п. 3; 2 – височные кольца; 3 – сосуд керамический

горловиной (высота 9,6 см и 7,6 см), один (меньшего размера, высота 6,1 см) имеет прямые стенки и прикрытую горловину. Сосуд горшковидной формы — с небольшими приостренными плечиками и расширяющимся горлом (высота 7,7 см). Все сосуды изготовлены из незапесоченной глины с добавлением минеральных примесей в виде шамота и гранитогнейсовой дресвы.

К югу от сосудов в скоплении кальцинированных костей разрозненно располагались фрагменты перстневидных проволочных височных колец с

обрубленными, заходящими друг за друга концами (рис. 5: 8). Диаметр колец от 1,8 до 2,8 см. Обнаружено 7 целых колец и фрагменты предположительно еще от 5 колец (всего — 12 шт.). В этой же части погребения найдено два спиральных перстня диаметром 1–1,2 см, изготовленных из проволоки треугольного сечения в четыре оборота (рис. 5: 3), и три экземпляра бисера из непрозрачного стекла белого цвета диаметром 0,4–0,5 см (рис. 5: 4). К югу лежал железный нож с прямой спинкой (рис. 5: 6), железное шило (рис. 5: 7) и железная подквадратная пряжка (рис. 5: 5). Нож и шило имели деревянные рукояти, что было установлено в процессе реставрации предметов.

К комплексу погребения также следует отнести развал сосуда, обнаруженный над южной частью погребения на глубине 30–35 см от уровня современной дневной поверхности (рис. 5: 10). Вероятно, этот сосуд был положен в засыпку погребения. Сосуд горшковидной формы и вытянутых пропорций (высота — 13,8 см), плечо покатое, горло цилиндрическое. Примечателен вид внешней поверхности сосуда: на тулове расположены вертикальные, достаточно глубокие борозды, которые образовались в процессе вытягивания стенок во время лепки и впоследствии не были заглажены. Подобные борозды также прослежены на внешней поверхности самого маленького баночного сосуда из погребения. Рецепт формовочной массы этого сосуда аналогичен сосудам из погребения.

Учитывая размер могильной ямы и состав сопровождающего инвентаря, погребение предварительно интерпретировано как детское.

К северо-западу от погребения 4 на расстоянии ок. 90 см от него зафиксировано скопление кальцинированных костей (глубина 53–57 см от уровня дневной поверхности), которое могло быть связано еще с одним несохранившимся погребением.

В 3,2 м к западу от погребения 2 на глубине 17–20 см от уровня современной дневной поверхности обнаружен развал крупного сосуда горшковидной формы вытянутых пропорций с хорошо выраженным округлым плечом и расширяющимся невысоким горлом (высота — 23,8 см, диаметр максимального расширения тулова — 32,9 см). В составе формовочной массы — минеральная примесь шамота. Данный сосуд не был привязан ни к одному из погребений (рис. 6: 7).

В северной части раскопа была расчищена грабительская яма, в которой обнаружены фрагменты женских украшений: части спирали от головного жгута диаметром около 3 см (рис. 6: 3) и височные кольца муромского типа со слабовыраженными щитками каплевидной формы (рис. 6: 2). Также извлечены спиральная пронизка с уплощенной стороной (от налобного венчика) (рис. 6: 5), спиральный перстень (рис. 6: 4) и наконечник пояса. Наконечник

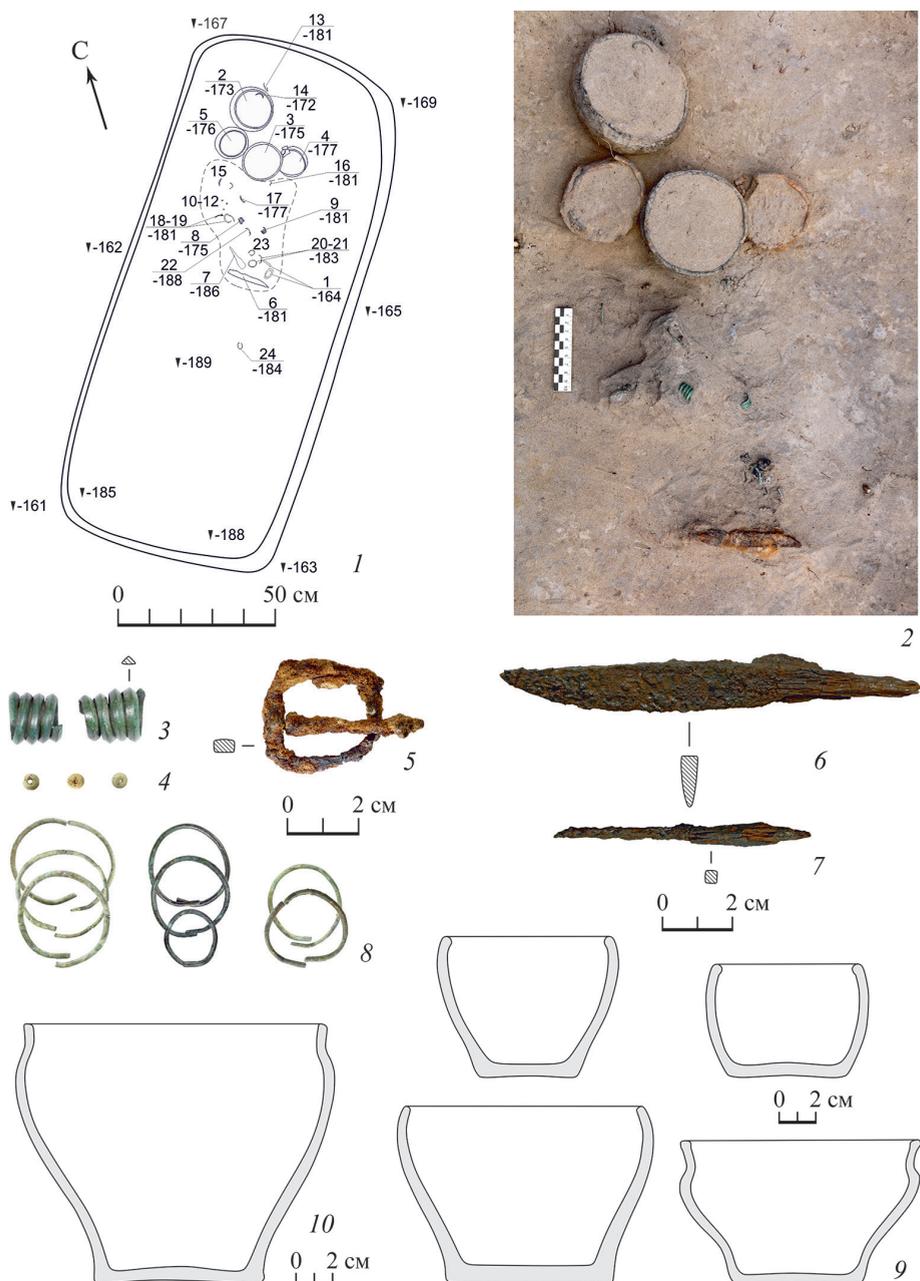

Рис. 5. Погребение 4

1 — план п. 4; 2 — фото северной части погребения; 3 — перстни; 4 — бисер; 5 — пряжка железная; 6 — нож железный; 7 — шило железное; 8 — височные кольца; 9, 10 — сосуды керамические

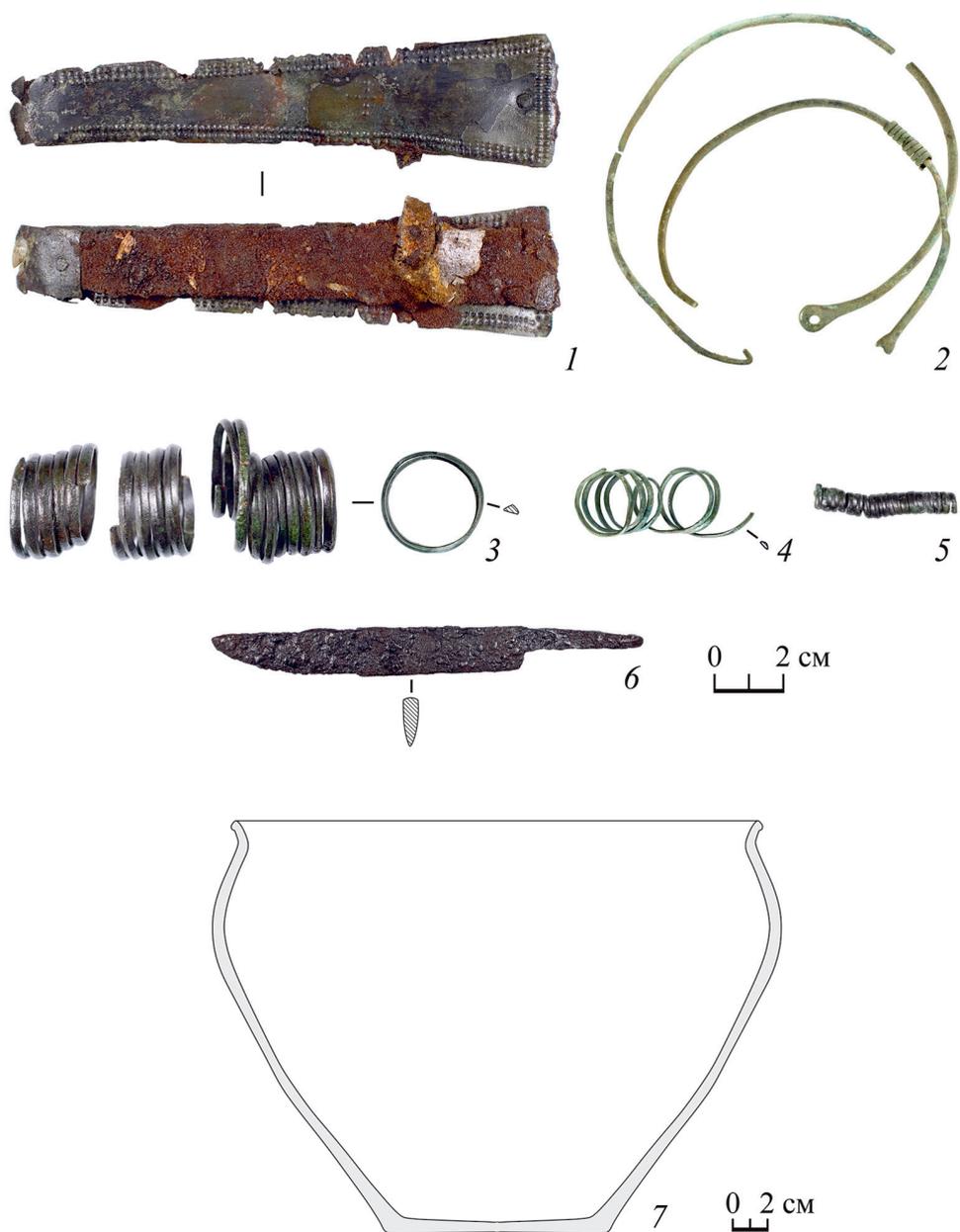

Рис. 6. Украшения и предметы, не связанные с комплексами погребений

1 — наконечник пояса; 2 — височные кольца; 3 — фрагменты головного жгута;
 4 — перстень; 5 — пронизка; 6 — нож железный; 7 — сосуд керамический (1-6 — гра-
 бительская яма; 6 — западная периферия могильника)

трапецевидной формы изготовлен из бронзовой пластины, сложенной вдвое и закрепленной штифтом на железной основе (рис. 6: 1). С внешней стороны наконечник по периметру орнаментирован двумя рядами мелких выпуклин, в центре выпуклины расположены в виде креста. Аналогичный наконечник был обнаружен В. Ф. Черниковым в одном из наиболее богатых женских погребений (Уткин, Черников, 1992. С. 26. Рис. 12: 6). Такие наконечники являются деталью боковых ремней, которые входят в состав традиционного костюма с головными жгутами и бытуют в период от рубежа VIII–IX вв. до IX в. (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 228–229. Рис. 2). По мнению В. В. Гришакова и Ю. А. Зеленева, они продолжают использоваться до первой половины X в. (Гришаков, Зеленева, 1990. Рис. 8). Из орудий труда в яме найден железный нож, аналогичный обнаруженным в остальных погребениях (рис. 6: 6).

Вероятно, эта яма является остатками женского погребения, которое было полностью уничтожено грабителями.

Большая часть обнаруженных в погребениях предметов имеют достаточно широкие датировки и в силу фрагментарности маловыразительны. Исключения составляют височные кольца муромского типа, которые относятся к этнографическим элементам муромского костюма и характерны практически на всем протяжении существования культуры.

Один из первых исследователей муромских могильников А. Ф. Дубынин в диссертационном исследовании отметил, что хронологическим признаком для этого типа украшений является диаметр и массивность кольца, а также форма щитка. Более ранние экземпляры отличаются массивностью, меньшим диаметром кольца и крупным круглым щитком. Со временем кольца становятся больше, тоньше, а щиток сначала имеет подовальную форму, а затем его конец только слегка сплющивается (Дубынин, 1947. С. 105). Данные наблюдения подтверждаются исследованиями В. В. Гришакова на Чулковском могильнике (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 9, 40–41) и работами на Подболотьевском могильнике (Зеленцова, Милованов, 2021. С. 17–20. Рис. 3–5). Исходя из этих наблюдений, наиболее ранними на Нижневерейском могильнике выглядят височные кольца из погребения 3, у которых хорошо выделен щиток округлой формы, но в то же время они выполнены из тонкой проволоки и имеют диаметр 12–15 см (рис. 2: 9). В Подболотьевском могильнике такие височные кольца встречаются совместно с глазовскими гривнами с замком в виде массивной шляпки и крючка, с сюлгами с концами больше диаметра кольца и находятся в погребениях второй половины VIII — IX в. (Зеленцова, Милованов, 2021. С. 19–20). Несколько более поздними выглядят височные кольца муромского типа из погребения 1, диаметром до 12 см, с менее выраженным щитком каплевидной формы (рис. 2: 1). находка в этом погребении дужки лунничного

височного кольца говорит о датировании погребения 1 не ранее IX в., когда в муромских погребениях появляются височные кольца такого типа (*Зеленцова*, 2021. С. 60). Совместное нахождение височных колец муромского типа и проволочных височных колец с заходящими приостренными концами также является признаком IX в. (*Гришаков и др.*, 2018. С. 40–41). К этому же времени можно отнести перстневидные височные кольца с заходящими прямосрезанными концами из погребения 4 (Там же. С. 41). Более поздними в Нижневере́йском могильнике являются обнаруженные в грабительской яме височные кольца муромского типа со слегка сплюснутым, слабо выраженным щитком (рис. 6: 2). Аналогичные височные кольца в Подболотьевском могильнике происходят из погребений начала X в. (*Зеленцова, Милованов*, 2021. С. 23).

Для датировки исследованных погребений важное значение имеет находка в кремационном захоронении железной мотыжки с несомкнутой втулкой и подтреугольной рабочей частью с округлым лезвием (рис. 4: 1). Мотыжки были распространены в салтовских древностях, где, по мнению С. А. Плетневой, служили для рытья катакомб, о чем свидетельствуют зафиксированные следы на стенках погребальных сооружений (*Плетнева*, 1967. Рис. 38: 7. С. 146). Находки втульчатых мотыжек на салтовских поселениях позволяют считать их также сельскохозяйственными орудиями, применяемыми для вторичной обработки земли (*Колода*, 2010. С. 33. Рис. 14). Нижневере́йскую мотыжку можно отнести к типу 2 (по материалам Дмитриевского могильника), который бытует в катакомбах 2-й группы, датирующихся второй половиной IX — самым началом X в. (*Плетнева*, 1989. Рис. 96. С. 93–94, 171–172). Втульчатые мотыжки, отличающиеся от нижневере́йских выраженными плечиками и прямоугольной формой рабочей части, известны в материалах мордовских могильников на Средней Цне, где они распространены тоже в салтовское время (*Иванов*, 1952. Табл. XXXVII: 4; *Материальная культура...*, 1969. Табл. 6: 11). С находкой мотыжки соотносится найденный в этом же погребении бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися, отогнутыми наружу в виде бортика, прямыми концами (рис. 4: 4). Аналогичные браслеты известны в Подболотьевском могильнике, где они присутствуют в захоронениях с головными уборами из шумящих привесок, гривнами глазовского типа с уплощенными шляпками, усатыми перстнями — комплексом вещей, датирующимся первой половиной X в. (*Зеленцова, Милованов*, 2021. С. 22, 23. Рис. 6, 7).

В целом, погребальный инвентарь позволяет датировать исследованные погребения в пределах второй половины VIII — IX в. Наиболее поздней является мужская кремация из погребения 2, которую можно отнести к концу IX — самому началу X в. Полученная датировка хорошо соотносится с хронологиче-

скими рамками погребений, раскопанных в середине прошлого века, которые также дали материалы IX — начала X в. (*Уткин, Черников, 1992. С. 21*).

Планиграфическое соотнесение раскопанного участка с раскопом В. Ф. Черникова демонстрирует определенное единообразие. На плане раскопа 1962 г., опубликованном В. Ф. Черниковым, несколько погребений (п. 8, 5, 4) располагаются в ряд, ориентированный по линии запад — восток (*Уткин, Черников, 1992. С. 13. Рис. 1*). Погребения в ряду расположены на значительном расстоянии, хотя некоторые фиксировались достаточно близко друг к другу (Там же. С. 17). Плотность захоронений на этом участке небольшая, на одно погребение приходится 6,5 кв. м.

Исследованные в 2022 г. погребения расположены аналогично: два погребения (п. 1 и 3) параллельно друг другу по линии запад — восток. Плотность здесь еще меньше — захоронения расположены на расстоянии от 0,75 до 2,3 м друг от друга (на одно погребение приходится 19 кв. м без учета прирезки). Многочисленные грабительские ямы к востоку от раскопа на наиболее возвышенной части памятника и низкая плотность погребений в раскопе могут свидетельствовать о том, что была исследована окраина могильника. Это подтверждается и прирезкой к раскопу в западной части, которая показала отсутствие захоронений западнее от погребения 4, в трех метрах от которого был найден развал сосуда, маркирующий, вероятно, периферию могильника в этой части.

Таким образом, новые раскопки Нижневерейского могильника подтвердили датировки первого исследователя памятника, — время его функционирования приходится на вторую половину VIII — начало X в. Это время соотносится с классическим периодом муромской культуры, который характеризуется стабильностью ее развития. Яркими проявлениями этого периода являются особое богатство женского убора и большее количество погребений на могильниках по сравнению с более ранним и более поздним временем. К этому же периоду относится функционирование Чулковского могильника, который расположен также в области Окского правобережья ниже по течению.

Литература

- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А.*, 1990. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола. 74 с.
- Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н.*, 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э. Чулковский могильник. Саранск. 178 с.
- Дубынин А. Ф.*, 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э. Рукопись канд. дисс. /Архив ИА РАН.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А.*, 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // ПА. № 1 (23). С. 220–240.

- Зеленцова О. В., Милованов С. И.*, 2021. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I — начала II тысячелетия н. э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 12–28.
- Зеленцова О. В.*, 2021. Лунничные височные кольца в уборе поволжских финнов // Финно-угорские древности второй половины I — начала II тысячелетия н. э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 57–67.
- Иванов П. П.*, 1952. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск: Моршанский краеведческий музей. 232 с.
- Колода В. В., Горбаненко С. А.*, 2010. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины. 216 с.
- Львова З. А.*, 2008. Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник [Электронный ресурс] // Chernov-trezn.narod. URL: http://chernov-trezn.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (дата обращения: 09.10.2023).
- Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг.). Научная обработка А. Е. Алиховой. Саранск: Морд. книжн. изд-во, 1969. 176 с.
- Плетнева С. А.*, 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 198 с.
- Плетнева С. А.*, 1989. На хазарско-славянском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Уткин А. В., Черников В. Ф.*, 1992. Муромский могильник близ с. Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 7. С. 13–27.
- Черников В. Ф.*, 1963. Отчет о частичных раскопках могильника близ с. Нижняя Верея в 1962 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2520.

Металлические украшения обуви из Суздальского Ополя (X–XI вв.)¹

И. Е. Зайцева

Резюме. В статье рассматриваются металлические украшения обуви, собранные в последние годы при обследовании и раскопках средневековых сельских поселений и могильников в Суздальском Ополе. Эти предметы, не получившие распространения в древнерусской среде, могут выступать в качестве маркеров присутствия в Ополе представителей финно-угорского населения. Оценка количественного и пространственного распространения металлических украшений обуви способствует более глубокому пониманию этнических процессов, происходящих в центральном регионе Владимиро-Суздальской земли в X–XI вв.

Ключевые слова: костюм восточных финнов, украшения обуви, хронология, типология.

Металлические украшения обуви — одна из характерных черт восточно-финского костюма, не получившая распространения в древнерусской среде. Как известно, повседневной низкой обувью русского сельского жителя были лапти. В городах носили кожаные поршни и туфли, которые отделялись преимущественно прорезным орнаментом (*Осинов*, 2006. С. 40–41). Пришивание к обуви металлических украшений не было в моде. Однако, этот вид декора праздничной обуви получил большую популярность в среде восточных финно-угров, где он известен на широкой территории у различных племен. Исследованы многочисленные погребения по обряду ингумации, сохранившие положение таких украшений *in situ* (*Городцов*, 1914; *Никитина*, 2012. С. 128, 198, 403 и др.). Как правило, это невысокая обувь типа туфель. Украшения размещались как на верхней части ступни, так и сзади над пяткой, и по бокам. Таким образом, находки металлических украшений кожаной обуви можно считать маркерами присутствия представителей финно-угорского населения в Ополе. Оценка количественного и пространственного распространения этих предметов способствует более глубокому пониманию этнических процессов, происходящих в центральном регионе Владимиро-Суздальской земли в X–XI вв.

¹ Статья выполнена в рамках темы НИР №122011200266-3 «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье»

С 2001 по 2022 годы в ходе работ по выявлению и обследованию средневековых сельских поселений в округе Суздаля (около 400 памятников) сотрудники Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН в верхнем распахиваемом слое собрали коллекцию индивидуальных находок, насчитывающую около 14000 предметов. Среди них около 4500 находок являются изделиями из цветных металлов. Значительные собрания средневековых артефактов сформированы в ходе стационарных раскопок 11 поселений (исследовано около 1500 кв.м.; *Макаров, Шполянский, Федорина, 2023. С. 41*). Еще 2250 кв.м. (более 1000 предметов из цветных металлов и серебра) изучено на курганном и грунтовом могильнике Шекшово 9. Среди всего этого обилия находок около 330 предметов являются целыми и фрагментированными шумящими украшениями финно-угорских типов, в число которых входят и 37 экземпляров, предположительно использовавшихся для украшения обуви. Подсчеты показывают, что общее количество украшений обуви среди обнаруженных предметов из цветных металлов было весьма невелико и составляет чуть более 0,5%.

Восемнадцать предметов найдены в культурном слое двенадцати поселений: Везь 5 (5 экз.), Суворотское 8, Новгородское 1 и 6, Пиногор 1, Ратницкое 4, Сунгирь, Яновец 2 (2 экз.), Гнездилово 2 (2 экз.), Гнездилово 7, Кибол 3, Шекшово 3. Еще 18 находок происходит из могильника Шекшово 9 и одна из могильника Сельцо² (рис. 1). Очевидно, обувь с украшениями использовалась и как праздничная, и как погребальная. Только один предмет имеет следы оплавленности, т.е. большинство находок располагались в погребениях по обряду ингумации. Как видно на карте (рис. 1), памятники с находками украшений обуви не концентрируются в одном микрорегионе, а рассредоточены по всей изученной территории.

Все обувные подвески изготовлены по выплавляемым сборным моделям из пластичного материала (воск?). Практически целое украшение размерами 49х30 мм обнаружено на поселении Ратницкое 4. Оно представляет из себя две соединенные по длинным сторонам полутрубки длиной 30 мм, на другой стороне которых прикреплено по 3 колечка. На одном торце изделия помещена «улитка» из гладкого и перевитого жгута диаметром 10 мм с 3 колечками. На всех колечках имеются привески из треугольных лапок (рис. 2: 1). Близкие аналогии этому предмету имеются в материалах муромских могильников: Максимовского и Подболотьевского, где они украшали центральную часть обуви (см. *Спицын, 1901. С. 47; Бейлекчи, 2005. С. 172*). Такое же изделие, но с двумя

² Исследования могильника Сельцо только начаты. Ими пока охвачена небольшая площадь памятника (*Макаров, Красникова, Шевченко, 2022*).

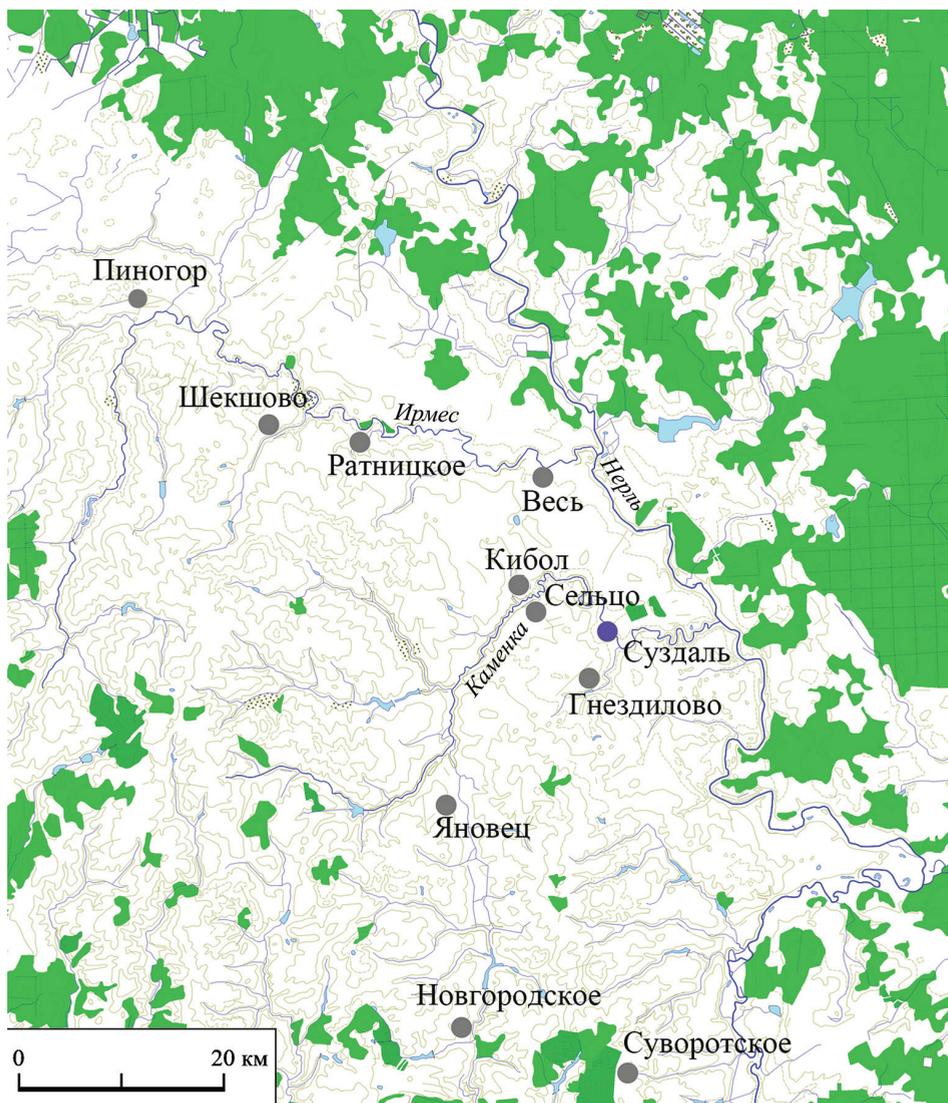

Рис. 1. Находки металлических украшений обуви на памятниках Суздальского Ополя

колечками, находилось в составе ожерелья в женском погребении 3 кургана 53 в группе Плешково 1 на Верхней Волге (Комаров, 2002. С. 154). Украшение из двоянных полутрубок с двумя торцевыми колечками найдено на поселении Пиногор 1 (рис. 2: 2).

Оригинальными являются два украшения подтреугольной формы размерами 47x22 и 36x28 мм, обнаруженные на селище Гнездилово 7 (рис. 2: 3) и в верхнем слое могильника Шекшово (рис. 2: 4). Их модели слеплены из оди-

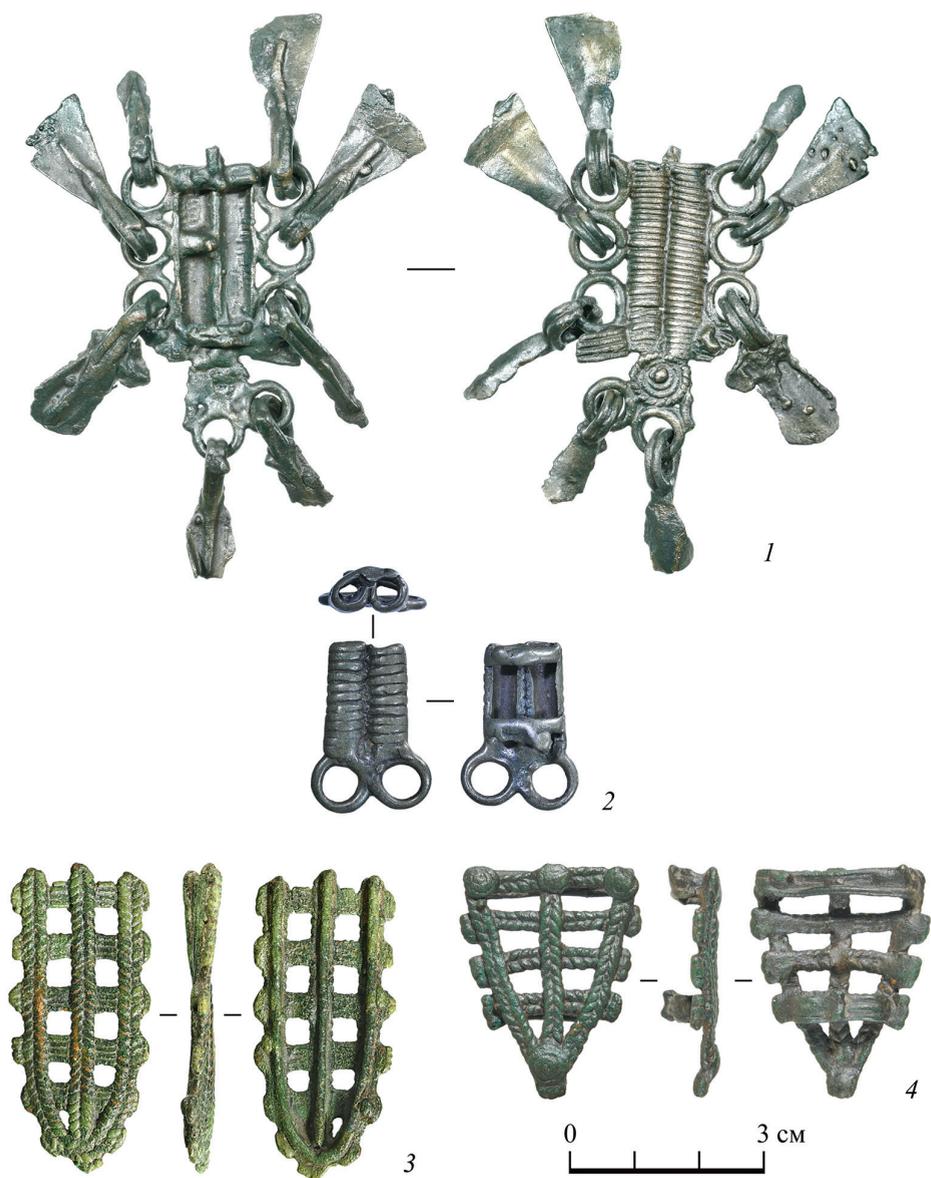

Рис. 2. Украшения обуви

1 — Ратницкое 4; 2 — Пиногор 1; 3 — Гнездилово 7; Шекшово 9

нарных косиц: треугольный каркас, продольная центральная полоса и несколько горизонтальных перемычек. Изделие из Шекшово 9 украшено 4-мя налестками в виде улиток. На обороте помещены две широкие петли для крепления. Несмотря на то, что на предметах нет колечек с шумящими подвесками, общий

их облик идентичен обувным украшениям из Подболотьевского могильника (см., например, *Рябинин*, 1997. С. 202. Рис. 54, 11).

Шестью экземплярами представлены прямоугольные подвески с верхней петлей, двумя ушками на обороте и рядом колечек по низу, к которым крепились привески в виде утиных лапок ромбической формы (подвески-планки; рис. 3). Верхние части щитков подвесок сплетены в виде косиц, снизу к ним приделаны полосы с поперечным рифлением. Две такие целые подвески длиной 48 мм обнаружены на костях стоп женщины в погребении 6 рубежа X–XI вв. могильника Шекшово 9 (рис. 3: 1, 2; *Зайцева, Столярова*, 2018). Еще два фрагмента подобных изделий найдены в верхнем перемешанном слое этого же могильника (рис. 3: 4, 6) и еще один в верхнем слое могильника Сельцо (рис. 3: 5). Один экземпляр происходит с селища Весь 5 (рис. 3: 3).

Плоские прямоугольные подвески с привесками причислены исследователями к этноопределяющим центральной группы мери (*Горюнова*, 1961. С. 100; *Рябинин*, 1997. С. 159). Опубликованы такие предметы из Владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым (*Спицын*, 1905. Рис. 453, 455). Наши находки позволяют определенно идентифицировать их как обувные. Однако, они встречены и в муромских памятниках. Например, по одной такой подвеске на каждой ноге в районе щиколоток было найдено в погребении 22 Максимовского могильника (*Спицын*, 1901. С. 47). Эти же подвески лежали в центральной части поверх стоп в погребениях X — начала XI вв. № 234, 235 (Городцов) в Подболотьевском могильнике (*Городцов*, 1914. С. 98, 99. Рис. 55, 57; *Бейлекчи*, 2005. С. 84). Опубликованы подвески из Малышевского и Корниловского могильников (см.: *Бейлекчи*, 2005. С. 168, 174). В. В. Бейлекчи пишет, что они могли скреплять ремешки туфель (*Бейлекчи*, 2005. С. 61). Появление планок относится к более раннему времени. Например, подобные украшения расчищены в районе ног женщины из п. 57 в Подболотье (раскопки О. В. Зеленцовой), относящемуся к концу VIII — началу IX в. (*Зеленцова, Сапрыкина*, 2018).

В погребении 1 кургана 26 в могильнике Плешково 1 такая подвеска лежала на правой стороне груди (*Комаров*, 2002. С. 154). Как и в рассмотренном выше случае, понимание роли в costume этих металлических украшений уже было утрачено у жителей Плешково.

Семнадцатью экземплярами представлены **двуспиральные подвески** с петлей (очковидные по Т. Б. Никитиной). Модели щитков подвесок набраны из гладкой палочки, свернутой в виде двух улиток. На обороте имеются по две петли для крепления (рис. 4, 5). Ширина подвесок варьирует от 15 до 33 мм. Шумящих привесок такие изделия не имели. Оплавленных экземпляров среди них нет. Восемь находок происходят из могильника Шекшово 9, две из них обнаружены в том же погребении, что и прямоугольные подвески-планки.

Рис. 3. Подвески-планки

1, 2, 4, 6 – Шекшово 2; 3 – Весь 5; 5 – Сельцо

Двуспиральные подвески найдены *in situ* в районе ног во многих восточнофинских погребениях X–XI вв., опубликованы реконструкции обуви с их использованием (Никитина, 2012. С. 121, 128, 198). Как правило, это невысокая обувь типа туфель (Никитина, 2017. С. 135–136; Бейлекчи, 2005. С. 61, 185). Однако, известны отдельные находки таких украшений и в районе головы. По наблюдениям О. В. Зеленцовой и С. И. Милованова, в Подболотьевском мо-

гильнике двуспиральные подвески обнаруживаются в погребениях всех хронологических групп (Зеленцова, Милованов, 2021).

Женское погребение 6 в Шекшово — первая и пока единственная ингу-мация с украшениями обуви, исследованная в Ополе в последнее время. По одной подвесе-планке располагалось около ступней женщины (рис. 3: 1,2). В районе ее левого колена найдена бронзовая двуспиральная подвеска с петлей (рис. 4: 5). Вторая такая подвеска была в заполнении ямы (перемещена землероем; рис. 4: 6). Положение двуспиральной подвески в районе колена позволяет полагать, что обувь была составной: скорее всего, онучи и кожаные туфли. Множество подвесок обоих типов имеется в материалах из раскопок курганов А. С. Уваровым (Спицын, 1905. Рис. 453). Интересен и еще один факт. По наблюдениям Л. А. Голубевой, в мерянских погребениях находили браслеты и перстни в районе колен. Исследовательница считает, что они пришивались к онучам (Голубева, 1987. С. 80). Такой же случай зафиксирован и в нашем погребении: перстень в районе правой голени.

Четыре **умбоновидные подвески** обнаружены в верхнем слое четырех поселений: Новгородское 1, Весь 5, Суворотское 8 и Шекшово 3. Шесть экземпляров происходит из переотложенного слоя могильника Шекшово 9 (рис. 6). Оплавленных предметов нет. Три изделия имеют круглый выпуклый щиток диаметром 23, 19 и 14 мм, скрученный из гладкого валика, в краевой зоне которого приделаны колечки для крепления привесок. На обороте сделана петля для крепления (рис. 6: 1, 2, 10). Круглые щитки остальных 7 экземпляров диаметром 17–25 мм, также скрученные из гладких валиков, колечек не имеют. По периметру они украшены выступами, гладкими или из ложной зерни (рис. 6: 3–9). На обороте эти подвески имеют петлю для крепления.

Умбоновидные подвески с шумящими привесками также были популярны в восточнофинской среде. Их находки встречены на широкой территории от Приладожья до Пермского Предуралья (см. Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 65; Крыласова, 2017). В Подболотьевском могильнике такое украшение лежало в погребении 57 второй половины VIII — начала IX в. в районе ног женщины (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 224). Хорошо известны реконструкции В. С. Городцова обуви с умбоновидными подвесками в центре из этого могильника (например, погребение 83, см.: Городцов, 1914. С. 98–99). Вероятно и иное размещение подобных украшений в костюме. Например, Н. Б. Крыласова, наряду с фиксацией умбоновидных подвесок в районе ног в четырех женских погребениях Рождественского могильника в Пермском Предуралье, отмечает наличие в этом же могильнике комплексов с сумочками, декорированными такими подвесками (Крыласова, 2007. С. 228; 2017). Тем не менее, чаще всего

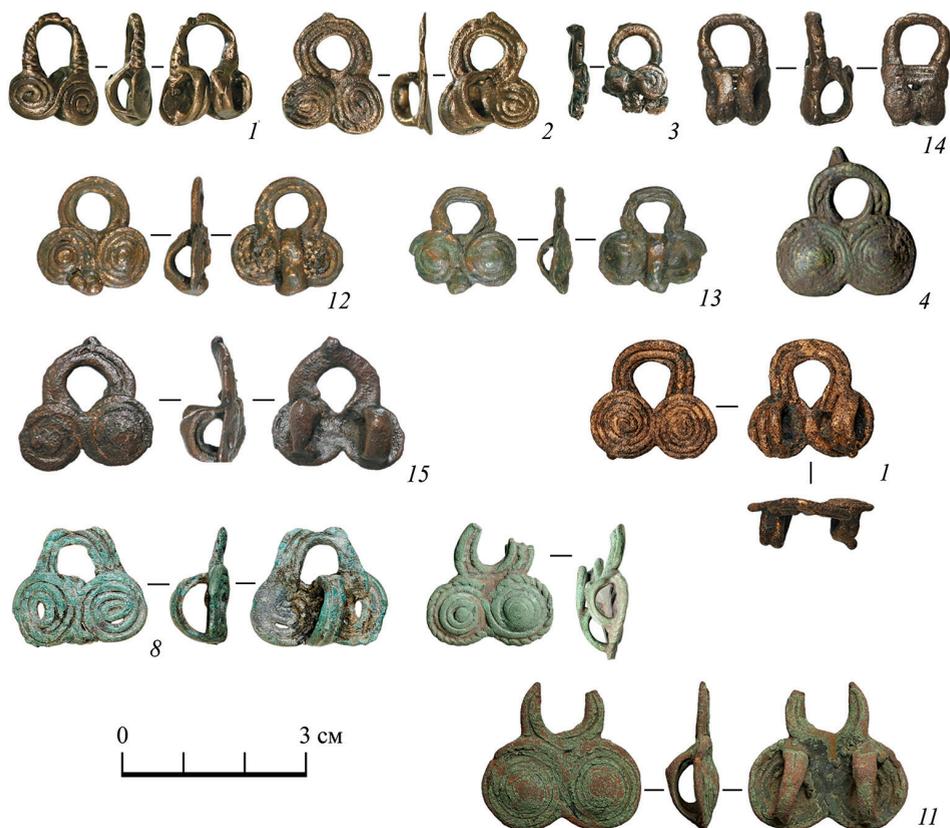

Рис. 4. Двуспиральные украшения

1, 2 — Весь 5; 3 — Сунгирь; 4, 9 — Гнездилово 2; 5, 6, 8, 10, 13 — Шекшово 9; 7 — Яновец 2;
11 — Новгородское 6; 12 — Сельцо

умбоновидные подвески использовались именно для украшения туфель (см., например, *Никитина*, 2018. С. 82).

Узкая датировка рассмотренных обувных украшений из Суздальского Опожья затруднена в связи с нахождением подавляющего большинства предметов вне комплексов в переотложенных верхних слоях памятников, а также с отсутствием разработанной хронологической шкалы для этой категории древностей. В поволжско-финских могильниках они известны в погребениях со второй половины VIII в. по XI в. В Ополье наиболее ранними селищами с находками украшений обуви являются Гнездилово 7, культурный слой которого по керамике и индивидуальным предметам (два дирхема VIII в.) отнесен к IX — первой половине X в. (*Макаров*, 2022. С. 49), и Весь 5, на котором выделен горизонт IX в. (*Макаров, Шполянский, Федорина*, 2023. С. 47). Двуспиральная

Рис. 5. Двуспиральные украшения
1–3 — Шекшово 9; 4 — Яновец 2.

подвеска обнаружена на городище Выжегша (не позднее IX в.; *Леонтьев, 2022. С. 13*). Остальные поселения с находками обувных украшений (за исключением памятника Новгородское 1) датируются временем X — середины XII в. Эти предметы найдены на 9 из 93 обследованных селищ этого периода (10%; *Макаров, Шполянский, Федорина, 2023. С. 51*). Украшения обуви присутствуют на многоэтничных «больших поселениях», являющихся центрами экономической и культурной жизни региона (*Макаров, Шполянский, Федорина, 2023. С. 55*).

Наличие находок на селищах свидетельствует о том, что туфли с металлическим декором не были исключительно погребальной обувью, а использовались и в повседневной жизни. Тем не менее, небольшое число предметов, возможно, связано с ограниченным количеством приверженцев этого типа обуви в Ополе.

Рис. 6. Умбоновидные подвески

1 – Новгородское 1; 2–4, 6–8 – Шекшово 9; 5 – Весь 5; 9 – Суворотское 8; 10 – Шекшово 3

В XII в. количество украшений поволжско-финского облика в регионе резко сокращается. Вероятно, что это связано с ассимиляционными процессами и утратой популярности мерянского костюма. Выходят из употребления и украшения обуви. Понимание их предназначения теряется. Прекрасной иллюстрацией этого является использование обувных подвесок для украшения ожерелий в курганном могильнике Плешково 1 на верхней Волге (Комаров, 2002. С. 154).

Литература

- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). М.: Издательство Московского психолого-социального университета. 278 с.
- Голубева Л. А., 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. С. 67–80.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М. С. 40–216.

- Горюнова Е. И.*, 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: изд-во АН СССР. 267 с. (МИА; вып. 94)
- Зайцева И. Е., Столярова Е. К.*, 2018. Об одном погребении могильника Шекшово в Суздальском Ополе // «Земли родной минувшая судьба». К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 73–91.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А.*, 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // ПА. № 1 (23). С. 220–240.
- Крыласова Н. Б.*, 2017. Особенности использования шумящих умбовидных подвесок в костюме жителей пермского Предуралья (по материалам Рождественского могильника) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. № 7. С. 15–18.
- Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.*, 2017. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь. С. 60–73.
- Леонтьев А. Е.*, 2022. Исследования городища Выжегша в 2021 г. // АВСЗ. Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 7–20.
- Макаров Н. А.*, 2021. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А.*, 2022. Могильник Сельцо: потерянный некрополь X–XI вв. под Суздаlem // КСИА. Вып. 269. С. 162–179.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н.*, 2023. Общий характер расселения и динамика освоения территории // Археология Суздальской земли. Т. 1. М., Вологда: Древности Севера. С. 41–68.
- Никитина Т. Б.*, 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: ИИ АН РТ, МарНИИЯЛИ. 408 с.
- Никитина Т. Б.*, 2017. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды КАЭЭ ПГПУ Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы Пермь. С. 132–141.
- Никитина Т. Б.*, 2018. Русенихинский могильник. Археология Евразийских степей. № 3. 255 с.
- Осипов Д. О.*, 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 202 с.
- Рябинин Е. А.*, 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 260 с.
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб. 120 с.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // ИИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.

Древнерусский некрополь на улице Варваринская в городе Плѣс Ивановской области: результаты археолого-антропологических исследований

В. А. Аверин, А. В. Аверина, В. Ю. Барышников,
А. В. Возохин, Д. В. Самотовинский

Резюме. Вводятся в научный оборот ранее неопубликованные результаты изучения археологических и антропологических материалов, полученных в результате спасательных раскопок культурного слоя и древнерусского некрополя в г. Плѣс Ивановской области. Приведено подробное описание условий залегания останков, их археологический контекст. Определен рост и половозрастной состав погребенных. Установлены имевшиеся у них заболевания и патологии скелета, а также прижизненные травмы. Предпринята попытка реконструкции внешнего облика пяти людей из некрополя, чьи черепа имели наилучшую сохранность.

Ключевые слова: Верхнее Поволжье, Плѣс, культурные слои конца X / начала XI — первой трети XIII, XVII — начала XX в., некрополь, краниология, остеология, комплексный анализ, антропологическая реконструкция.

Летом 2014 г. коллективом Ивановской археологической экспедиции проводились спасательные раскопки на участке строительства на ул. Варваринская, 18 в г. Плѣс Ивановской области (Самотовинский, 2016). Участок расположен на правом берегу р. Волга, под крутым склоном Горы Левитана; имеет естественный уклон с юга на север. Итоговая площадь раскопа, с учетом прирезок, составила 184 кв. м. Мощность напластований достигала 210 см. Установлено, что культурный слой формировался в три этапа. Следует отметить, что в результате многочисленных перекопов археологические материалы частично перемешались и их соотнесение с тем или иным периодом осуществлено на основании типологического анализа. Полученные материалы уже частично введены в научный оборот (Аверин, Барышников, Самотовинский, 2018; Васильев и др., 2020). Основное внимание в данной статье мы акцентируем на ранее неопубликованных данных.

Наиболее поздние, верхние напластования (рыхлый серо-коричневый суглинок со строительным мусором) отложились в эпоху Новейшего времени. К этому периоду относятся: фундамент кирпичного здания; два дренажных канальца, выложенные гравием, ветками и тонкими досками; мусорные ямы; засыпанный сруб колодца. Вещевой комплекс представлен монетами 1920-х

гг., изделиями из железа (напильник, нож, столовая вилка и др.), осколками стеклянной и фарфоровой посуды, а также черепками глиняных поливных сосудов.

Средний период истории рассматриваемого участка датирован XVII–XIX вв. Культурный слой этого времени представляет собой темно-коричневый оторфованный суглинок. Исследованы остатки деревянной постройки без фундамента, с глинобитной печью на дощатом полу и небольшим подполом. Коллекция включает монеты конца XVIII — первой половины XIX в., изделия из железа (ножи, навесные замки и др.), медный перстень, глиняные рыболовные грузила, обломок глиняной курительной трубки, фрагменты печных изразцов, стеклянные бутылки и их осколки, а также черепки от чернолощенных, моренных и сероглиняных сосудов.

Наконец, самый ранний этап освоения участка относится к домонгольскому периоду. Сформировавшийся в это время культурный слой представляет собой голубовато-серый влажный суглинок. В нем найдены обломки сероглиняных и красноглиняных сосудов (в том числе с клеймами), а также индивидуальные находки, среди которых особо выделяются (рис. 1): зооморфная коньковая подвеска с рельефным орнаментом, янтарная цилиндрическая бусина, железный ключ от замка (типа «А»), фрагмент браслета из темно-зеленого стекла, обломок медного пластинчатого браслета с рельефным орнаментом, шаровидная стеклянная бусина с фиолетовыми и желтоватыми полупрозрачными разводами. В это же время на рассматриваемой территории функционировал некрополь. В процессе раскопок обнаружено 28 захоронений, из них 3 — новорожденных (рис. 1; табл. 1). Степень сохранности различна — от неудовлетворительной (младенцы) до вполне пригодной для антропологической реконструкции. Приведем их краткое описание.

Погребение 1 выявлено выше уровня материка, повреждено в эпоху Нового времени: отсутствуют верхняя часть грудной клетки и череп. Контуры могильной ямы не читались. Покойный был положен в гроб, конструкцию которого проследить не удалось из-за плохой сохранности дерева. Зафиксированы фрагменты бересты, вероятно, его перекрывавшей. Умерший лежал вытянуто на спине, верхней частью туловища на запад. Изначальное положение рук установить затруднительно. Кости ног параллельны.

Погребение 2 выявлено выше уровня материка; у погребенного имеются посмертные повреждения — сломаны берцовые кости обеих ног, отсутствуют кости стоп. Контуры могильной ямы не читались. Умерший был положен в гроб, который сохранился в виде тонкой прослойки древесного тлена. Береста отсутствовала. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Положение головы не ясно: кости черепа оказались раздавленными. Правая рука

ДРЕВНЕРУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА УЛИЦЕ ВАРВАРИНСКАЯ В ГОРОДЕ ПЛЁС
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Таблица 1. Общие сведения об исследованных погребениях и их радиоуглеродном возрасте

№ погребения	Пол	Возраст, в годах	Рост, см	Заболевания	Травмы	Датировка С-14 (№ – ИММК РАН; SPb – РИПУ)
1	мужской	45-50	163/167	остеохондроз позвоночника и спондилоартрит, лигаментоз грудных позвонков		
2	мужской	7-10	121/130			
3	мужской	30-35	157/161	эмалевая гипоплазия, метопический шов		
4	мужской	35-40	170/175	остеохондроз позвоночника, спондилоартрит, пародонтоз, зубной камень, отсутствие зубов слева на нижней челюсти		
5	женский	18-21	164/167	эмалевая гипоплазия	перелом левой ключицы	
6	мужской	30-35	168/173	деформирующий остеоартроз левого плечевого сустава, остеохондроз позвоночника		909±30 BP (SPb-1642), кость
7	мужской	40-45	175/182	деформирующий остеоартроз, остеохондроз позвоночника, двусторонний спондиломиз пятого поясничного позвонка, кариес второго нижнего левого моляра, зубной камень	перелом левой ключицы, хромота на правую ногу из-за существенной разницы в длине большеберцовых костей	
8	мужской	30-35	163/166	гранулирующий периодонтит, остеохондроз позвоночника, спондилоартроз, эмалевая гипоплазия, одонтогенный остеомиелит первого верхнего левого моляра, пародонтоз	перелом лучевой кости левой руки с последующей деформацией в результате отсутствия иммобилизации	
9	женский	18-21	152/154			920±25 BP (№-10746), Девево 893±30 BP (SPb-1641), дерево
10	женский	6-10	125/134			
11	женский	25-30	155/158	Сколиоз, пародонтоз, метопический шов	перелом лучевой кости левой руки с последующей деформацией в результате отсутствия иммобилизации и (или) воспалительного процесса	
12	женский	20-25	162/166			910±20 BP (№-10748), дерево
13	женский	20-25	165/167	гранулирующий периодонтит		
14	мужской	35-40	160/167			
15	мужской	18-22	169/171	метопический шов		
16	новорожденный ребенок					

Таблица 1. (продолжение)

17	женский	35-40	158/164	деформирующий остеоартроз и остеохондроз позвоночника, эмалевая гипоплазия, краудинг	перелом костей носа со смещением вправо	790±60 ВР (№-10958), кость
18	новорожденный ребенок					
19	мужской	40-45	160/163	остеохондроз позвоночника, зубной камень		
20	женский	30-35	152/155	деформирующий остеоартроз	перелом костей носа со смещением влево	
21	новорожденный ребенок					
22	мужской	30-35	168/171			
23	мужской	35-45	158/161	лорбаллизация скелета позвоночника		
24	женский	50+	152/155	остеохондроз позвоночника. доброкачественная опухоль костей че-репа - гипертостоз	перелом лучевой кости левой руки с последующей деформацией в результате отсутствия иммобилизации и (или) воспалительного процесса	770±30 ВР (№-10744), дерево
25	мужской	20-26	166/168	гранулирующий периодонтит		955±17 ВР (№-10745), дерево 1020±70 ВР (№-10957), кость
26	женский	50+	153/156	деформирующий остеоартроз с развитием острой контрактуры право-го локтевого сустава, остеохондроз позвоночника, на нижней челюсти отсутствуют все моляры и рассосался альвеолярный отросток		
27	мужской	55+	167/171	анкилозирующий спондилоартрит	в процессе жизнедеятельности большое значение имели движения, связанные с силовыми нагрузками на основные группы мышц конечностей	
28	женский	30-35	148/152	деформирующий остеоартроз, остеохондроз позвоночника, отсут-ствуют моляры верхней и нижней челюстей, рассосался альвеолярный отросток		825±20 ВР (№-10747), дерево

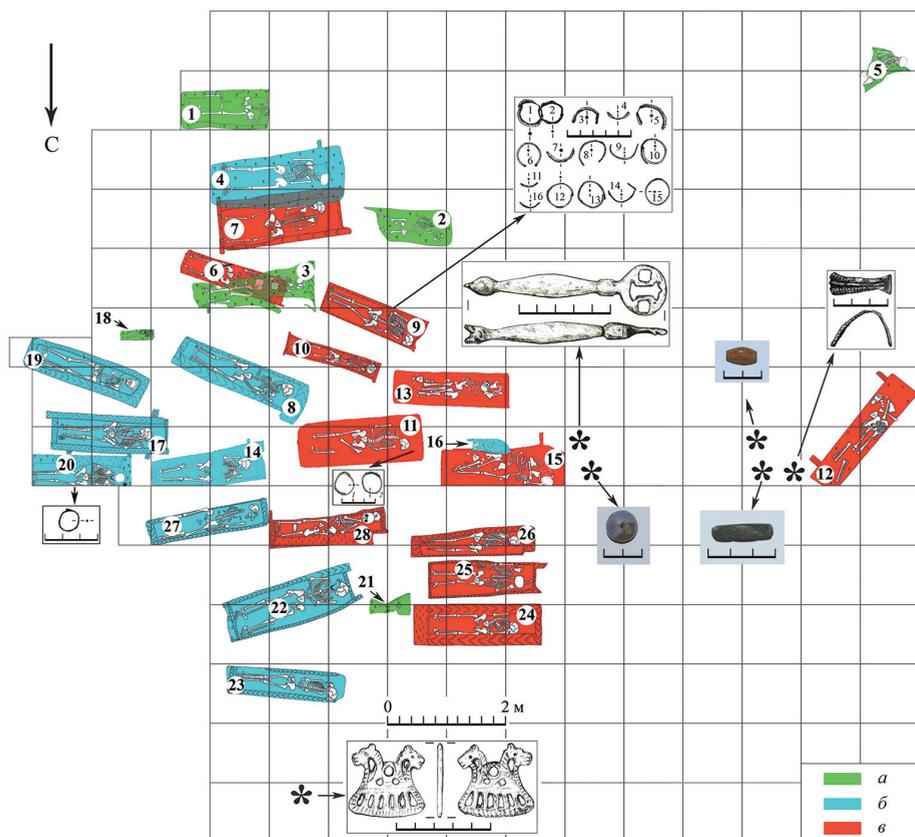

Рис. 1. Сводный план взаиморасположения погребений Варваринского некрополя и синхронных им археологических предметов

вытянута вдоль тела, левая — на животе. Кости ног параллельны. На костях отмечены следы кремации.

Погребение 3 выявлено выше уровня материка. Контуры могильной ямы не читались. Умерший лежал в гробу, конструкция которого не поддается реконструкции из-за плохой сохранности дерева. В изножье и изголовье гроба зафиксированы остатки поперечных планок. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим смещением к югу. Положение головы не ясно: кости черепа раздавлены (судя по расположению костей нижней челюсти, голова, скорее всего, была положена на затылок). Руки сложены на животе. Кости ног параллельны. Вместе с человеческими останками найдены отдельные кости свиньи.

Погребение 4 выявлено на уровне материка. Скелет имеет повреждения — отсутствует череп. Контуры могильной ямы не читались. Умерший был

положен в гроб, конструкция которого не реконструируется из-за плохой сохранности дерева. В изголовье гроба фиксируются остатки поперечной планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, верхней частью туловища на запад. Руки сложены на животе. Кости ног параллельны. На месте черепа обнаружен камень, размерами 19x14x13 см. Не ясно, изначально ли он находился внутри гроба или оказался там позднее, в результате повреждения захоронения.

Погребение 5 выявлено выше уровня материка. Оно имеет посмертные повреждения: у погребенного полностью отсутствуют кости ног. Контуры могилы не читались. Умерший был положен в гроб, конструкция которого не реконструируется из-за плохой сохранности дерева. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки сложены на груди. Череп повернут к северу. Вместе с человеческими останками найдены отдельные кости свиньи.

Погребение 6 заглублено в материк на 26 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (179x44 см)¹, собранный без гвоздей, боковые стенки которого снизу удерживаются фигурными поперечными планками с пазами. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с незначительным смещением к северу. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп повернут к югу. На покойного были надеты кожаные «туфли», сохранившиеся в виде фрагментов двухслойной кожи со следами прошивки.

Погребение 7 заглублено в материк на 34 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (205x85 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на поперечные планки, расположенные в изножье и изголовье. В погребении зафиксированы фрагменты бересты, покрывающие верх гроба. Кости расположены в анатомическом порядке. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим смещением к югу. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп повернут к югу.

Погребение 8 выявлено на уровне материка. Умерший был положен в дощатый составной гроб-ящик (235x58 см), собранный без гвоздей. Поперечные планки под дном гроба не обнаружены. Сохранность крышки не позволяет делать заключений об ее конструкции. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, со смещением к северу. Правая рука согнута в локте и уложена на животе, левая — на левой тазовой кости. Кости ног параллельны. Череп повернут к югу. Вместе с человеческими останками найдены отдельные кости свиньи.

¹ Необходимо учитывать, что за время пребывания в земле некоторые гробы сильно деформировались. Их изначальные параметры могли существенно отличаться. Например, ширина гробов, очевидно, уменьшилась за счет сдавливания стенок. А фиксируемая на момент вскрытия длина конструкции в ряде случаев наоборот увеличилась за счет «расползания» древесного тлена.

Погребение 9 заглублено в материк на 14 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (180x53 см), покрытый берестой, собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, со смещением к северу. Правая рука согнута в локте и уложена на живот, левая вытянута вдоль туловища. Кости ног параллельны. Череп повернут к северу. В захоронении обнаружено 16 бронзовых височных колец (целых и фрагментированных) — перстнеобразных, с несомкнутыми концами либо с чуть заходящими концами. Кольца лежали рядом с черепом, тремя группами — 7, 4 и 5 штук; два кольца были сцеплены между собой.

Погребение 10 заглублено в материк на 30 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (164x35 см), собранный без гвоздей, боковые стенки и дно которого поставлены на поперечные планки. На крышке гроба зафиксированы фрагменты бересты. Анатомический порядок расположения костей в гробу нарушен. Правильно лежали крестец, кости таза и ног. Позвонки и ребра хаотично разбросаны. Верхняя часть туловища обращена на запад, со смещением к северу. Лучевая кость правой руки лежит в районе таза, положение левой руки не ясно. Кости ног параллельны. Положение головы нарушено: череп лежит темечком вниз, лицо обращено на север.

Погребение 11 заглублено в материк на 30 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (210x78 см), покрытый берестой, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Стенки гроба скреплены между собой при помощи вставок в выдолбленные пазы. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука согнута в локте и уложена на живот, левая — сложена в области таза. Кости ног параллельны. Череп повернут к северу. В захоронении обнаружены 2 бронзовых височных кольца — перстнеобразных, с несомкнутыми и чуть заходящими концами. Кольца располагались под затылочной частью черепа. Вместе с человеческими останками лежали отдельные кости свиньи.

Погребение 12 заглублено в материк на 5–10 см. От гроба сохранилось лишь дощатое дно, одна поперечная стенка и фрагменты крышки, покрытой берестой. Приблизительные размеры гроба (225x56 см). В изножье и изголовье под дном располагались рубленые поперечные планки с пазами, в которые крепилось дощатое дно. Анатомический порядок костей был нарушен: голова зафиксирована в области таза, при этом она располагалась существенно выше остальных костей; кости ног, таза, позвонки, ребра также были смещены. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям, изначально умерший лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Положение правой руки не фиксируется, лучевая кость левой руки лежала вытянуто вдоль туловища. Бедрен-

ные кости параллельны. Положение черепа едва ли отражает его изначальное положение: череп лежал на боку, лицом обращен к югу. Вместе с человеческими останками обнаружены кости свиньи.

Погребение 13 заглублено в материк на 14 см. Умерший был положен в гроб (199x59 см), сохранность которого затрудняет характеристику его конструкции. Судя по округлому дну могильной ямы, это могла быть долбленая колода. Кости расположены не в анатомическом порядке, хотя наблюдается выраженная западная ориентировка. Крестец и часть позвонков найдены в области стоп, берцовые и бедренные кости ног лежали почти на одном уровне, ребра и позвонки залегали вперемешку. Череп поставлен теменной частью вверх и находился в области грудной клетки, обращен лицом к югу. Лопатки, плечевые кости, а также некоторые позвонки расположены выше уровня головы.

Погребение 14 выявлено на уровне материка. Умерший был положен в дощатый составной гроб-ящик (195x63 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Центральная часть погребения повреждена дренажным колодцем. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим смещением к югу. Положение рук не фиксируется из-за повреждения костяка, но плечевые кости расположены параллельно друг другу. Фрагмент лучевой кости левой руки зафиксирован в области таза; лучевая кость правой руки не сохранилась. Кости ног параллельны. Череп повернут к югу.

Погребение 15 заглублено в материк на 21 см. Умерший положен в рубленый гроб-ящик (213x64), поставленный на поперечные планки, тлен от одной из них сохранился в изголовье. Погребение имеет выраженную западную ориентировку. Крестец и часть позвонков найдены в области коленного сустава, ребра и позвонки залегали хаотично, череп поставлен теменной частью вверх, лицом на восток, нижняя челюсть лежала к югу от черепа и обращена к западу. Вместе с человеческими останками найдены кости свиньи.

Погребение 16 выявлено на уровне материка. Представляет собой захоронение младенца, выявленное в ходе расчистки погребения 15 и примыкает к его южному борту. Умерший был положен в гробик (73x22 см), остатки которого сохранились в виде древесного тлена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Руки, возможно, были сложены на туловище; сохранность костей не позволяет сделать более точных выводов. Кости ног параллельны. Череп раздавлен.

Погребение 17 зафиксировано на уровне материка. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (206x63 см), накрытый берестой, собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая

рука согнута в локте и уложена в нижней части живота, левая — сложена в области таза. Кости ног параллельны. Череп повернут к югу.

Погребение 18 располагалось выше уровня материка и представляло собой захоронение младенца. Умерший положен в гробик (55x17,5 см), остатки которого сохранились в виде древесного тлена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки, чуть согнутые в локтях, лежали вдоль туловища. Кости ног параллельны. Череп раздавлен, значительная часть его костей утрачена.

Погребение 19 выявлено на уровне материка. Погребенный положен в дощатый составной гроб-ящик (209x57 см), покрытый берестой, собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, со смещением к северу. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп залегал на затылке лицом вверх. В захоронении обнаружены два плоских камня. Один располагался в изголовье, под черепом («каменная подушка»). Второй — в области стоп погребенного. Следов обработки на камнях не обнаружено. Кроме того, в ногах умершего найдено два фрагмента обработанной кожи, которые, судя по всему, представляли собой остатки обуви.

Погребение 20 выявлено на уровне материка. Умерший был положен в дощатый составной гроб-ящик (167x53 см), покрытый берестой, собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп лежал на затылке, лицом на восток. В погребении обнаружено бронзовое височное кольцо — перстнеобразное, с несомкнутыми концами. Оно располагалось к северо-востоку от головы, в углу гроба.

Погребение 21 расположено выше уровня материка. Оно представляет собой захоронение младенца. Умерший был положен в гробик (69x36 см), остатки которого сохранились в виде древесного тлена, покрытый берестой. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Сохранность костей рук и ног не позволяет охарактеризовать их изначальное положение. Череп раздавлен.

Погребение 22 выявлено на уровне материка. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (225x77 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Короткие поперечные борта гроба вставлены в пазы, вырезанные в длинных продольных стенках. Сохранность крышки гроба не позволяет делать уверенных заключений об ее конструкции. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, со смещением к югу. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп лежал на боку, лицом к югу.

Погребение 23 выявлено на уровне материка. Умершего положили в дощатый составной гроб-ящик (198x50 см), собранный без гвоздей. Сохранность крышки гроба не позволяет делать выводы об ее конструкции. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад со смещением к северу. Руки сложены в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп частично разрушен, лежал на боку, лицом обращен к северу.

Погребение 24 заглублено в материк на 36 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (214x69 см), покрытый берестой, сохранившейся фрагментарно, собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Положение правой руки не фиксируется. Левая рука согнута в локте и уложена кистью на грудную клетку. Кости ног параллельны. Череп лежал на боку, лицом к северу.

Погребение 25 заглублено в материк на 26 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (200x60 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука, вытянутая вдоль тела, вероятно, лежала с раскрытой ладонью. Левая рука под острым углом согнута в локте и уложена кистью на верхнюю часть грудной клетки. Кости ног параллельны. Череп завален вперед. Судя по всему, изначально голова лежала на затылке.

Погребение 26 заглублено в материк на 36 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (221x49 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Изголовный и изножный поперечные борта гроба вставлены в пазы, вырезанные в дощатом дне гроба; при этом внутреннее пространство гроба оказывается существенно меньше длины его дощатого дна. Расстояние между поперечными изголовной и изножной стенками гроба — 189 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука чуть согнута в локте и лежала вдоль тела. Левая — согнута в локте под прямым углом и уложена в нижней части живота. Кости ног параллельны. Череп раздавлен и завален вперед.

Погребение 27 выявлено на уровне материка. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (205x45 см), собранный без гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, со смещением к югу. Положение правой руки не ясно. Левая рука вытянута вдоль туловища. Кости ног параллельны. Череп раздавлен и повернут к югу.

Погребение 28 заглублено в материк на 47 см. Умерший положен в дощатый составной гроб-ящик (197x55 см), покрытый берестой, собранный без

гвоздей, дно и боковые стенки которого поставлены на рубленые поперечные планки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Положение рук можно определить лишь условно. По всей видимости, правая рука была сложена в области таза, левая — согнута в локте и уложена на живот. Кости ног параллельны. Череп лежал на затылке, лицом вверх. В захоронении обнаружены два плоских камня. Один из них располагался в изголовной части погребения; изначально череп, видимо, лежал на нем («каменная подушка»), но впоследствии съехал вниз. Второй камень находился в изножной части погребения в области берцовых костей погребенного, перпендикулярно им. Изголовный камень, вероятно, искусственно расколот для придания ему более плоской формы. Следов обработки на втором камне не прослеживается.

Могильник интерпретирован нами как городской грунтовый некрополь, возникший в конце X — XI в. и функционировавший, по крайней мере, до конца первой трети XIII в. Некрополь характеризуется ранней христианской обрядностью, на что указывает использование массивных гробов-ящиков, ориентация большинства погребений по линии запад-восток, практически безы Inventарный (за несколькими исключениями) характер, наличие плоских камней под головами и в ногах двух умерших. Правда, есть и отдельные элементы, восходящие к дохристианскому времени. Это наличие следов кремации (погребение № 2), украшения в погребениях молодых женщин, присутствие в гробах костей животных (свиньи). По поводу последних отметим, что в случаях с погребениями № 3 и № 5 их попадание в могилу могло быть обусловлено повреждением захоронений. Но в остальных случаях кости животных находились в закрытых крышками гробах. Использование бересты в погребальном обряде, очевидно, не связано с местными языческими традициями, поскольку ярко представлено и в других, достаточно удаленных регионах Руси. В целом, погребальный обряд изученного некрополя отличался временной устойчивостью, принадлежал группе населения, входившей в культурный мир древнерусской христианской культуры, относительно рано проникшей на территорию Верхней Волги.

В пяти захоронениях (№ 8, 11, 13, 19 и 25) прекрасно сохранились черепа (рис. 2) — одним из соавторов (А. В. Возохиным) предпринята попытка реконструкции внешнего облика этих людей. В основу исследования положена методика, основы которой были заложены М. М. Герасимовым, развитая его последователями (*Герасимов, 1955; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Лебединская, 1998; Балуева, Веселовская, 2004; Рахматуллин, 2013*). Наряду с этим были использованы и специальные разработки медицинской криминалистики (*Пашкова, 1963; Абрамов и др., 2000; Федосюткин, 2006*).

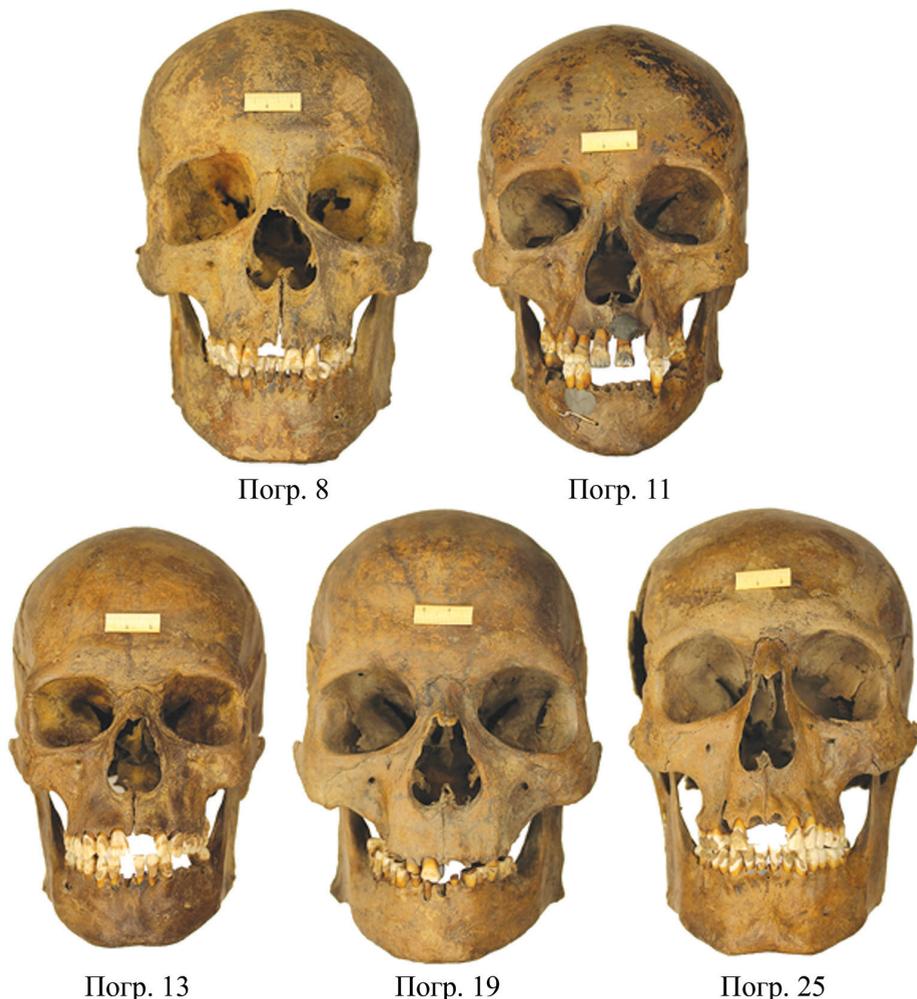

Рис. 2. Антропологический материал, использованный для реконструкции — черепа из погребений № 8, 11, 13, 19 и 25

После очистки черепов от остатков грунта к ним в физиологическом положении при помощи скульптурного (твёрдого) пластилина прикреплялась нижняя челюсть. Собранный препарат черепа закреплялся в штативе с шаровым шарниром, устанавливался на платформе и ориентировался в немецкой горизонтали. Производилось фотографирование, изображение заносилось в компьютер для последующей обработки в специализированных программах. Для каждого черепа составлялся словесный портрет, а затем выполнялась графическая реконструкция внешнего облика. Для этого было предпринято следующее: а) разметка антропометрических точек на черепе; б) расчет размеров

элементов головы и лица по уравнениям регрессии; в) детальное измерение и описание индивидуальных особенностей черепа по программе, разработанной сотрудниками лаборатории антропологической реконструкции РАН специально для восстановления лица на основе черепа; г) выполнен обвод контура головы, толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами, составленными Г. В. Лебединской и Е. В. Веселовской; д) воспроизведены веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз; е) воспроизведен нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости; ж) воспроизведен рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса; з) произведено построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра; и) воспроизведены ушные раковины с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков, с учетом направления чешуи височных костей, выраженности надсосцевидного рельефа, направления ветвей нижней челюсти, учтены также размеры восстановленного носа.

Важно отметить, что наиболее достоверно реконструкция воспроизводит: контур свода головы (черепа); общий контур лица (без учета полноты); пропорции лица и соотношение элементов лица по величине; индивидуальные асимметрии лица; направление разреза глаз. С частичной достоверностью реконструкция воспроизводит: строение верхнего века; форму бровей; форму разреза глаз; форму спинки носа; положение основания носа (опущенное, горизонтальное, приподнятое); толщину губ и ширину рта; степень оттопыренности ушных раковин. Наконец, условно на реконструкции изображаются (по черепу не определяются вовсе): индивидуальная мимика, морщины, т.е. характерное для данного человека выражение лица; прическа (за исключением случаев, когда волосы сохранились); густота и ширина бровей; форма и размер ушных раковин; полнота лица; структура и оттенок кожи. Этапы реконструкции отражены на рисунке 3.

Удовлетворительная сохранность костных останков в 25 из 28 обнаруженных погребений, позволила получить большое количество ценной исторической информации.

Половозрастной состав определен у 25 индивидов (за исключением 3 младенцев). Из них 11 — женских, 14 — мужских. Есть как совсем молодые люди (7–10 — 20–26 лет), так и лица старшего возраста (30–35 — 55+). Мужская часть выборки оказалась долихокранной, мезенной, с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета. Женщины, в отличие от мужчин, имели ме-

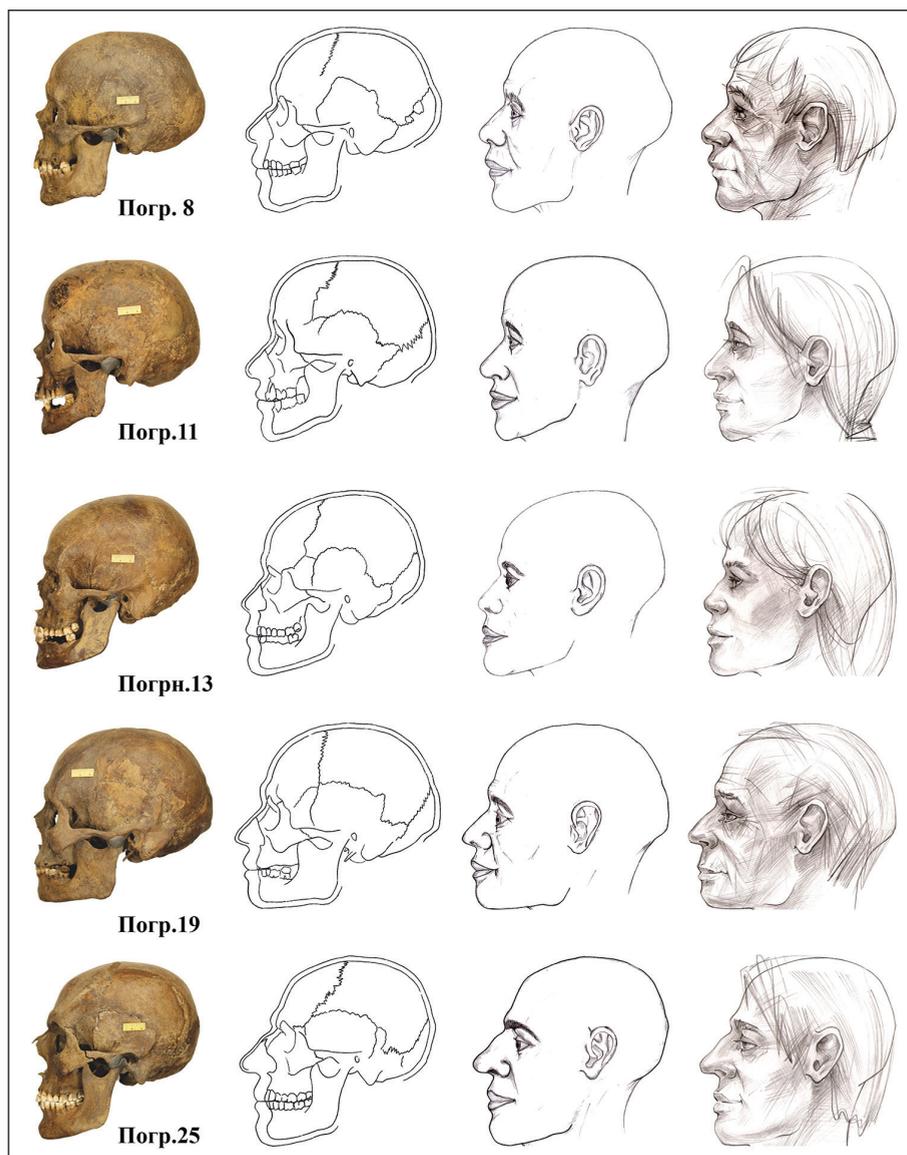

Рис. 3. Этапы антропологической реконструкции индивидов из погребений № 8, 11, 13, 19 и 25

зокранную черепную коробку и более уплощенный лицевой скелет на уровне назиона. Можно предположить, что женщины по своей морфологии близки к местному уралоидному субстрату. Мужская часть выборки имеет больше аналогий среди славянского населения.

Остеологический анализ показал, что и у мужчин, и у женщин удлинено предплечье по отношению к плечу и, наоборот, укорочена голень по отношению к бедру. Кости рук, за исключением лучевых костей, в изучаемой группе в целом грацильные. Массивность костей ног разнообразна, но чаще повышенная. Рост у мужчин и женщин (не считая подростков 8–12 лет) существенно отличался. У мужчин нижний показатель — 157–161 см, а верхний 175–182 см. У женщин — 148–152 см и 169–171 см соответственно. Получается, что у мужчин он был разным — были и низкорослые, и с ростом выше среднего. У большинства женщин — ниже среднего.

Практически у всех индивидов, перешагнувших тридцатилетний рубеж, присутствуют заболевания суставов. Они одинаковы и у мужчин и у женщин. Наиболее часто встречены признаки остеохондроза позвоночника. Также отмечается анкилозирующий спондилоартрит, спондилоартроз, остеоартроз, сколиоз, гиперостоз. Как у пожилых, так и у молодых людей отмечается наличие стоматологических заболеваний — гранулирующего периодонтита, пародонтоза, кариеса и др. Хотя в целом состояние зубов у исследованных индивидов вполне удовлетворительное. Из врожденных патологий можно отметить люмбализацию скелета позвоночника, обнаруженную у мужчины из погребения № 23, а также существенная разница в длине большеберцовых костей у мужчины из захоронения № 7. Последний дефект при жизни должен был проявляться в виде хромоты на правую ногу.

Что касается прижизненных травм, то это в основном переломы лучевых костей рук. Во всех случаях имела место последующая деформация в результате отсутствия иммобилизации и (или) воспалительного процесса. Установлены также следы переломов ключиц. У двух женщин зафиксированы переломы костей носа, в одном случае со смещением вправо, а в другом — влево. Все перечисленные травмы имели следы заживления. Признаков насильственной смерти на сохранившихся костях скелетов не зафиксировано.

У трех индивидов (погребения № 3, 11 и 15) отмечен дискретно-варьирующий признак — метопический шов, что косвенно может говорить об их родстве.

Таким образом, по итогам спасательных раскопок на участке строительства на ул. Варваринской, 18 в г. Плёт Ивановской области, исследованы культурные напластования от домонгольского времени до начала XX в., а также часть городского некрополя, радиоуглеродным методом датирующегося концом X / началом XI — первой третью XIII в. Предпринятая попытка реконструкции внешности погребенных домонгольского периода по материалам г. Плёт была осуществлена впервые за последние три десятилетия, несмотря на многочисленные исследования некрополей, как в самом городе, так и в его округе.

Авторы выражают благодарность: С. В. Васильеву (д.и.н., зав. отделом физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН) — за работу с антропологическим материалом, консультации в вопросах определения пола, возраста, патологий скелета погребенных; М. А. Кульковой (к. геол.-мин.н., доц. каф. геологии и геоэкологии РГПУ им. А. И. Герцена) и Н. Д. Буровой (н.с. лаборатории археологической технологии ИИМК РАН) — за выполнение радиоуглеродного датирования.

Литература

- Абрамов С. С., Гедыгушев И. А., Звягин В. Н., Назаров Г. Н., Томилин В. В.*, 2000. Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. 472 с.
- Аверин В. А., Барышников В. Ю., Самотовинский Д. В.*, 2018. Древнерусский городской некрополь в Плесе на улице Варваринская, 18: материалы раскопок Ивановской археологической экспедиции 2014 года // Археология Плеса (материалы исследований 2007–2018 гг.). Шуя. С. 11–19.
- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.*, 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Балуева Т. С., Веселовская Е. В.*, 2004. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 1. С. 143–150.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Аверин В. А., Фризен С. Ю.*, 2020. Население средневекового Плеса (по материалам археологических раскопок Варваринского некрополя в г. Плес Ивановской области в 2014 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (51). М. С. 161–170.
- Герасимов М. М.*, 1955. Восстановление лица по черепу. М.: изд-во АН СССР. 585 с.
- Лебединская Г. В.*, 1998. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М.: Старый Сад. 122 с.
- Пашкова В. И.*, 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз. 156 с.
- Рахматуллин Н. Р.*, 2013. Построение ушной раковины при пластической реконструкции лица по черепу // ПА. № 3. С. 155–168.
- Самотовинский Д. В.*, 2016. Отчет об итогах археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Плесь. Историко-культурный слой г. Плес», по адресу: Ивановская обл., Приволжский район, г. Плес, ул. Варваринская, 18, в 2014 г. Т. 1–3 / Архив ИА РАН. Р-1, № 48455–48457.
- Федосюткин Б. А.*, 2006. Медицинская криминалистика. Ростов-на-Дону: Приазовский Край. 422 с.

Металлические украшения в погребальном инвентаре курганного могильника Дарьино-2

Т. Ю. Савосина, И. И. Сироштан

Резюме. В статье представлена коллекция металлических украшений, полученная при исследовании курганного могильника Дарьино-2 в 2017 г. В ходе работ исследованы 8 курганов, в шести из которых выявлены погребения. Погребальный инвентарь женских захоронений содержал разнообразные украшения, характерные для вятичского населения XII — нач. XIII в: височные кольца (и их фрагменты), витую гривну, разнообразные привески, браслеты и перстни.

Ключевые слова: курганный могильник Дарьино-2, погребение, вятичи, металлические украшения, височные кольца, гривна, браслеты, перстни.

В 2017 г. сотрудниками Подмосковной экспедиции отдела охраны археологического наследия ИА РАН проводились спасательные археологические раскопки курганного могильника Дарьино-2, расположенного в Одинцовском районе Московской области, в 1,3 км севернее д. Дарьино, на правом берегу р. Слезня (правый приток р. Москва) (рис. 1).

Ранее этот памятник изучался в 1961 г. и 1963 г. С. С. Ширинским. Первоначально курганный могильник Дарьино-2 насчитывал не менее 36 насыпей; всего С. С. Ширинским исследовано 9 курганов. В ходе работ 2017 г. под руководством Р. А. Федонина¹ было раскопано 8 курганов и межкурганное пространство (рис. 2).

Все исследованные насыпи были повреждены грабительскими перекопками. В ходе работ было выявлено и исследовано семь погребений. В пяти случаях (кроме кургана 8) захоронения оказались в различной степени разрушены грабителями. Большинство исследованных погребений были женскими.

В погребальном инвентаре и в засыпке грабительских ям пяти курганов присутствовали разнообразные металлические украшения, относящиеся к вятичскому кругу древностей². Всего было найдено 29 изделий (в том числе со-

¹ Авторы благодарят руководителя работ Федонина Романа Александровича за возможность изучения материалов раскопок 2017 г.

² Авторы благодарят Аникина Илью Сергеевича и Шполянского Сергея Владимировича за консультации и помощь в работе над данной статьей.

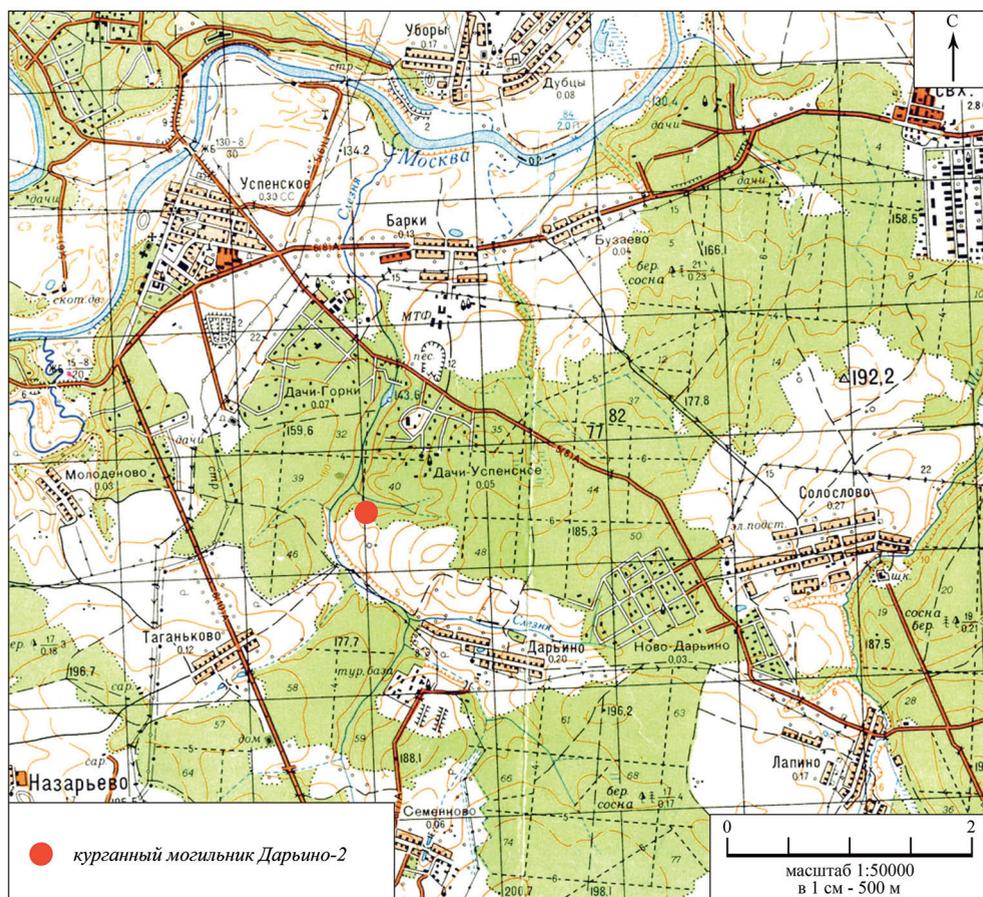

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Дарьино-2 на фрагменте топографической карты

хранившихся фрагментарно). Большая часть украшений происходит из комплексов курганов 7 и 8.

Наиболее многочисленным является комплекс украшений кургана 8 (всего 9 предметов). При исследовании этого кургана было выявлено два погребения, не нарушенных грабительским перекопом.

В сопроводительном инвентаре погребения 1 встречено 8 изделий (рис. 3³), среди которых преобладали украшения рук:

– два сложновитых браслета 2×3 (по одному на каждой руке) (рис. 3: 2; 3: 3). Эти браслеты изготовлены из двойной проволоки, которую перекручивали и

³ Рисунки выполнены авторами.

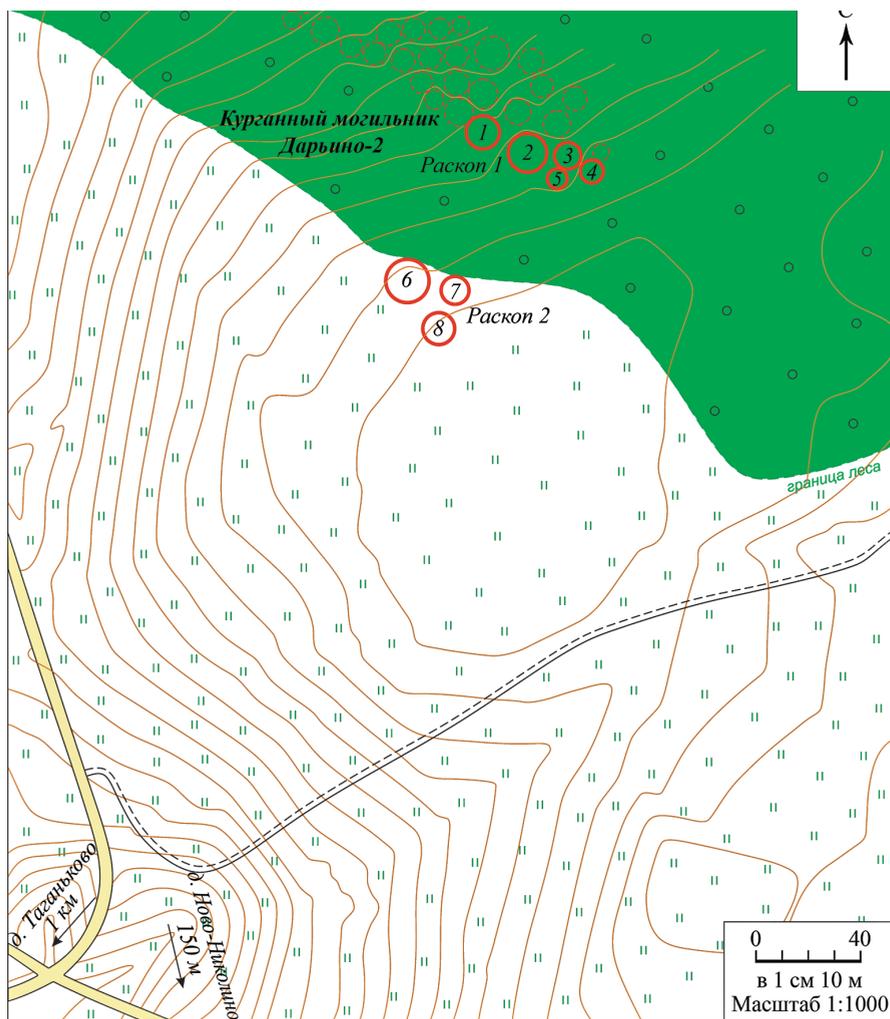

Рис. 2. Топографический план курганного могильника Дарьино-2

изгибали втрое. По материалам Мякинских курганов они датируются последней четвертью XII — до середины XIII в. (Сарачева, 2018. С. 80. Рис. 161: 4).

– два решетчатых двухзигзаговых перстня (по одному на каждой руке) (рис. 3: 4; 3: 5). Каждый перстень имеет массивный щиток, выполненный в виде четырех рядов подтреугольных отверстий, расположенных в шахматном порядке. По краю щитка нанесены насечки. Равдина Т. В. датирует эти перстни XII — нач. XIII в. (Равдина, 1975. С. 89. Рис. 11).

– решетчатый широкосрединный трехваловый незамкнутый перстень (рис. 3: 6). Узор на перстне составляют 2 переплетенные волнообразные зам-

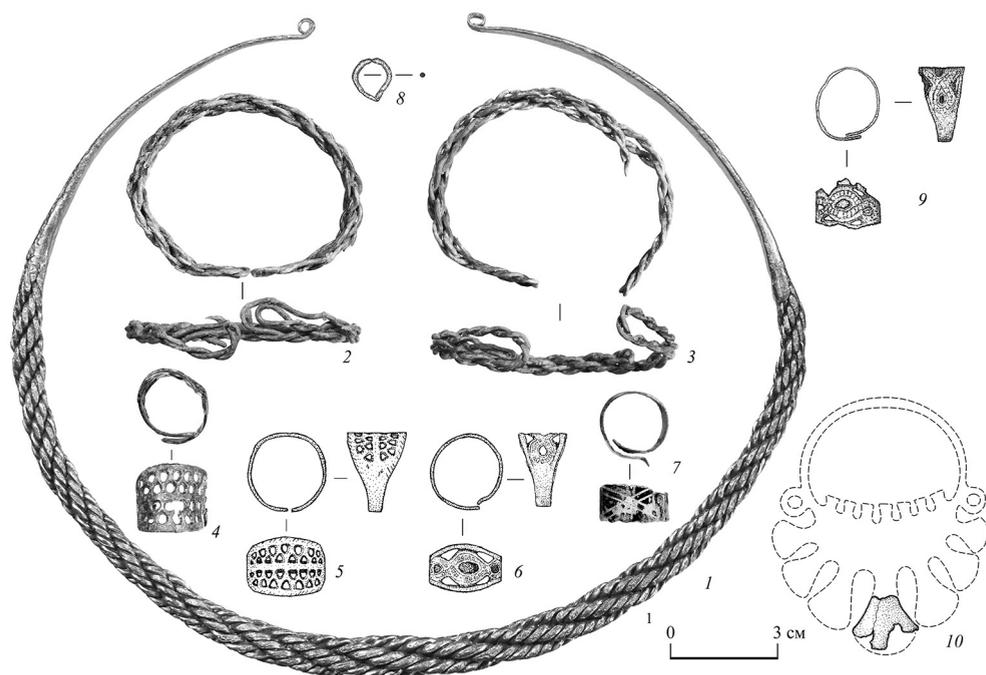

Рис. 3. Металлические украшения в комплексе кургана 8

1 — гривна; 2, 3 — сложновитые браслеты 2×3; 4, 5 — решетчатые двухзигзаговые перстни; 6, 9 — решетчатые широкосрединные трехваловые перстни; 7 — пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень; 8 — проволочное перстнеобразное височное кольцо; 10 — фрагмент семилопастного височного кольца.

1–8 — погребение 1; 9 — погребение 2; 10 — находка в засыпке грабительского перекопа.

кнутые линии, образующие один крупный овал посередине и 2 окружности по бокам, украшенные полосами с орнаментом в виде штриховки. Аналогичный перстень был найден в погребении 1 грунтового могильника у д. Бутырки, Тульской обл. Гоняный М. И. датирует этот могильник первой половиной XIII в. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 249, 250. Рис. 3: 4). Еще два подобных перстня были обнаружены на селище Устье-3, памятник датируется кон. XII — пер. пол. XIII в. (Гоняный, 2014. С. 73. Рис. 11: 1, 3).

– *пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень* (рис. 3: 7). Поверхность обруча украшена геометрическим декором, выполненным гравировкой. В Новгороде подобные перстни встречены в слоях конца XI — конца XII в. (Седова, 1981. С. 129. Рис. 46: 8). Н. Г. Недошивина датирует такие перстни XII–XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 262. Рис. 31: 2). На территории Романова двора подобный перстень был найден в заполнении подпечной ямы на поселе-

нии XII–XIII вв. (Кренке, 2003. С. 159. Рис. 3: 2). Лапшин В. А. датирует эти перстни X–XIII вв. (Лапшин, 2009. Рис. 102: 12).

К шейным украшениям погребения 1 относится *витая гривна* с пластинчатыми основаниями и петлеобразными окончаниями (рис. 3: 1). Плетеная часть гривны выполнена из 4 жгутов. Подобные гривны являются распространенным типом шейных украшений на территории Древней Руси. Датируются они XII — началом XIII в. (Захаров, 2004. С. 57. Рис. 53: 1; Фехнер, 1967. С. 73. Рис. 13: 6).

К головным украшениям принадлежит *проволочное перстнеобразное височное кольцо с несомкнутыми концами* (рис. 3: 8). Подобные височные кольца имеют широкий ареал и хронологию бытования. Наибольшее распространение они имели с XI — до начала XIII в. (Захаров, 2004. С. 56. Рис. 48: 19; Седова, 1981. С. 13. Рис. 3: 11).

В погребении 2 кургана 8 был обнаружен один *решетчатый трехваловый незамкнутый перстень* (рис. 3: 9), аналогичный перстню из погребения 1.

Кроме того, в заполнении грабительского перекопа был обнаружен фрагмент лопасти *семилопастного височного кольца* (рис. 3: 10), однако, определить тип этого украшения не представляется возможным.

В кургане 7 было выявлено одно захоронение, часть которого также оказалась неповрежденной. Всего в комплексе находок из этого кургана было обнаружено 8 украшений (рис. 4).

Шейные украшения представлены разнообразными привесками:

– *круглая прорезная косорешетчатая привеска* (рис. 4: 1). Решетчатые привески довольно широко распространены в Северной Руси и характерны для Новгородского населения. Их датировка (по курганным материалам) XII – XIII вв. (Успенская, 1967. С. 108. Рис. 18: 3; Седова, 1981. С. 42. Рис. 10: 1). Захаров С. Д. по материалам Белоозера датирует их тем же периодом (Захаров, 2004. С. 58. Рис. 65: 5).

– *круглая прорезная привеска с включенным крестом* (рис. 4: 2). Подобные привески распространены в курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (Никольская, 1981. С. 235. Рис. 89: 18). Седова М. В. датирует такие привески XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 42. Рис. 14: 1).

– *две круглые крестовключенные прорезные привески* (одна из них сохранилась фрагментарно) (рис. 4: 3, 4). Привески состоят из креста с криновидными окончаниями и рельефной точкой в средокрестии. Крест включен в круг, украшенный зигзагообразным орнаментом. Аналогии этим привескам были обнаружены в Серенске (Никольская, 1981. С. 235. Рис. 89: 14). Успенская А. В. датирует круглые прорезные привески с включенным крестом XII–XIII вв. (Успенская, 1967. С. 108. Рис. 18: 10).

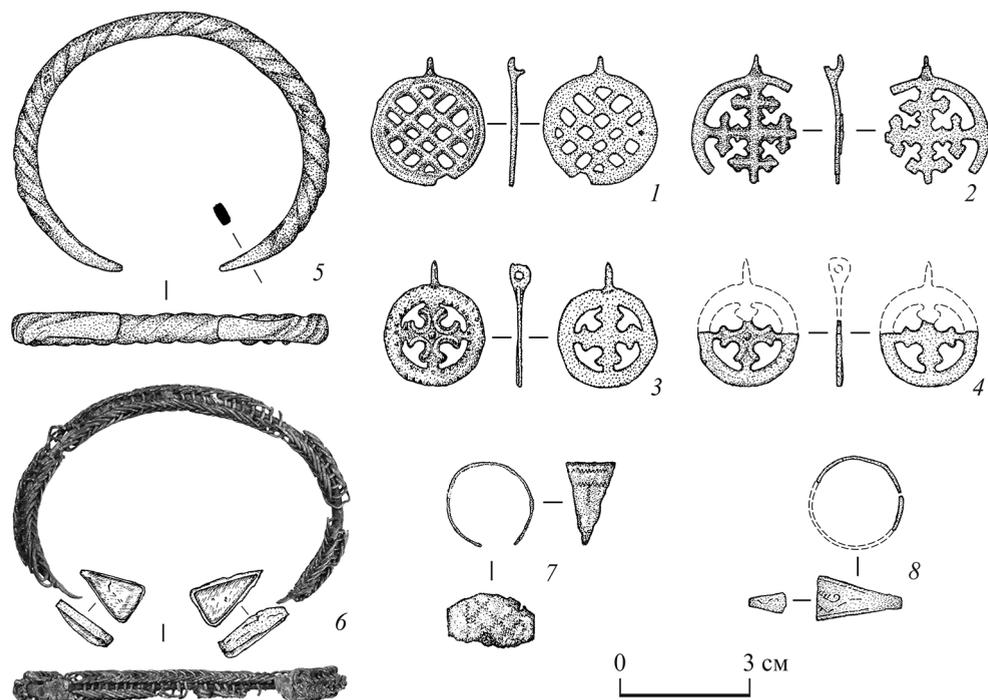

Рис. 4. Металлические украшения в комплексе кургана 7

1 — круглая прорезная косорешетчатая привеска; 2–4 — круглые крестовключенные прорезные привески; 5 — витой незамкнутый браслет; 6 — плетеный браслет на дроте; 7 — пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень; 8 — фрагменты пластинчатого широкосрединного разомкнутого перстня с растительным орнаментом.

К украшениям рук относятся два браслета и два пластинчатых перстня:

– *витой незамкнутый браслет* (рис. 4: 5) свит из 4 дротов, с раскованными утончающимися концами. Левашева В. П. датирует подобные браслеты XI–XIII вв. (Левашева, 1967. С. 220).

– *плетеный браслет на дроте* (рис. 4: 6) имеет кольчужную плетеную обмотку, которая обвита вокруг дрота круглого сечения. Концы браслета были украшены треугольными накладками со стеклянными вставками, оправленными в металлическую рамочку (накладки найдены отдельно). Равдина Т. В. датирует аналогичный браслет началом XIII в. (Равдина, 1975. Табл. 8). В статье Н. Г. Недошивиной также отмечается, что браслеты со сложным витьем характерны для первой половины XIII в. (Недошивина, 2014. С. 37, 38. Рис. 8: 3). Аналогичный браслет был найден в грунтовом могильнике у д. Бутырки в Узловском районе Тульской области. Гоняный М. И. считает сложные витые

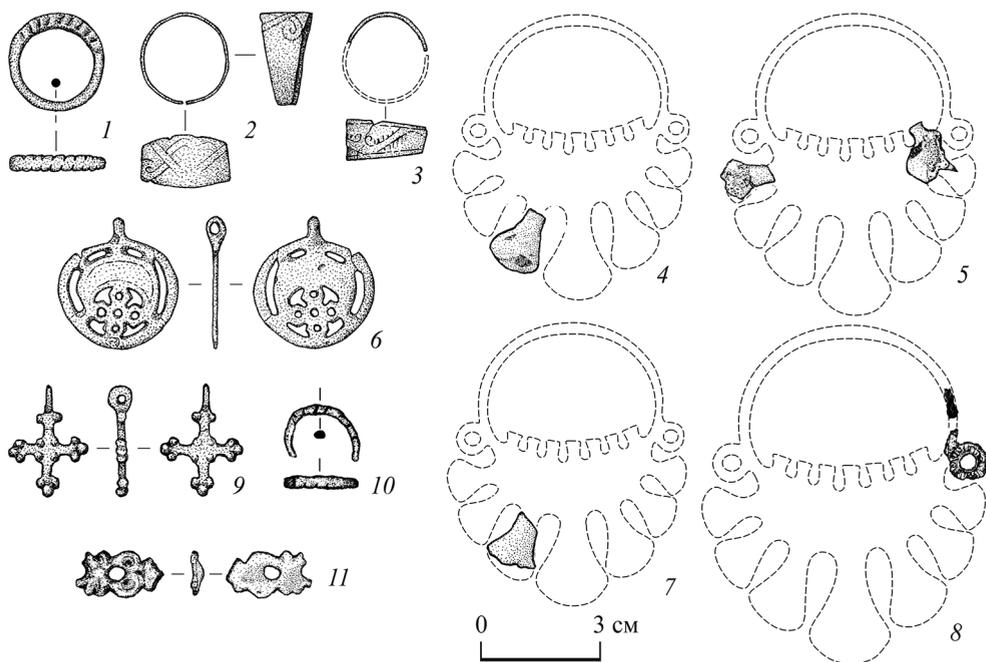

Рис. 5. Металлические украшения в комплексах курганов 1, 2, 4, 5

- 1 — рубчатый перстень; 2 — пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень;
3 — фрагмент пластинчатого широкосрединного разомкнутого перстня с растительным орнаментом; 4–5, 7–8 — фрагменты семилопастных височных колец; 6 — прорезная лунничновключенная привеска с крестом; 9 — крест нательный равноконечный;
10 — фрагмент рубчатого перстня; 11 — фрагмент ременной накладки.
1–5 — находки в комплексе кургана 1; 6–8 — находки в комплексе кургана 4;
9–10 — находки в комплексе кургана 5

браслеты наиболее характерными для XIII в., хотя встречаются они с конца XII в. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 249–250. Рис. 4: 8). Шполянский С. В. в статье, посвященной материалам раскопок селища Клёново-2, также относит время бытования этих браслетов преимущественно на начало XIII в. (Шполянский, 2007. С. 101. Рис. 1: 1). Таким образом, данный браслет можно датировать более узким периодом — началом XIII в.

– пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень с геометрическим декором (рис. 4: 7). Подобные перстни датируются XII–XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 262. Рис. 32: 2; Сарачева, 2018. С. 82. Рис. 168: 2).

– фрагменты пластинчатого широкосрединного разомкнутого перстня с растительным орнаментом (рис. 4: 8). Недошивина Н. Г. датирует такие перстни XII–XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 262. Рис. 32: 1).

Большинство предметов этого комплекса происходят из переотложенных грунтов, на сохранившемся участке могильной ямы были выявлены только три описанных украшения — перстни и плетеный браслет.

В погребальном инвентаре кургана 1 присутствуют следующие изделия (рис. 5: 1–5):

– *рубчатый замкнутый перстень* (рис. 5: 1). Подобные перстни были широко распространены на территории Древней Руси в погребениях и культурном слое поселений XII — начала XIII в. (Зайцева, 2008. С. 123–124. Рис. 111: 2–5). По материалам Белоозера их датировка — конец XI — третья четверть XIII в. (Захаров, 2004. С. 57. Рис. 89: 24–27). Недошивина Н. Г. датирует эти перстни еще более широко — X–XIII вв. Она считает это украшение одним из самых распространенных типов перстней у древнерусского сельского населения (Недошивина, 1967. С. 264).

– *два пластинчатых широкосрединных перстня* (рис. 5: 2, 3) — фрагмент перстня с растительным орнаментом и перстень с геометрическим декором.

Все эти три перстня найдены вместе, в непо потревоженной части захоронения, в районе правой ноги погребения. Вероятно, они входили в состав погребальных даров.

В грабительской яме на уровне погребения были обнаружены *фрагменты семилопастных височных колец* (лопасти и часть щитка) (рис. 5: 4, 5).

В комплексе кургана 4 присутствуют следующие украшения:

– *прорезная лунничноключенная привеска с крестом* (рис. 5: 6). Подобные изделия распространены на территории Московской области и восточных районов Смоленской области. В частности, аналогичная привеска была обнаружена в курганном могильнике Беседы 2, М. И. Гоняный датирует это украшение первой — третьей четвертью XII в. (Гоняный, Аносов, 2017. С. 209–210. Рис. 27: 11). Успенская А. В. относит такие привески к XII–XIII вв. (Успенская, 1967. С. 106, 107. Рис. 16: 11). Журжалина Н. П. в своей статье, посвященной датировке привесок-амулетов, относит эту привеску к XII в. (Журжалина, 1961. С. 137. Рис. 1: 19).

– *фрагменты семилопастных височных колец* (рис. 5: 7, 8). Одно из них представлено фрагментом лопасти (рис. 5: 7); от второго украшения сохранился лишь небольшой фрагмент дужки и боковое колечко (рис. 5: 8), что позволяет отнести данное височное кольцо самое раннее к V типу по типологии Т. В. Равдиной и, таким образом, датировать его XII — началом XIII в. (Равдина, 1975. С. 119).

Выявленное при исследовании кургана 4 погребение было частично разрушено грабительской ямой, в заполнении которой найдены фрагменты височ-

ных колец. Лунничновключенная привеска располагалась на непотревоженном участке могильной ямы.

Погребение, совершенное в кургане 5, было сильно разрушено кладоискателями. Здесь встречены две находки из цветного металла, которые происходят из заполнения грабительской ямы:

– *крест нательный равноконечный* (рис. 5: 9) с шаровидными концами и четырьмя выпуклыми точками в средокрестии, образующими квадрат, с тремя шариками на концах и двумя шариками возле массивного ушка. Подобные крестики были широко распространены на территории Древней Руси в XII — начале XIII в. Захаров С. Д. считает их наиболее характерными для XII–XIII вв. (Захаров, 2004. С. 59. Рис. 41: 18; Зайцева, 2008. С. 62. Рис. 41: 10; Мусин, 2002. С. 180. Рис. 109).

– *фрагмент рубчатого перстня* (рис. 5: 10). Сохранилась лицевая часть украшения с плохо читающимися насечками.

Еще одна находка из цветного металла была обнаружена в звериной норе, расположенной в нижней части насыпи кургана 2. Это *фрагмент ажурной ременной накладки* (рис. 5: 11). Аналогии этому предмету найти не удалось. Однако, известны находки подобных изделий на памятниках XII–XIII вв. Например, несколько накладок, атрибутированных как книжные застёжки, обнаружены во Владимире в слое XII — начала XIII в. (Жарнов, 2003. С. 55. Рис. 7: 1, 2, 4). Похожая накладка была найдена в Серенске (Никольская, 1981. Рис. 89: 49). Она так же была атрибутирована, как книжная застёжка. В нашем же случае это изделие являлось, наиболее вероятно, частью ременной гарнитуры.

Металлические украшения из курганного могильника Дарьино-2 представлены изделиями, довольно широко распространенными в погребальных и поселенческих памятниках вятичей. В целом датировка этих вещей также достаточно широкая: XII — начало XIII в. Только комплекс находок из кургана 7 возможно датировать более узким периодом — началом XIII в. — ввиду наличия в нем плетеного браслета со стеклянными вставками.

Среди исследованных изделий преобладают украшения рук, наиболее многочисленной категорией находок являются перстни. Однако, все описанные предметы принадлежат к комплексам, которые (кроме погребений кургана 8) дошли до нас неполными, т.к. большая часть изученных погребений были в той или иной степени нарушены грабительскими перекопами. Поэтому мы не можем говорить о преобладании или отсутствии в коллекции определенных категорий вещей (например, височных колец, в основном представленных отдельными невыразительными фрагментами) как об особенностях погребального убора.

Литература

- Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2017. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // *De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке* / ИА РАН. Смоленск: Свиток. С. 194–247.
- Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // *СА. № 1. С. 246–254.*
- Гоняный М. И., 2014. Находки вятичского круга древностей конца XII — XIII вв. на сельских археологических памятниках бассейна верховьев Дона // *Труды ГИМ. Вып. 198. М.: ГИМ. С. 65–91.*
- Журжалина П. Н., 1961. Датировка древнерусских привесок-амулетов // *СА. № 2. С. 122–140.*
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. С. 57–141.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Идрик. 592 с.
- Кренке Н. А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках // *Русь в XIII в. Древности темного времени. М.: Наука. С. 151–168.*
- Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет философии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Левашева В. П., 1967. Браслеты // *Очерки по истории русской деревни. X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 207–252. (Труды ГИМ; вып. 43.)*
- Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности // *Труды ИИМК. Т. V. СПб.: Петербургское востоковедение. 269 с.*
- Недошивина Н. Г., 2014. Вятичское кладбище у с. Бельково // *Труды ГИМ. Вып. 198. М.: ГИМ. С. 34–53.*
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 253–274. (Труды ГИМ; вып. 43.)*
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 304 с.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических древностей»: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. М. 252 с.
- Сарачева Т. Г., 2018. Металлические украшения / Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. Материалы спасательных археологических исследований. Том 21. М.: ИА РАН. С. 76–90, 224–259.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 198 с.

- Степанова Ю. В.*, 2011. Привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Спб.: Нестор-история. С. 293–305.
- Успенская А. В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 88–132. (Труды ГИМ; вып. 43.)
- Фехнер М. В.*, 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Советская Россия. С. 55–87. (Труды ГИМ; вып. 43.)
- Шполянский С. В.*, 2007. Вещевой комплекс селища Кленово-2 из окрестностей Перемышля Московского (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. Вып. 221. С. 99–111.

Сведения об авторах

Аверин Вадим Александрович

ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», г. Иваново

Аверина Анна Викторовна

ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», г. Иваново

Аникин Илья Сергеевич

Институт археологии РАН, г. Москва

Баранов Николай Анатольевич

Институт археологии РАН, г. Москва

Барышников Вячеслав Юрьевич

ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», г. Иваново

Возохин Александр Вадимович

ОБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области»

Грибов Николай Николаевич

Институт археологии РАН, г. Москва

Зайцева Ирина Евгеньевна

Институт археологии РАН, г. Москва

Зеленцова Ольга Викторовна

Институт археологии РАН, г. Москва

Кузнецов Андрей Александрович

Институт экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Лапшин Владимир Анатольевич

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Марьёнкина Татьяна Анатольевна

Институт археологии РАН, г. Москва

Милованов Сергей Иванович

Институт археологии РАН, г. Москва

Мясников Николай Станиславович

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары

Очеретина Светлана Владимировна

Институт археологии РАН, г. Москва

- Письмаркина Анастасия Ивановна*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Пронин Александр Сергеевич*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Руденко Константин Александрович*
Казанский государственный институт культуры, г. Казань
- Русаков Павел Евгеньевич*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Савосина Татьяна Юрьевна*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Самотовинский Дмитрий Владимирович*
ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», г. Иваново
- Селезнёв Фёдор Александрович*
Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
- Свиридов Алексей Николаевич*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Сироштан Иван Иванович*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Фатьков Алексей Михайлович*
Институт археологии РАН, г. Москва
- Федулов Михаил Игоревич*
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
- Филиппов Юрий Владимирович*
ГБУК НО «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник», г. Нижний Новгород
- Чеченков Павел Валерьевич*
Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, г. Нижний Новгород
- Швецова Анастасия Александровна*
ГБУК НО «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник», г. Нижний Новгород

СОКРАЩЕНИЯ

- АВ — Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН.
- АВСЗ — Археология Владимиро-Суздальской земли
- АП — Археология Подмосковья
- АЭМК — Археология и этнография Марийского края
- ИА РАН — Институт археологии РАН
- ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
- ИИ АН РТ — Институт археологии Академии наук Республики Татарстан
им. А. Х. Халикова
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
- ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала
Академии Наук им. Г. Ибрагимова
- КАЭЭ ПГПУ — Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского
государственного педагогического университета (г. Пермь)
- МАР — Материалы по археологии России, изданные Археологической
комиссией
- МарГУ — Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
- МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, ли-
тературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НГОУНБ — Нижегородская государственная областная универсальная науч-
ная библиотека им. В.И. Ленина
- НГИАМЗ — Нижегородский государственный историко-архитектурный му-
зей-заповедник
- НГУАК — Нижегородская губернская ученая архивная комиссия
- НИКА — Нижегородские исследования по краеведению и археологии
- ННГУ — Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачев-
ского
- ПА — Поволжская археология
- ПГПУ — Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского

ПШКНН — Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
Рог. — Рогожский летописец
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТА — Татарская археология
Тв. — Тверской сборник
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской Академии наук (г. Ижевск)
УЗ ЧНИИ — Ученые записки научно-исследовательского института языка,
литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской
АССР
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

Новгород земли Низовской

Ответственный редактор
О. В. Зеленцова

Дизайн и верстка: Д. В. Щепоткин

Корректурa: Л. М. Бабушкина

Подписано в печать Формат 70 x 100 1/16
Уч.-изд.л. 19,8. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в

ISBN 978-5-94375-415-9

